

Божественной Анастасии Гуровской.

Алексей Дэлль-Василевский

СЕРДЦЕ СИНАТРЫ

(MARIGUANA)

Роман в стиле «атриум»

«Красота женщины, которая с тобой, - на уровне кайфа, который сейчас».

Воин Тени.

2 июня 1998 г.

Я спрашиваю Бориса: ты что-нибудь слышал про пятое измерение?

Конечно, он слышал.

Он про него всё знает, и даже то, что теоретические физики вплотную подошли, чтобы соединить две «мембраны», и тогда пространство духов станет осязаемым, или, напротив: мы станем осязаемы для них.

Пятое измерение, Борис! Называются «мембраны» Если поля локализованы на мембране, то в этом случае гравитационное взаимодействие сильнее всего остального: гравитация у нас слабая, а в пятом измерении – сильная, вот они, призраки, в том числе и коммунизма, 94 год, модель – «Рендел – С», и последний проект «Радион» - скалярное безмассовое поле.

Так что все наши космические эксперименты с Борисом проделываются с дополнительным упреждением на «пятое измерение», - новый фундаментальный масштаб.

За нормальные, «невикторианские» сутки мы облетает вокруг земли шестнадцать раз, поэтому день и ночь для нас делятся по академическому

часу, так что по нормальным, обывательским стандартам, у нас тут интересная жизнь, - они не знают, что околоземная орбита – чистая фикция.

Учёные говорят, что в этом зеркальном мире гравитация очень сильна, и любое движение здесь – не меньше скорости света, и на самом деле, всё проще простого – выползая каждый из своего водолазного костюма, что зовётся «бренное тело», мы разГОНяемся, как надо, и если останавливаемся, то разве что, отлить, - здесь, в наших дополнительных мандатах – на полную свободу от всего, мы встречаемся с теми, кого уже нет, и кто ещё будет, а это, смотря как посмотреть: если мы, реальные космонавты, есть измерение, допустим, седьмое – то духи, строящие рожи в иллюминаторах, есть измерение первое.

Именно в этом измерении нас сорвало с орбиты, однако, мы получаем с почтовым голубем свежую прессу, и, стало быть, читаем:

«Стыковка “Мир” и “Шаттл” обязательно состоится!»
(Это про нас*).

Мы недавно исправили бортовой компьютер, американский астронавт, не помню, как зовут, бьется в истерике - хочет домой, на войну, потому что заглянул недавно в перископ: (тут заранее употреблю цензуру*), а его жену е(ПИСК)ёт какой-то латинос, толи негритос, - он задницу не разглядел, если честно, то из космоса, любая задница – без особых оттенков, в этом отношении нам далеко до этих, как их, Борис? (Это мой помощник).

БОРИС. Инопланетян.

Я. Точно

Стыковка произойдет завтра. - 3-го июня по лунному календарю: сегодня 2-е, и мы спешно привинчиваем к потолку биде, - говорят, что с ними летит какая-то баба (её зовут, я помню, потому что командир, не хрен собачий – Канголиса),

опять, значит, что б никого не зачать, в конце концов это уже далеко не военная тайна, что в безвоздушном пространстве еться невозможно - карающая струя разлетается по всему нашему “Миру”, и все это больше напоминает минет с коброй, только наоборот - это она плюется на пять метров, а бедная американская астронавтка - только уворачивайся, к тому же у них своего добра навалом, - это наш астронавт какой-то полудохлый (он нам изрядно надоел), нам уже два года не присылают

сюда оклад жалования, и каждый раз с одинаковой формулировкой - на хрена вам там деньги, а вам там, мол, и так нищтяк - на вас смотрят все, кому не лень, мол, как вы там не можете починить этот сраный компьютер, то у вас все ключи от выходного люка ломаются - один раз вообще пришла телефонограмма от главного конструктора - что б вас там через пять минут не было (у него тоже порядком иждивенцев, верховный торопит, не маленькие, понимаем).

Стукачи на земле следят, как надо, - мол, вы и так герои, хренле вам еще надо, - возвращайтесь домой, долетайте до самого Солнца, я Земля, я своих провожаю.

И неведомо им, что мы давно уже пускаем пузыри, перекрыв все известные рекорды падений и взлётов, что на самом деле нету нас, наш лунный отсек – на дне океана, здесь за гигантскими кальмарами ныряют влюблённые кашалоты, и в каком мы пребываем измерении – основной мотив моих бесед с Борисом.

Пока он спит, я включаю запись нашего прошлогоднего разговора на счёт того, что есть – эти самые скачки по пространствам, начиная, скажем, с пятого, если наше нынешнее положение взять за «единицу».

Конструкция такового бытия похожа на куст дикой конопли, где в разных местах материализуются киборги, «люди в чёрном», чистые элементы «фолк» (Кощей. Горыныч. Яга. То есть – искусственно вашими евреями, Боря, демонизированные боги; далее - инопланетяне, «отважные и т.д.», матросы Христофора, затевающие бунт, в тот момент, когда святые каравеллы подходили к Багамским островам – глянь, Боря – там теперь моря лесбиянок, вот Христофор выходит на мостик, видит светящегося червя, принимает его за огни – началась сезонная депрессия, в общем, сколько кустов твоих,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

столько и пунктов населения бесконечного пространства Вселенной, по которым плывут далианские мягкие часы - в конце концов и у Александра Сергеевича была не поэзия, а, как теперь говорят эти пидарасы от науки, а явление «десинхроноза».

Вот конструкция:

Мы – первые, и единица - мы сами, с нас, всеми забытых, легко начинать любое счисление, первое – наши сны, или жизнь тех, кому снимся мы;

Второе, - это наши воспоминания,

Третье – чистое творчество, то, что пребывало в воспоминаниях, ибо сейчас – не до него.

Четвёртое – любовь, скажем, к Женщине,

Пятое – к Богу.

- А остальные два?

- Эти поля – на волю победителя.

Я прекращаю слушать теорию, и перехожу к практике: здесь же, на этом вечно пьяном борту, и сочиняю тебе песнь,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

тебя со мной нет, потому что всё, что я здесь тобой засадил, порвала эта сука, которую надо зачать, а ещё космонавтка, вот и уестествляй её после всего этого.

Я пишу тебе письмо, которое седьмое измерение и есть – чистый вымысел, потому что того, что я сейчас сочиню – на самом деле быть не может, ибо сегодняшние реалии настолько пошлы и обыденны: мы то на взлёте, то на дне, тебя со мной нет, в эфир не твякнешь – на нас благодать, ибо ловим мы различные движения Вселенной, и я, как космический диджей, записываю голоса духов, на первый взгляд, элементарным движением: на кнопку.

Взгляни на меня, плачущего по тебе, битого воробышка, к святому отцу зывающего, тебя потребляющего уже стаканами – в запой;

я давно уже закончил этот роман, и бросил его, на съеденье свиньям, сломав сначала, как предателю, хребет,

но потом вижу – ты, моя любовь, возвращаешь туда, где мы давно уже побывали, или, как выразился как-то Фитсджеральд (Хем сказал про него, что тот был неврастеник),

не знаю, правильно ли я написал его фамилию, впрочем, дело даже не в этом, вернёмся мы к своему бесконечному течению, или нет, просто музыка сфер всегда новая, ибо такой танец твоего воображения случается всякий раз, как последний, и я падаю ниц перед тобой,

Моя Любовь,

моя зелёная трава, которую всё время приносит мой серый кардинал – у него с некоторых пор нет правого глаза, но он как тот Волверстон, что косил под Блада, и если б не баба, то всё могло быть и по другому – говорил дед по папе – Великий мужик, так что все мы возвращаемся на круг,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

О чём я?

БОРИС АБРАМЫЧ. Ясный хер, о любви.

Я. Так это ты появился безо всяких ксив и воинских регалий в грузинском аэропорту?

Тут непременно подадут микрофон – так удобнее:

Это, как говаривал английский писатель Д.К. Джером: «хотите, покажу вам парочку черепов, а мы ему: «пошёл ты НА!!!!!!!»

Не любить тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана....

это значит – не любить мой собственный «МИР», (он именно этим и привлекателен),

всякая непрочная фаза отсутствует, ибо он конструктивен, как и любой хаос:

(Этот финт в боксе называется: «Лёгким движением руки, яйца превращаются в элегантные шорты»).

Вот он, основной приём:

Моя женщина – лучшая, и пока она тут дрыхнет, озаряя своим волшебным дыханием мой полуночный свет – прямо на Луну (секи, Борис Абрамыч, мы пролетаем над темной, самой воспетой её стороной), я захочу сделать ей приятный сюрприз – легко перевернуть всю свою прошлую жизнь, и бросить к её ногам, - ибо она совершенна.

И совершенством своим освещает бриллиантами Вселенную – наша любовь – на небесах, но нам и в шалаше – нищтяк, так что наше с тобой путешествие, Борис, чистая иллюзия, грубо говоря, я залазаю на собственную крышу, и шлю сигналы – в никуда, накладывая собственное вето на всю деятельность астрологов, - включаю в своей, собственный «МИР», и их – болтаться по вселенной, отныне весь этот мат будет заменяться строгой цензурой, б(ПИСК)ля буду, мама.

И последняя деталь: после всех этих фатальных полётов «Шатлл», где постоянно сгорают какие-то импортные провода, мне, как командиру корабля, полагается стряхивать с борта «залётных» интервентов, замаскированных под наши «Востоки», «Союзы», «Прогрессы», и т.д.

Я держу в руках старый контракт с НАСА, где вся цифровая информация – это их собственность.

Летает какая-то снюхавшаяся баба, борющаяся за свои права, и кто-то из нас, наиболее при жизни на земле, пока ещё там жить было можно, выкинул в «открытый» космос её персональный скафандр, вместе с кокаиновой записочкой, помадой, и т.д.

Итак, начнём с повтора: никаких понтов здесь нет, и жизнь хреновая, потому что всё, что я любил и ненавидел, осталось там, а нас уже давно сорвало с орбиты.

Пусть эта литература будет измерением пятым, раз уж этому миру всегда нужна оптимальная схема – плавающие яйца – в бесконечном шахматном поле.

Все, что было, ушло безвозвратно. Осталась, похоже, только память. Единственное, что нельзя вытравить до конца. Но ежели я с вами вот так, запросто, разговариваю, то значит и воспоминания – позади.

Остановись и вскинь взор ко звёздам – я сочиняю.

Я пишу письмо последними чернилами – на белый лист бумаги, и когда чернила кончатся, закончится любовь, я запечатаю его в бутылку, и выброшу в открытый космос.

Итак!

«Моя Любовь!

Жизнь - это пятнадцатираундовый поединок, и неважно, сколько он длится, даже если раунды эти – микроскопические.

Это говорю тебе я, твой давний поклонник, твой верный раб, воздающий тебе мысли, звуки, которые, в конце концов, становятся тем, что «в начале было» - за тринадцать до начала Войны: наш «МИР» упал раньше, чем я метнулся под канат, финтуя с собственной тенью: надежда избавиться от неё не умирает.

И, раздвинув немислимые шторы этого синего леса, где обязательно, согласно регламенту (поединок расписан), я всякий раз убеждаюсь, что если б там, куда я стремлюсь верхом на мечте (в народе – метла), произрастёшь ты – где-то возле склона, плющом увитого, и ты там такая, что придёт, наконец, единственное известие, что приплывёт в бутылке – из-под джина – тебя пошлю я, только на пару мгновений раньше (вселенских, разумеется*).

Так что если по-прежнему гнать эту тройку с бубенцами, то, боюсь, придётся поменять лошадок – на этой единственной переправе, а я к ним, удалым, уже по привычке: сгорела стая гончих, а на борзых стали экономить – застроили Планету, и мы давно уже привыкли покорять этот сколь нулевой, столь и прекрасный мир, по которому бродит Господь – освещающая путь своей паяльной лампой, ибо не было бы тьмы – никто б не разглядел Измену, а глядится она сквозь твои дымы,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Ты уже давно сводишь меня с ума своим потрясающим изобилием, и все эти сраные англичане, сыгравшие на твоих семи листьях, как на хреновой волынке («спасите Грейс», кто не видел), скоро уйдут под воду, и сгинет Стоун Хендж – то самое место, откуда я порой выдавал свои молитвы, и всегда со мной была ты, а когда тебя со мной не было (скажем, ты застряла на таможне, но я ещё вернусь за тобой что бы не случилось.

Моя история – войны с собой, ибо сейчас на ринг выйдет моя несметная тень, и судья ударит в гонг.

Дело не в том, когда в этом заканчивающемся вот уже целую вечность бою, ты всё-таки убьёшь меня,

Моя Любовь.

Просто моя тень выигрывает по очкам: ведь это – вылитый я, только на мне красные трусы, а на нём (ведь это я) – чёрные, так сказать, траурные.

В этом ринге ограничений нет, кроме тех, которые с самого начала означать себе сам: поскольку раундов пятнадцать, то надо успеть отбметь эту жизнь по всем статьям, и всегда есть надежда, что твой поединок известен только Создателю, ибо я прозвался НИКТО (Одиссей Хитрожопый), и путь мой известен – суждено упасть, значит – так тому и быть, и лучше заранее сделать поклон – если будет чем кланяться, когда рефери (он же – Председатель) прогавкает «пора».

Самое главное открытие, которое произвела на свет о ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана, -

моя тень уйдёт от меня, когда я всё-таки улягусь, сломившись от последнего «прямого в брюхо», но это будет лишь технический нокаут, а с техникой у меня всё нормально.

Итак,

Раунд первый.

Гляди, Борис, я сочиняю:

Мой родной дед заворачивает меня в простыню и несёт по коридору, коридор пройден, он упирается в дедовский кабинет, на его старинном дубовом столе с зеленым бильярдным сукном, стеклом накрытом, стоит пишущая машинка «Москва» с вправленным листом.

Дед подносит меня к машинке, и печатаю: «Мама».

С тех пор, как говорится, «срезало на гармонии», которая оказалась –

Чистый кинематограф.

Можно сколько угодно пенять на книги и мечты, но должна быть экспозиция: конечно же Жан Поль, ребята. Была такая киношка, где он играл с ещё юной Жаклин Бесет – он Боба, она Диану (как оказалось в позднем переводе – она звалась Татьяна, проклятая цензура).

В литературе он Герой, в жизни – писатель, и все его ухищрения написать «настоящую» книгу кончаются бесконечными приключениями его Героя, которые – его книга и есть, и в какой-то момент его Героине в образе грядущей любви, его Злодей заявляет: курите, это всего-навсего:

МАРИХУАНА.

Она хохочет, но именно после этого сердца соединяются – чего они там себе удумали, но случайностей не бывает.

Бывают только кочки на прерывистых ухабах судьбы.

Далее: восьмиметровый кусок уже давно проржавевшего железа, «ТРУБА»,

и раунд так и называется: «ТРУБА» - ибо это вполне конкретный предмет, может, он и сейчас там лежит, материализуя вечность, как вечная эта весна времени и пространства:

там я сушил тебя, наблюдая единожды, как обдолбленные лётчики с вертака обстреливали ПТУРСами (ракета такая, воздух – земля «называется «противотанковый управляемый снаряд»), уходящих от погони казачат со взведёнными курками: надежда дяденьками питается.

Тогда ещё ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

в основном торговала собой, и я сидел на мешках с твоими рубленными головами;

и любое зрелище так или иначе в конце этой трубы 324мм, в бурении называемая «кондуктор» чревато зазеркальем, ну так ты ж, б(ПИСК)ля, не Алиса, а гораздо хуже – ты прозрачен и невидим для этого «МИРА» ровно до тех пор, пока интересуешься им с высоты своего полёта, а он – по своему высок, ибо счастье всегда рядом – впрочем, как и несчастье тоже.

Раунд первый – здесь было всё, ибо это было началом шоу под названием ГОН, вот послушайте, братья и сестры, ибо лучше того, что выдаёт хорошая небесная стая, подхватившая оленя на вечерней зоре по сырой весне, в мире не бывает.

Слышите? Это многократное эхо.

Моя труба его рождает. Мой охотничий рог, весом в тонну – такие штуки выкидывал Великий Александр, дабы враги решили, что он – великан, они частенько находили у себя такие подарки, и от этого дурели их боевые слоны.

Поэтому я из этого, абсолютно вымышленного «МИРа», периодически выныриваю (разумеется, через трубу, напоминаю, применяемой для обсадки нефтяных скважин – из-за них начали драться давно, а кончили недавно – немного восточнее), и оказываюсь в следующем, где мерно и неторопливо вожу по бумаге пером (никакого станка, даже Гутенберга), это объяснение в любви, отправленное с Райского Острова – прямо на Восток, где, возможно, его когда-нибудь прочтёт та, с которой ты мне не нужна.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Следующее измерение, называется:

СЕРДЦЕ СИНАТРЫ

Вылез из водички как-то, где-то на Багамах, попил из крана - вода соленая, вспомнил Владимира Семеновича:

«а я докажу вам на деле,
на что способен»,
в первом куплете «аскет», во втором – «скелет»,

потом включил канал про моду (ведь я в бегах), а там - Найоми.

- Сколько у тебя было любовников? – спрашиваю я заграничный голубой экран, вдохнув и выдохнув тобой,

Моя Любовь.

- Да, у меня было много любовников, - отвечает моя шоколадная красавица. - Секс - это обмен. Энергиями.

Ни хрена. Нет здесь никакого обмена.

Сплясал с ней танго (жанровая стилизация под камаринского) - это да, чуть больше чем секс, чуть меньше, чем жизнь, потому как танец.

Он у нас – чуть больше, чем смерть, моя любовь. Моя Марихуана.

Гляди в окно. Там начинает свой полёт маленький реактивный самолёт, он вычертит белым по синему сердцу мистера Фрэнка Синатры. Потом он рухнет в воду, и наш роман закончится.

Раунд второй

«Амстронг умер в 1971 году, «оставив миру ниспосланный миру звук», что до первого в мире космонавта на Луне, так это снял на камеру «Арефлекс» Стэнли в павильоне Голливуда

- Какой такой Стэнли?

- Кубрик, Борис Абрамыч. Это твои соотечественники заявили, что человек не был на Луне. Он был. Просто его от туда – мягко говоря, послали.

Бутылка вернулась, обогнув землю, прямо на «МИР», вскрыл её, читаю: не было там про любовь.

«Колодец Нирваны», это, в принципе, любовь и есть, но только к истине, и здесь, разумеется, без тебя не обходится,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Итак:

Первый раунд закончен, и первый перерыв между ним и вторым (всё только начинается, ибо поединок предписан по руке: свои пятнадцать я пропрыгаю, ибо длина каждого из них – совсем не ясна) и есть – колодец.

Глоток, равный по полноте трёхлитровому «баллону» с «Жигулёвским», ибо время такового перерыва как раз совпадает с расцветом этой марки (круче «Венского», хоть и та же рецептура) – не было другой, потому держава была.

Секи, Борис! В иллюминатор «номер раз».

**То, что ты сейчас видишь –
есть**

КОЛОДЕЦ НИРВАНЫ.

Можно сравнить с «трубой» (по ощущению), но есть разница в проекции времени на пространство (и наоборот), ибо «труба» - это промежуток между ситуациями, во времени свободными, а в пространстве – реальными, ибо они – чистая литература, а стало быть – зафиксированы в слове, которое «в начале было», хотя слово это – чистый звук – на весь вселенский аул.

А «Нирвана», да ещё в колодце, - формулировке не подлежит, она ей никогда не поддаётся, и всякое употребление любых слов – противоречит самому понятию ЕЁ (так завещал нам Будда, он же – Гуатама. Он же – Бдящий).

Рядом с нами подлетает, прямо над этой персиковой дорогой облаков, и бесконечной очереди каждый за своим “Источником наслаждения”, наша станция «МИР» моментально преодолевает полутемный коридор, с длинным столом, за которым – все мы, а на нём – изобилие, которого нет – оно иллюзорно.

Зрелище такое, что нам всем, невидимым ссыльным труженикам, про которых все давно уже забыли, очень нравится, - смотрите туда! – ору в небеса, поднимаю башку, а небеса – давно внизу.

Мы остаёмся - ждём своей очереди, и всех лупит своим ХОССУ наш мудрый Учитель, которому на всех нас наплевать - он сам ни черта не понимает, потому главная ошибка для него – сказать кому-то, что наконец-то всё стало ясно в этом «МИРе».

- Кто сказал, что учитель ни черта не понимает? - кручу я головой, допрашивая экипаж, но мне молча показывают в открытый космос, - нет, это наши кумиры, всякому есть место, у каждого свой высокий бокал, у них там бывает темно – наверное, они на том самом месте, которое один господин с бабьим именем, некий бывший шведский инженер и провидец по имени Эммануил, назвал Адом.**

Так вас сюда просто не пустят, господин Ангел, у вас слишком пестрые одежды, вы высоко рванули, и если на небесах на самом деле все так, как вы говорите, если, как вы выразились “так называемые гении” в самом деле, торчат в какой-то вонючей щели, той самой, которую вы им уготовили, тогда пропади всё пропадом, потому что теперь мы ч Борей видим тот самый срез небес, куда мы все стремимся общим экипажем - пусть здесь похуже климат, но зато какая компания - вон в углу стоит, и

что-то наигрывает Владимир Семенович - я всегда мечтал дотронуться до его великой руки, так пусть я это сделаю в Аду, пустите меня туда, сгорим в парной, как в банно-прачечном комбинате. Спасибо тебе, Господи!

С уваженьем дата, подпись.

Это жизнь. А сейчас, Борис, литература для следующего послания, впрочем, я и прошлое не отсылал:

- Ну, вот скажи, и не соври, хотя бы раз в жизни: ты смотрел хоть раз такую порнуху, чтоб потом было мучительно не больно за то, чем некогда заняться на орбите?

Ограничимся пейзажами и натюрмортами, и кто сказал, что Великий Сальвадор не снимал порно, - враньё, просто Мастер не мог светить тех, кого легко можем засветить мы, нам-то что, мы ж космонавты.

Записывай, Борис! Я гарантирую пустить такую молнию, что книга Гиннеса сгорит в огне, потому что «МИР» снесёт с орбиты, и тут резонно слышу – уже снесло, ну так, значит, не вполне достаточно, потому что нам-то с тобой, согласно Ивану Семёновичу (Баркову), гореть во «Аде с елд(ШИСК)аками, вконец давно уже утратив мысли» (заманчиво, как никогда) – а на хрена они нам, если мы давно уже не контролируем процесс, так что – я буду смотреть порнографию ровно месяц, и при этом распну себя в орбите, так что ни руками, ни ногами, до собственного хрена (я зову его Фердинанд), не дотянусь, и рвану потом, как триста мегатонн, или чего ещё там, хрен её знает, там бывает, - вот тебе и конец, и будет новый Млечный Путь, если это, конечно, технически возможно.

ЦелКомудренное человечество объявило нормальное, гуманное порно, таким же запретом (эта запись – из бортового журнал «МИРа» многолетней давности, заметь, Борис, как он изменился с тех самых пор, как наша станция попала в «сеть»), а заодно тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

(здесь изменилось только то, что через сеть Ты продаёшься в

«объективы Шеленберга», заметь, Борис, я сочиняю «в назидание потомкам»: Аскет и Век).

Можно считать наш полёт, вернее эту его часть – первым мгновением первого раунда, но поскольку он, этот неповторимый миг между «прошлым и т.д.», по мнению астрологов, всегда бесконечен, то и будет в этой части текста (пусть будет), ни что иное, как POSKZRIPTUM, который в свою очередь размножится в геометрической прогрессии, возведённой в степень, в такое количество этих самых POST, POST, POST, (их, б(ПИСК)ля, как модернизмов), что и было сказано в эфире 1-го канала какого-то февраля 2004 года, в «умном» ток ШОУ Д. Диброва «Апология», то есть это случилось уже после того, как мы с тобой сошли с орбиты на нашем прекрасном корабле, дорогой Борис: нас просто нет, и та, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

уже совсем другая, она переродилась, возродилась, ушла, пришла, и, может быть появится опять.

Смотрю календарь нашего «МИРа», что растворился в океане – все даты на х(ПИСК)ер смыло, как в абстрактном анекдоте, и я рулю хреново – режу по углам, срываю бамперы каким-то сраным адвокатским «Шкодам», и мыкаюсь в подпольные аптеки.

Мой друг Борис Абрамыч, расправь крыла наших солнечных парусов, гляди в сапфир стекла: вот орбита, вот Волга, вот Саратов, вот Энгельс – эта самая старая в Новейшей Истории переправа, не пугайся, сейчас ты ещё не в Лондоне, и сегодня уже 2011 год, последний день Божественного Откровения последнего дня Октября, а там – поёт, танцует, плачет и хохочет та, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

а ты в тот день судился с Абрамовичем, затратив на процесс бюджет всего пиратства и крестьянства Сомали.

Извлекаю предпоследнюю значку.

А как ты думаешь, партнёр по камере, выиграешь ты через много лет после нашего совместного полёта в «МИРе» на только нам с тобой известную орбиту, процесс в тот день, когда моя возрождённая бабуля

упрыгала через вон ту детскую скакалку в ритме «Полёта Валькирии» Магната Будущего Рока Вагнера?

Я знаю, друг.

Ты иллюзорен, как твоё бабло, мой поединок – моя тень, и ты мне – только снишься, иначе кошмар совместного пребывания – еврея и немца, в замкнутом пространстве станции, где скоро вся сгорит,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

не кончится никогда, нас будут умерщвлять и оживлять, мы станем слать приветствия погромам.

Борис, я от тебя такой прыти не ожидал, ведь мы – практически родня, как Адольф с Альфредом.

Вот они, последствия нашего с тобой пожизненного заключения на дальней орбите, мы с удовольствием констатируем, что давно сошли в открытый космос, и мы умрём от этого последнего, немислимого кайфа.

Давай слегка заякорим процесс, ведь мы практически в Аду: заначка есть, но она последняя, и мы не знаем, сколько нам ещё болтаться на орбите.

А, кстати, давай-ка сожрём своё овощное рагу, я приготовил, тут плавал один контейнер, в космическом, б(ПИСК)ля, мусоре – свежая, считай, закуска, из какого измерения её пригнало, знает только она, та самая, что кроет времена – пространства,

Моя Любовь,

Моя Марихуана.

Летаем, ах, да эфир про интеллигенцию – финал апофеоз, их даже рассадили и расставили, как надо, неведомая рука Сиона, усатый карлик трёт мозги, а я летаю тут с тобой, Борис Абрамыч, в безвоздушном, б(ПИСК)ля, пространстве, и думаю: в русском лексиконе слово интеллигенция давно срослось со словом аристократия, которая была истреблена под корень, что до

интеллигенции, то вернее Чехова (его повторил Ефремов), не скажешь: ненавижу.

Смотри, Борис Абрамыч: здесь текла Ра (её тогда так звали), раньше здесь был океан, палеонтологи называли его «Тедис», здесь множились драконы, те самые, что вернуться сюда к Концу Света, дабы отомстить всем тем, кто их стрелял с летающих тарелок, так что, дорога по дну Атлантики от Бимини до Геркулесовых Столбов на Гибралтаре – новейшая история, расслабься.

Но, может быть, мгновение спустя, мне скажут: «ты низложен», я с грустью посмотрю на календарь (собирался смотреть в иллюминатор), там – та, с которой ты мне не нужна,

Моя любовь,

Моя Марихуана,

на тот момент, когда тобой «убилась».

Это было неделю назад, ты смотрел фильм К. Костнера «На трезвую голову», и выдернул розетку на реплике: «пусть пришлют высоких и светловолосых, эти старые евреи трижды подумают, за кого голосовать», забыв, что мы с тобой давно сошли с орбиты, наш «МИР» взорвали миротворцы, и теперь мы с тобой, вернее, то измерение, в котором мы остались (по местным меркам – от парсека до мгновения назад), как фотка в зеркале – Вселенная, Борис, сплошные зеркала, а ты как думал, откуда Отец Небесный знает про нас всё?

ОН может просканировать всех нас одновременно, увидеть мгновенья орбитального полёта в измерении культурных людоедов Майя – Иллюзией – назвали их даже не те, кто приземлялся на Пауков Наска, на самом красивом плато молодых Анд, (чего ты щеришься, по местным меркам это горы молодые), гляди, что видишь?

Ничего?

Ты слеп, еврей. Там, на Земле, куда мы так хотим с тобой вернуться, мечтает о грядущей любви, Рождённая Индиго, что до меня, я вижу цепь перерождений столь же ясно, как исход твоего процесса с бывшем губернатором Чукотки, (он там втоптал всю русскую службу – в мерзлоту).

Но мы то - сугубо материальная субстанция, вот пощупай.

(Борис определяет, и ни хе(ПИСК)ра не стесняется – нас здесь двое, как говорят про «Боинг» президента его Западного филиала – «в этом трейлере с крыльями»).

Смотрю в Иллюминатор.

Возрождённой Девушке Мечты всего пять лет, на левой стороне Реки она лупит куском шифера какого-то мальчишку по башке только потому, что он признался в любви её подружке, я прокручиваю этот момент с утра до вечера. Пусть она ему врежет, правда, Борис? Эй, ты где?

Смотри не растворишься в пространстве здесь – всё по Беккету, ты персонаж, я автор, мы заперты в пространстве нашей пьесы, и со времён Софокла с Еврипидом, в финале отлетит башка, я постараюсь, чтобы не моя.

Заканчиваю речь, летаем по сортирам: наша участь проиграна в покер чертями девятого круга Божественного Данте, бабло сгорело вместе с банковской ячейкой.

Я тороплюсь потому, что через мгновение, а может быть и жизнь, за нас с тобой никто не даст, по версии старого сверчка из-за какой-то там дверной щели, за которой – тот самый иллюзорный Рай, куда мы никогда не попадём, «сухой дохлой мухи».

- Кто не даст-то?

- Да никто.

Давненько это было.

В две тысячи третьем главный фашист РФ по кличке Жирик сказал, что Россия свои таланты не выдерживает. Он прав, Борис Абрамыч. Вот нас с тобой, услали в дальний космос.

В тот же день того же года Катька по «ОРТ» объявила, что какой-то русский умелец из Нижнего, подковал-таки блоху, включаю ящик, там ужасающая новость:

7 июня 1998, накануне Балканской войны, мой лучший русский пегий выжлец Журай, трехкратный чемпион, по экстерьеру, голосу и ГОНу, сгорел

в земном огне, спустя тринадцать лет обломки спутника (чёртовый взрыв – и все едино – за год), приземлились под Новосибирском, пробив крышу какого-то сарая, на улице Космонавтов.

Я вспоминаю свою прошлую жизнь, когда мы ещё не сорвались с орбиты, внизу пребывала Земля, а из неё появлялась Ты,

Моя Любовь,

передавая таинства обрядов.

И жизнь была – крошечный поединок.

Напоминаю: Раунд второй.

Это – чистая истина. Постоянный риск от встречи с тобой (ты сушишься в «ТРУБЕ»),

Моя Марихуана,

процесс даёт ровно ту дозу адреналина, что бы стать прозрачным, либо засветиться окончательно, как белому медведю под прицелом, – оправдан кураж над судьбой или не очень – Боги распорядились по своему (эта реплика - тени), была охота, которая всегда – пуще неволи – «Снега Килиманджаро».

Я видел, какой ты шествуешь по старым караванам – все новые пути не для тебя, – корабли пустыни бредут, загребая песок от воды к воде, из Рая в Рай, от Бездны к Бездне, вдоль холмов барханов, где произрастаешь ты,

Моя Любовь,

как индульгенция за все вселенские грехи, я отошлю каждого, кто осмелится мне сказать, что это не так:

всё, что здесь есть в МИРе путного и запретного, вместе с тобой приобретает особый оттенок, как мне сказали костоправы, но они не слышали реплику Б. Марли «травя – не наркотик, травя – религия», а у нас, в полосе весеннего берёзового сока, тебя косят зайцы, и поют от страха,

и всё бы с тобой хорошо,

Моя Марихуана,

ежели б ты до такой степени не раскачивала нервную систему, но хрен с ними, с нервами: ты всё равно – то есть, то нет, а в этом, как говорят театральные

деятели, «меняющимся мире», нервы найдут, чем раскачать: то Балканский кризис, то ожидание с конца – последней капли, то друзья, то враги, то мужики, то бабы, ибо, ни те, ни другие, во всяком случае, из тех, кто остался, не догадались распределить тебя по направлениям, хоть в Амстердаме и тусуют по сортам.

Допустим, этого вселенского вектора нет вообще, здесь хаос, который, как выяснил Великий Сальвадор, и есть - самая упорядоченная структура – с тобой никакая игра в тёмную не пройдёт, так что начнём с пустоты, как говорят знатоки того Дзена, которые, помирая, орут в потолок: не жалейте заварки, евреи,

а на самом деле: чистый экран сознания, на который, если кто и харкнет, то в любом случае это будут силы высшие – любой шаг проходящего мимо таракана регламентирован, вот только вопрос: как выглядит его Бог, и если расценить, кого Создатель определил по своему подобию.

Попробуем прокатиться сквозь трубу 324 «кондуктор», которая спускается в скважину максимум на пятьдесят метров, и труба эта в жаркую погоду идеально подходит для того, что б тебя довести до «курительной» кондиции, она напоминает мне ствол носового орудия линкора, который утопили свои, с чисто «карандышевским» воплем: так не достанься ж... Ты никому.

Итак: я здесь один, я вспоминаю о собственных имиджах, я торчу, как прошлогодняя картечь в заливке одинокого сохатого, он уж и не помнит, кто его подранил и когда, выходит на последнего стрелка, как на спасение («прими меня в объятия, Мать Смерть»).

Труба, Борис Абрамович – подзорная, направленная вертикально вверх, «кондуктор – телескоп», это техническое соединение приближает нас к тем, кто сейчас наблюдает за нами, и ни хрена не врубаются в психоанализ Зигмундовича, и продолжают общаться с теми, кто жирует на природе, они секут за подлетающими «нечто», и нередко с тем, чтоб доложить о ней средствам ПВО.

У меня ж здесь – ежели война, то междоусобная, ибо главное в моей Вселенной – это «МИР» и покой, который, судя по последним словам Рудольфа Нуриева: ангела, которому технари подрезали крылья, и он упал на сцену, это ничто иное, как пребывание с самим собой в гармонии только с самими собой.

Как и все, произрастающее на Земле.

понимание читателя, предположить, что всё это «Было - не было», то можно вновь очнуться даже не девственником,

а девственницей, основная история человечества свято хранит эту легенду, которая – чистая быль, однако низвергнутый во ад старорусский бог Ярило высказался на этот счёт со свойственным всем ариям сарказмом:

«Бывает, что девица рождает».

Взгляд в бесконечную линзу: на другом конце света, я там, куда совсем не собирался:

качусь на ворованном «Лендкрузере» с двумя бандюками: один кошкоглазый, другой просто интересуется, летим по колд(ПИСК)бинам, возле каждой по живому мусору, я оборачиваюсь через левое плечо на фонарный столб, и ору – вон она! Моя афиша.

Я прицеливаюсь на неё через трубу: это моё ШОУ, которое, слава Богу, «must GON on»

Это я – орущий в небеса в православном кресте, который дал мне мой друг священник, мы с ним тоже не раз зависали, в том одеянии, что сам себе придумал: это полная реформация всего того, что кажут по «Фэшену ТэВэ»: черный плащ с красным подбоем, красный плащ с чёрным подбоем, черно-белые крылья, фамильный кинжал, пара сигар Черчилль – одна, чтоб засунуть в зубы собственному персонажу, и тот поразился её аромату, ибо моего героя играет артист;

в ушах – прямая трансляция с Юпитера, где поют киты: там дом их убиенных душ, и я ещё вернусь сюда, «уши» «Techniks» – с антенной; в руках – микрофон, чтоб все слышали:

я рву гортань в трагической песне Эверласта, - посвящение тебе,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

ты не предашь и не оставишь, а если и убьешь, то не насмерть, и ежели загнущь – то, значит смерть моя такая, - в ритме полуфлирта, полусна.

Всё просто.

Моя труба – цилиндрический ствол старинного штуцера, и вот она – королевская забава, то есть то место, куда меня выносишь ты,

Моя Любовь –

это синий лес моей нескончаемой охоты – и в покадровом варианте, я плыву во времени – оно выносит к самым красивым выстрелам, которые вспоминаются чаще, чем свои же разбитые сердца, вот они, сходу:

на том караванном пути обмелевшей Эмбы, где за три тысячи лет до нас проплывал с товарами персидский купец, с дарами от Дария, того, что покорила Великий Александр;

бреду голый, с отечественной курковкой на шее, по реке плывёт змея: думаю, что это гадюка, и наступаю ей на хвост, как вдруг змея всплывает, и раздувает капюшон: ни хрена, это кобра, она в сто раз сильнее гадюки, она легко борется с течением, и плюёт в меня, стараясь попасть в глаза – ухожу всё глубже и глубже, а она за мной – падаю на задницу, она уходит и только сейчас я вижу вспархивающего селезня – по горло в воде успеваю выстрелить, тот валится, как сорванный с облака небесный завсегда – бит на все сто, и ору в небеса:

- Ну почему ж никто не видит, (ПИСК) не поверят же!

Всё просто.

Ни хрена себе просто.

Просто только сочинять! (Е(ПИСК)ёнать*)

Или выстрел у ухо крысиному королю, когда он взбирался по отвесной трубе в моём Люблинском сортире: перед этим меня уверяли, что такой вот чемодан со всеми имеющимися средствами к жизни на Луне из воздушного пистолета убить невозможно, но крысиный король, названный к великому греху на Пасху по имени апостола Петром (в конце концов, у индусов есть крысиный храм), умер, как герой.

Я отчётливо помню, как это было: он пытался запрыгнуть в помойное ведро, потом пытался проскочить по сортирной трубе, ведущей от бачка – наверх, я попал ему прямо в ухо, он был убит наповал, я устроил ему королевские похороны (повесил в целлофановом пакете на ветке вишни, прямо у подъезда), и ни одна падла из его серого прайда потом не сунулась.

Хрен с ней, со стрельбой, мы к ней всегда вернёмся, давай, Борис, умудришь-ка заварить чифиру, а я – в свою трубу, и скоро не жди:

сiju посередь Большого манежа, что недавно спалили, набиваю тобой свою трубку из мамонтовой кости, ты меня убиваешь,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

подставляешь, вокруг снуют секьюрити, и под руки меня не хватают по единственной причине: по той же самой, что по статистике из любой толпы надобно квалифицировано свалить вожатого того отряда, что явился «ластать».

А мне надо закрыть все бреши в обороне, где, как учил Великий Брюс – держать в брюхо не умеют восемьдесят процентов собравшихся, здравствуйте, те, кто встречаются мне по пути к Богу – а это черти, черти. Черти, и приходится нашему брату космонавту впаривать умяк по психбольницам, а потом и справки покупать (за дорого, на всякий случай)

И самый крутой тот из них, кто встретится последним – он прикидывается тем, кто дежурит у врат. И держит тебя там ровно столько, чтобы ты стал сомневаться в его чистых помыслах.

Я здесь – наедине со всеми, на нашем одиноком острове, и только с тобой, потому что мне с тобой по кайфу даже без тебя – о моя Марихуана, ибо это песнь – чистой любви.

Я сижу посереде манежа, ФСБшники – во главе со стильной этакой волыной, бегают вокруг меня, как пешеходные кастраты.

Эта вселенная – есть театр в идеале, а сцена здесь – моё кровное место, я нашёл здесь за молитвами ту, с которой ты мне не нужна, и там была музыка – бегом сюда мою трубу, мой «пушечный» кондуктор.

Хотя как говорится, не зарекайся.

Ибо под романом нельзя подписаться: ибо наш с Борис Абрамычем, так сказать «батискаф», который звучит на староанглийском практически, как «пися» царствует пространством, магами засранным, где постоянно происходит мультимедийная гибель «союзов» с «аполлонами» (как в марках сигарет, помнишь те благословенные времена, Борис Абрамыч, когда ты только начинал свою еба(ПИСК)ную кооперацию?!)

И вот уже всё позади, и музыка, и те таинственные перепады, которые возвели этот приступ в ранг чистого вдохновения, который был сколь иллюзорен, столь и натуралистичен, и я вхожу в свою совершенную оболочку (другой никто не видел, «отходняки» я отбываю в одиночестве), сейчас толкнусь о переборку, и полечу себе на кухню, так что эти трагические строки, так сказать, тёмная сторона Луны, ибо бывали времена, когда я был ещё оленем не подбитым, ну, ничего, ещё на сколько хватит, так хватит тебя...

Моя любовь.

И ещё пара слов про плагиат, Борис Абрамыч: у Габриеля Гарсиа Маркеса есть литературный шедевр под названием «Блакаман Добрый, продавец чудес», а так как большинство из известных мне библиофилов почему-то его не читали, но я-то помню:

«так началась моя великая жизнь...»

Классно, правда, Абрамович! Соберитесь в одном месте, от вас двоит – да не бойтесь, я ж не Адольф, просто отчество у меня – Рудольфович, вот пишу вам послание, евреи, аж встаёт, прямо на кресте: вот вам меч, ровно на две тышши лет, потом, извините, братцы, вы ж мне верили. Не слышит. Да не тот. И не этот.

Таланты могут оставить, а хрен стоять, а капиталы – прибывать, ты так подумал, мой дорогой сосед по «МИРУ»?

Ибо мне, как тому, кто магами повелевает – для этого не нужны деньги, мне нужны всего-навсего пространства, а что мне для этого надо?

Просто уловить момент: в нужное время нажать красную кнопку, и возникнет музыка сфер – смотри, и слушай, это та самая музыка, что показывает и вручает – через моего одноглазого кардинала (после ослепшего, и ныне покойного – она подорвал себя на mine, и «уважать себя заставил»), Огненный меч, потому что народы звали меня Огмий – это было давно, до Моисеева похода.

Взгляни, какой металл? Его нет на земле. Такой бывает только в космосе. Вот сей час махну им, и вся действительность рухнет в охотничий рюкзак старухи Путаны, которую, как известно, никто не е(ПИСК)бёт.

Борис.

А это кто?!

Я. Это – моё ангельское войско.

Мои ангелы, их семь, и у каждого – своя личная жизнь, они извлекают божественные звуки – мы собираемся редко, но порой играем хорошо.

Сегодня Новый Год, четвертый год, как мой меч ко мне вернулся, сегодня столетие Великого Дали, который весь этот МИР во всей его красе взял, и поимел.

Сегодня моё шоу – называется «ГОН», потому что гоним мы, гоним, и гонщики – мы все, ибо надо почаще возвращаться к молитвам Майя – «МИР» – это космический корабль, и когда-нибудь у него сгорит, что называется, «ресурс»: и в этот момент я, как командир корабля, приму решение: просто отдамся

знамению, ибо должен будет посетить нас Бог Перун в образе Небесного Орла, он проложит нам путь, и когда-нибудь мы вернёмся к своим старым чувствам, то есть не повторим ошибок, которые хоть и от Бога, но призрак Сатаны.

Труба:

Чем объяснить тот феномен, что на шлюх Фердинанд – как вкопанный, а на не очень – ни хрена?

Старый кореш, утверждает, что у них какая-то особая энергия, и вот доказательство того, что было, есть, и будет всегда:

Когда я возвращаюсь из Франкфурта на Майне – будь проклят тот день, когда я переступил порог своей этнической родине, и какой-то толстожопый велосипедист со всей дури у(ПИСК)б мне по сумке, набитой новым искусством,

и Линда, торгующая коксом (кстати, ничего, и правда колумбийка, хоть, как оказалось, бывший мужик, а может быть – и нет);

и фото той, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

на самом шпиле

Вавилонской Башни, со столпотворением, и бЭз.

Отчего ж все художники рисуют её на подобие Пизанской, только в степени, упреждающий сознание потомка (это я) на то, что чудо света обязательно тянет на Всемирный обвал: он в этом МИРе периодически настаёт, но МИР утирается и скачет дальше.

Вот он, святой Антоний, борется с Председателем: когда в Хабаровске, в восемьдесят восьмом, шла моя первая пиеска, «Белая Стена», кто говорил про наркоманов, другие – это про Фауста и Мефистофеля: вот она, первая афиша – сидит бодрый дедок лет шестидесяти, но в форме, с седой шевелюрой, пером «Parker» в руках, и

«Dark Side of the Moon» (самое начало, продолжение, конец), стало быть, в ушах, а над ним – «Искушение св. Антония» Дали – кони, слоны Бенини, женщины, и люди.

Объект всех этих религиозно – спортивно – литературно – хореографических изысканий – святой, отбивающийся от искушений Крестом.

Главное и единственное искушение, а также - центральный момент композиции – жопастая баба, массирующая себе титьки (это была копия с фотографии артистки, играющей в «Андалузском псе» Бюнуэля), на пьедестале от вечно горящей свечи.

Впрочем, стоп. Табань, Борис.

Мы обгоняем собственную орбиту, сейчас с неё сойдём, а куда нам торопиться?

Любовь моя!

Моя Марихуана!

Я извлекаю тебя из трубы, той самой, что у бурильщиков (я повторяюсь) называется «кондуктор», практически готовую к «употреблению».

Однако, много лет спустя, в затяжную весну, ты прописалась по домашним клумбам. Я рашу тебя как в оранжерее, и рука у меня лёгкая, как всегда – я срублю чердак всякому, кто скажет, что взрастить тебя – преступно. Просто какие-то конкретные дебилы, для которых основной кайф – давить на психику всему людскому роду, взяли тебя, и запретили, по какому праву, неизвестно никому, то есть взяли и перекрыли тысячелетний опыт «проникновения» в суть, чьим-то волевым решением (что-то слышали про Шопенгауэра).

(Спустя мгновение, растянувшееся на Время, вокальная партия со всё той же, «тёмной стороны», плавно затихает. Язык не поворачивается, перо не пишет).

Искушения, Борис.

Их у нас с тобой, как грязи – по любым канонам, кроме буддийских – я варюсь в искушениях, как в котле, и вдруг они все разом исчезают:

отчего ж ломка, ежели искушений нет?

Ответ: враньё. Искушения есть всегда, просто тот, кто всех этих «далианских» слонов, коней, жирафов баб и мужиков уже поймел, тот знает, что есть побывать во грехе.

Заранее от всего этого отмахнуться – значит испугаться, что называется «подсесть», а значит согрешить, это много раз наблюдалось у тех, кто тебя,

Моя Любовь,

единожды попробовали, и сразу отказались: до того ты им понравилась, но «можно привыкнуть, а где потом найти дилера».

Моя марихуана.

Искушения звенят золотой монетой, - «Pink Floyd» подходит как раз к этому моменту – ровно столько пишется текст, и процесс подобного письма – лишь средство избавления от профессионального недуга: считать те секунды, что за тебя обязан делать Рефери, ибо лежишь ты, лежит и тень, - спарринга нет, и публика (на такое ходят посмотреть лишь сведущие люди) орёт: долой симулянтов.

Смотри на эту живопись, Борис: начинается эра кинематографа: Храм сначала построят, потом его взорвут (согласно теории нобелевского лауреата Генриха Бёлля), а вот восстанавливать его или нет – даже в эстетике мультимедиа:

я вижу и снимаю сцену, от которой зависит наш с тобой полёт на «МИРе» – мы познаем Смерть, Нирвану, затмимся, вновь станем аминокислотой, замёрзнем в голубом метеорите, и прилетим туда, куда Пошлют, мы пошадим тиранов, воздвигнем Новый Храм, и на уж на этот раз не дадим распять Спасителя, хоть выбора и не было, и Храм взорвут не те, так обязательно другие, святой Антоний взлетит, что называется «на воздух» и не успеет выдать имя Бога.

Труба, Борис.

Появляется участковый (пос. Луганское, что к югу от Саратова – не доезжая Волгограда, из которого обещают сделать второй Багдад, и это уже не литература, и не кинематограф),

бледный, как смерть – не понимающий, что происходит, - как это можно палить из «СВД», среди населённой деревни, да ещё в смешанной форме чеченских террористов и немецких разведчиков – времён второй мировой;

и моя пьяные друзья, играющие шахидов, спрашивают у этого едва дышащего мента: есть ли у него, вообще, пистолетик, да я ещё – в валенках и форме гестапо, да и модельные тётки – в театральных шинелях на голых задах, участковый радирует в центр, нас пытаются поймать, дальше – всё по блату.

Искушения, искушения, искушения...

Слоны, между прочим, даже «бениниевские», мигрируют по галлюциногенным лопухам, это только верблюды бродят по границам магнитных полей – сейчас пойду и спрошу у корешей, который чистят автоматы, потому что сейчас поедут стрелять по Храмам – ради тот, чтобы привлечь бабки на их возрождение, спокойно, Борис, это Лютеранский Храм, а лютеране приветствовали

театрализацию своих обрядов – вплоть до взрывов вместе с проклинающими всё и вся монахами, мы никого не убиваем. Мы мультимизируем процесс, мы восстанавливаем хоть долю, но всё ж таки истории.

Кем хотите быть? Слонами, ну уж точно не верблюдами.

Людьми.

Теми неблагодарными тенями («подобиев» и образов), ради которых ты тысячелетиями вращивала и сжигала себя.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Я дожидаюсь нового круга и вылавливаю бутылку с объяснениями той, с которой ты мне не нужна.

Объяснениями в любви, тайной, мучительной, да ещё и зашифрованной.

Как твои дымы в атмосфере.

Моя любовь.

Моя марихуана.

Секи, Борис, как всё оно на самом деле было, и не было чего:

«Вот он уже, Фердинанд, замер в ожидании.

Тут она, как ошпаренная вскочила, и как на весь пляж заорет, что я даже подумал: сейчас приедет какая-нибудь полицейская пара, вынут по шпалеру, а я и без прописки, прямо, как у Владимира Семеныча:

«а жить еще две недели
работы на восемь лет»,

а вокруг наркоманы, наркоманы, наркоманы.

Что за текст она орала, я разобрал по нежным губам ее, а Фердинанд встал в ту стойку, что делают только немецкие легавые и только в дремучем лесу, особенно, где много папоротника, и только на крондшнепа - на вальдшнепа он так в жизни не встанет, потому что легавая немецкая, а не английская, хотя пойнтер стоит тоже ничего, только с излишним трепетом.

НАЙОМИ. У меня была одна единственная любовь – Роберт, его звали, и я не ложусь с каждым попавшимся мужиком, даже если очень хочется.

Де Ниро, Де Ниро, вспоминаю, а это ж друг Олега свет Иваныча, ученика актерской школы моего дедушки по маме, тоже, наш Саратовский мужик - мы с ним в одном театре играли, им. Карла Маркса, герцога Лозэна, который Арман Бирон Луи Гонто, а он - князя Мышкина, не знаю, как они, я бы ставил на сцене Федины репризы в манере «Джека Галл» Яна (Андерсена, хоть этот коллектив и в дайджесте самых крутых коллективов мира), он как-то обмолвился, что они с Де Нирой этим твоим - кореша.

НАЙОМИ. И еще! У нас в Калифорнии есть такой африканский обычай (традиция): швырять таким вот, русско-немецким вурдалакам в штопаных майках на голом теле, по рожам торты.

Приходи, говорит, на сеновал. Если ты мужчина.

Настала ночь, явился с Фердинандом – куда же его девать, мы с ним повязаны по жизни, и по смерти, ибо ежели его со мной не будет – то и мне жизнь не мила.

Пришел, а так как раз поминки Фрэнка - единственного на этом безбожном континенте мужика за всю его историю, если учесть, что Отец Эрнст отстрелил свою головную боль где-то между двух своих Америк, а вот нарочно, или нет, одному Ему известно.

Маленький реактивный самолёт, должно быть, ведомый плачущим от горя пилотом, чертит в небесах сердце Героя – его больше нет с нами.

Самолёт подходит к своей критической точке: это насчёт дурацкого, непонятного риска, которому подвергаешь себя, проходя в этом мире очередное испытание.

Стараясь разбавить, как выразился сосед по койке, то есть лежаку, «дружище» Квентин:

«Неловкое молчание»,

набираю в то, что было от лёгких этот прекрасный воздух, которым здесь дышат за бабки,

и вещаю, чтоб, значит, сходу – в аллюр, потому что некогда мне – за мной всегда – погоня:

- Помнишь, детка, всю эту историю с чернокожей певицей, зовут её обольстителем именем Уитни, когда в Гонолулу у неё пытались отнять

какие-то головы с Ямайки? Кажется, у неё было четырнадцать голов, но кто-то в желтой прессе, какая-то мразь из числа тех папарацци, что загнал прекрасную принцессу на бруствер, баил: шестнадцать.

Тут она как заорёт: Уитни людоедка, какой ужас!

- Да нет, - говорю, четырнадцать голов, каждая по грамму,

Моей Любви,

Моей Марихуаны.

Телохранители отбили!

У меня детка, телохранителей нет, я сам себе телохранитель, а теперь, конечно, и тебе.

Так что пришлось мне как-то самостоятельно отбиваться – в городе Актюбинске, ныне суверенном, потому что жители его покинули, как только отменили на Руси крепостное право, и отправили всех писеглазых на свободу: жрите свою баранину, а баранов-то и нет.

- Каких таких баранов?

- Да не в них дело. А в

Моей Марихуане.

Было у меня правда не четырнадцать грамм, и даже не шестнадцать, а два раза по шестнадцать – кило, в нормальных оккупационных чемоданах, в них было по гондону...

Тут она аж зашевелилась вся:

- Если ты, грубый русский немецкий мужик, решил меня снять, как в рекламе: на гондон, пусть он даже бриллиантовый (тут она подмигнула), то ошибаешься.

- Да нет, - говорю, - просто гондонами у нас в России называют прибалтийские водолазные костюмы, заворачивающиеся, как бургерская колбаса.

(Тут я провёл ей по прекрасному её заду своей закорузлой клешнёй – душа ушла в пятки, а Фердинанд упал в обморок: он тоже, бывал впечатлён ситуацией, и забывал, на хрена болтается – и всё больше между ног).

Она перешла на «ТЫ», и вновь дала мне надежду, которая не умрёт, пока жив я, а стало быть – она вечна (ибо, по Владимиру Семёновичу, человек, отдав концы, не помирает насовсем):

- Что это у вас, насморк?

Снимает с себя трусы и подаёт мне, чтоб, я, вероятно, сам себе помог – с её помощью.

Я, конечно, взял, а по пути учуял: новая линия Дали: после «Дали Флор» и «Дали Мания» – это «Дали Стиль», она поражена, потому что презентация этого проекта осуществилась в мае 2002, а у меня налицо все признаки отсутствия обоняния: видно, что нос несколько раз откусан, а потом пришит, и всё не туда, не туда, б(ПИСК)ля, не туда.

- А травма таковая приключилось как-то после второго раунда, детка. Спарринга, в память которому – жизнь.

Смотри! Самолётик наш заходит на исходную точку, чтоб прочертить по голубому белым огромное сердце Фрэнка, а мы всё лётим с Борисом на околоземной, б(ПИСК)ля, орбите. Да не смотри, отсюда нас не видно. Мы видим сердце Фрэнка с высоты, за которой – пустота и холод.

Раунд третий

Я прихожу (лечу) к себе, один и тот же фильм.

Бьюсь с Тенью.

- **Борис! А всё-таки та колумбийка, ну, Линда, в этой самой Колумбии, ну, помнишь? Всё-таки оказалась трансвеститом, или транссексуалом, в общем мужиком.**
- **А как ты догадался? – спрашивает (видно тоже за границах бывал).**

- А, так сиськи силиконовые. Было довольно прохладно, и я сразу понял – химия.
- Нет, - пытается задираться Борис. – Нет. Что мне о ней известно?
- А! Так во время соития (именно в этот момент меня стали одолевать сомнения, это за мой-то кровный полтинник, вру, тридцать пять (сторговался), всё в марках, по-моему, тогда ещё старуха Европа не объединилась, а теперь, - и вовсе выбился из метрики, в натуре, б(ПИСК)ля, в натуре),

Ты ей позвонил, и твоя физиономия высветилась в её телефоне, а потом, чую, боже, нет, это ж мой друг Борис, бывший председатель СНГ. Ты даже мне, помнится, подмигнул.

- Это был не я.

- Врёшь, вся ваша политика – враньё. Она ещё говорила: Борья. А я той, с которой мне не нужна,
Моя Любовь,

Моя,

как ты сам понимаешь,

Марихуана,

ну не баба же, не упустил возможность поклясться: дочка, у меня за всю командировку – в космос не было ни одной женщины.

Потом смотрю на Борю, и от одного только взгляда его он получает заводной шалапед, после которого бы крякнул и средний паршивости подсвинок.

Я подаю ему шлягер дня:

«Deer Purple in Rock», 1970.

БОРИС. Что, опять?!

Я. А что, хотца что-нибудь гораздо современной?

Так они всегда договорятся. Поэтому решаю протянуть время и пойти на компромисс.

- Парад задниц, Борис.
- Чьих?
- Лучших. Но, согласись, такой парад достоин иного измерения. Вот так, Борис. Нирвана, б(ПИСК)ля, нирвана, б(ПИСК)ля, нирвана, б(ПИСК)ля, нирвана.

Рядом - все та же щель ада, запишите в бортовой журнал, - ору я им всем.

- Что писать? - спрашивают.
- Что видите. Внизу, прямо под облаками, маленький спортивный самолёт чертит на небе сердце Фрэнка:

на прекраснейшей груди, прекраснейший цветок.

Безусловно, говорю я совсем не тем языком, которым собрался отдать приказ лететь дальше на наше, столь для все мучительное, аутодафе.

- А теперь: смотрите внимательно! Вот она, очередь к колодцу НИРВАНЫ. Будем ли мы ее занимать? Решайте каждый сам для себя, но учтите - у нас экипаж. Значит мы - вместе. Никто не спасется, если не спасется никто. Не бойтесь! Не смейте бояться - смерти просто нет, ее быть не может, пока мы рядом - и любим друг друга!

Мы умрем красиво, потому что мы все - великие грешники, и никто ни разу не погрешил против себя - нас по этому принципу и собрали.

Смотрю, притихли. Мы, все вместе, (и священник) поворачиваем головы к правым иллюминаторам. Это просто картина Дали - та, что он не написал (но обязательно напишет, у нас возможно ВСЁ, с какой стати мы должны мириться с какими-то реалиями).

По красным облакам продвигается разноцветная очередь - здесь все, и кто был, и кто есть, и кто будет (мы-то есть, значит у нас там свое место - займем ли мы его?)

Там - кто пешком, кто на мулах, а эти – на почетном круге - им все равно, они гаучо, как один все одноглазые и в сомбреро.

По фигуре шляпы, или её форме, как писано в какой-то старой шотландской пьесе, можно определить характер ковбоя, а так же его географический менталитет:

в ход идёт всё: солома, перья, но самые крутые шляпы, разумеется, меховые, вот у одного, особо важного, прямо с полей свисает хвост анаконды, которая, судя по расцветке, жила в прошлом веке, а по движениям – жива и здоровствует, кто этот человек? Охотник или миф об его геройских подвигах?

Звучит прекрасная музыка, та, которая всем по душе - со слухом здесь у всех все нормально, даже у глухих. Так что же справа? Поминальный обед, или мы все-таки дождались Второго Пришествия - и Сын Божий, сидя во главе этого стола, решил броситься в колодец Нирваны, вместе с поминальным свитком и всей этой (как говорят догматы) ГОП компанией?

Мне уже не нужно отпускать грехи, - я вижу, что от очереди отошел человек, - да, я узнаю его - это тот мужик, который приходил на прием к Рональду, бывшему артисту и президенту, прямо в Белый дом, с бабой и без приглашения, и ни одна падла не посмела даже взглянуть в его сторону, - с вызовом.

Это тот мужик, лучшим другом которого всегда был виски, как мне – лучшей подругой всегда была ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана;

и который все в этой жизни преодолел - не было слуха, стал петь, остался без ног, перестал играть в футбол, а бухать он не переставал никогда –

мистер Фрэнк Синатра.

А вон там, на Левом берегу Волги, «лихие девяностые» рождается та, с которой ты мне не нужна.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Я молчу, потому что пропал голос, и вынырываю в свою нирвану с самого дна этой безумной впадины – бегом от собственной тени;

Я выскакиваю сквозь облака – вдохнуть чистого воздуха, - туда, где есть средство умертвить этого долбанного купидона, и пустить стрелы не в мой

разнообразными бабами израненный мотор, а в любовь роковую (если только её изловчиться подбить – на взлёте, а потом попасть – в падении, чтоб не сделать подранка).

Вот оно, убийство. То есть то, что происходит в этой жизни от случая к случаю, в быту, за деньги, случайно, в припадке, страсти, мести, то есть то, на самом деле от чего маненько отгружает, как тут недавно вернейшим образом выразился товарищ Председатель, телевизор, а не «загружает», как выразился какой-то пьяный депутат.

Ангел белый, ангел чёрный агитируют «против и за».

До такой степени активно, что они опять мелькают, как поля этого бесконечного шахматного поля: да тут в ящике два часа мультимедийных объяснений на тему ужасов, в конце которых какой-то педоидный режиссёр с жирной очкастой, лоснящейся харей, заявляет:

«Когда зрители перестают понимать, то начинают верить».

Это он, скотина, о Спасителе.

Я спрашиваю Белого Ангела, - ну как такого не замочить, избавить «МИР» от этого уродя, а заодно от всего этого ужасающего кинематографа – это ж благо!

На этом отпускаем эту благостную мысль, ибо ждём звонка: откуда, неизвестно.

Отец Эрнст! Когда тебе прострелили ногу, ты, судя по всему не воспользовался морфием, раз захотел иметь трезвый рассудок.

Мне тоже прострелили ногу. Но это было на сцене – перед этим мы вкусили тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

с одним сидевшим корешом. Артистки нашего академического театра решили, что это всё из-за них он целил по яйцам, но жаканы прошли – вместе с деревянным пыжом по левой ляжке – вот. Взгляни, пожалуйста. Шрамы пьяной памяти.

Я некогда имел трезвый рассудок, сейчас он трезвее прежнего, и мы – рядом.

И все умираем.

И если я не выберу твою смерть, значит, мы отправимся в разные стороны, а эти святые мудрецы твердят, что тот, кто отправил себя сам – навсегда остаётся в мире снов, но где ж нам ещё встречаться, отец?!

Встань на колени, и твои мучения кончатся! Сказали тебе – но ты не встал, меня никто не видит, кроме тебя, и мы не думаем о спасении – придёт время, и мы уйдём вместе.

На твоей небесной «Пилар».

Просыпаюсь, засыпаю.

- О пи(ПИСК)зде не слова! – орём мы все вместе, все тридцать три Божества, стараясь создать грядущему Будде тень, и это стойко напоминает те семь лет, когда Одиссеей задержался, но потом зло взяло – из Итаки шли известия, иплыли они в бутылках, что насаждает Алкеной, а мы, авторы всего этого немислимого сюжета, взяли всё это, как в грузинском мультике про изобилие, называется «темная сторона Луны», и отправили – по чьим-то мозгам крутиться, и если учесть, что мир иллюзорен, то и мозгов у них нет, так что стараемся для идиотов, мы широко известны в узком кругу, но скоро, конечно, рванёт, - Председатель зря не ходит, он-то знает: какие б я молитвы не творил, ОН рядом, так же, же, как и и ОН, его двойник, и много двойников, это ж ваша дерьмовая политика, Борис Абрамыч.

Космонавт исследователь, это не вы в восьмидесятых спонсировали группу «Телевизор», так есть песня про Сулеймана Суреймановича Кадырова и Льва Абрамыча Каскаля, хвала вам в руки и пальмовую ветвь – в самое удобное для вас место.

Во всяком случае на кайф я его развёл – вот он, по прежнему у самого сердца. Пребывала ты там, когда как-то настигла погоня – в лесу, и тот егерь, что пешего меня догнал на снегоходе, подзабыл основную заповедь: не гонись за тем, кто браконьерит в одиночку.

Компанию накрыть можно: редкое лесное братство возьмёт на себя коллективную ответственность, но я один, и поэтому направляю свой «Браунинг» двенадцатого калибра, чуть ниже задницы того, кто прикатил меня захватить «на мясе»:

Пуля первая выносит у него из-под «стульчака» движок, вторая – рулевую, третья, ходовую, четвёртая – колёса с гусеницей, остаётся пятая пуля: но эта похмельная рожа уже не та, что раньше, и я оставляю его: раскрываю белый масхалат, и уношусь по насту, вылавливая попутный ветер: приносит в «Шестую бригаду», в месте, куда слетаются пировать призраки, смотрю: на падали пасётся

стая волков: они смотрят на меня, как будто знают, что мне не до стрельбы: мы все в загоне.

Моя тень настигает меня.

Я держу удар дольше обычного, потом я перестаю держать удар, я каждое утро ломаю себе хребет, чтобы надеть кроссовки и добежать до Священного берега, за тысячу миль: эти воды уходят в чистую мечту: молиться за грех, который никогда не замолить.

Слишком много бабочек, - постоянно говорил Великий Сальвадор. Слишком много счастья и несчастья – в придачу. Всего того, что папуасы называют «огненным псом».

Так что я подношу факел к своей чёрной страсти, меня ведёт Председатель, который частенько настраивается на волну того голоса, что люди называют «внутренним», и твердит столь монотонно, сколь неповторимо:

- Она убьёт тебя.

Моя любовь!

Спустя много лет после того, как я кинул в этот прозрачный шар последние слова, и увидел, что кусты твои напоминают идеальную пилу, а может быть, зубы акулы Мако – я ж никогда не считал ни денег, ни кустов, а когда вёз тебя,

Моя Любовь,

В практически мятежный Питер за тройку лет до того, как там стали убивать на автомобильных базарах,

и раздавал там чемоданами нынешним классикам тогдашнего рока– этот риск был только ради риска, но по- настоящему я рискнул, мой дорогой Борис, сосед по «летающей» к своей последней точке камере, когда простил измену, - впервые и потом.

А посему я с криком «Гори, гори моя звезда» палю огонь любви, не ставший вечным:

Гори, б(ПИСК)ля!

Под божественные струны моего космического гитариста, моего Ангела с самых верхних небес, который рыдает, молясь за меня.

Мы все погрязли в безвозвратных мыслях о грехе,

о жажде мести, которая всегда питает страсть,

чиста лишь ты.

Моя любовь.

Моя марихуана.

Ты в городах – любая, ты везде, ты вечно под запретом.

Труба, Борис.

Меня бросает назад, я, пьяный в зюзю, будучи студентом, бреду на периферийном вокзале к барыгам за «шафраном», не расплачиваюсь, а шафрана две полные авоськи, наступают таксисты – всего человек пятьдесят (все шестнадцать типов, по «соционике»),

я озираюсь, задом пачусь, за что-то цепляюсь, валюсь на крапец, все спиртное – вдребезги, и тут я вычисляю идеальное оружие для подобной ситуации: две пращи битого стекла, и главное – самому себе не снести башку, сейчас, когда недавно минул срок, как «сороковник», в жизни б на такое не подписался.

Так что, нынче период двух крохотных трубок – орудий войны и мира – практически одинаковых, ору в небеса: они содрогнулись, ибо там было намешано три сорта: восток, запад, и юг, и если бы там был ещё и север, то нас снесло туда, где мы хотим быть – но проклятый «Мир» устроен так, что до последней грани не хватает «доли», и я гоню, по колдо(ПИСК)ёбинам, и лыблюсь до ушей, обливаясь слезами – потому что наша станция такая, зовётся «Миром», кончается «Войной», не было б со мной тебя,

Моя Любовь,

эта афиша, на которую я обернулся, сыграла бы в ящик, а лик мой – на каждом столбе, как распятие.

Трублю в рога, в трубу ныряю: ночной Марсель,

Любовь моя,

ночной Марсель. Перед этим ты нашла меня в Намез, тебя предложил марокканец, прямо напротив того форума, где гладиаторы резались – в своей единственный джокер: я вышел из храма Католиков, наслушавшись «Орфея» Глюка – молитва, как сон про то, что ты за всё в ответе.

В этом городе по ночам из старой крепости выходят прогуляться контрабандисты, они предлагают тебя за 20Э – Единая Европа,

Любовь моя,

Единая Европа.

Пожалуй, это единственная точка на этом пиратском побережье, где сказка образов не поддаётся на происки любого искусства, даже на его видимый синтез.

И вот она, загадочная картина того кайфа, который все ищут, да не могут найти: все эти люди, эти лица, сошли с иной орбиты, включая лысого негра с длиннющей сигарой – судя по аромату – это хашасса, в его глазах – ни капли тоски, ибо он – в той точке, куда все стремятся, но где никому нет постоянного места, хоть ты и забей себе угол этой стойки – тебя будут помнить, но тебя забудут, как только не станет тебя.

В Городе Мечты состоялось моё главное шоу «ГОН», прямо на столетний юбилей Великого Сальвадора: старая крепостная стена стала экраном, музыканты выстроились на узкой полосе пляжа, где обычно ночевали местные бомжи, в залив только что пришли с «Кубка Америки» самые дорогие в «Мире» яхты, включили свои прожектора, но тут случилось то, что в русском фольклоре называется «в просак»: я прыгнул ночью с парашютом с вертолётa, но слегка не рассчитал полёт и едва не вписался в стену, так что улетел за десять миль вдоль побережья, прямо в бухту Ла-Кассис, а когда местные байкеры домчали-таки меня до старого Марселя, спектакль закончился, но публика решила, что всё было так и задумано. «Обидно, досадно, ну, ладно».

Я проплываю вместе со своей тенью в угол ринга, потому что пора взять паузу – а то она сама меня возьмёт.

Белый кайф, Черный кайф – не моя реплика, Вознесенского, а тот имел в виду Россию, чего спорить, Россия – это Москва, Россия – это Саратов, это – Питер, это – Сибирь, которую я облазил вдоль и поперёк в качестве писателя, пьяницы, и носил я тогда шляпу.

Галстук – это на премьерах, и сраные галифе, пропахшие ингибитором, когда бурил скважины в Западном Казахстане, это было полное сумасшествие – ибо я читаю сейчас тексты того времени, возможно во всём присутствует высший смысл, однако, если ты теряешь нюх, и открываешься полностью, то рискуешь сойти раньше времен, и твоя же тень вобьет между канатов:

ангелы подгоняют, а тень тормозит – раз уж ты вообразил себя вселенским шоуменом, то веселись на всю Вселенную – надо белый пароход – так пусть он будет.

Труба, Борис.

Подлетаем посмотреть на звезду над башней Кремля – на тебе, гостиница «Интурист», трое черно(ПИСК)жопых заходит на двадцатый этаж к Иосифу, самого нет, гремит взрыв, и самый изысканный подбор проституток по принципу «Интернационал» разгоняется, а гостиница сносится, мой компьютер из соседнего офиса, который тоже пострадал, уволок какой-то кривоногий майор, - Государственная Дума напротив, а им там, как всегда, чего-то не хватает, и текст, который вылезает на глазах у изумлённого майора, сохранился в веках, и попал потомкам скорее, чем земля со спутника, который как-то вновь упал на землю.

В любой момент может вломиться тот, у кого все твои левые ксивы, он кинет их, как карты, ткнёт пальцем в левую, и скажет:

- А помнишь, дружище, чудеса на авторынке в городе «N», ты прикидывался одноглазым, стал бы сейчас так рисковать?

- Нет.

- Значит, ты уже не тот! Не тот ты уже!

Ухожу в «глухую», «озираюсь, задом пячусь», ищу тень – нету её, солнце в зените, но ещё немного, и я превращусь в прыгающие солнечные часы, отсчитывающие собственное время, а заодно – и всё время, которое есть.

Потом я вышел на свободу – была весна, девки улыбались, как никогда.

То есть я, конечно, вернулся, но под прикрытием, - не будем тешить себя мыслью, что бывает такое время, у которого совсем не было никакого преимущества, - криминал времён перестроек в этом, чисто «беспредельном» округе – «N» - «N» - «N» – Ростов, и т.д. напоминал книжку Марка Твена «Журналистика в Тенесси», только у нас - юмора было поменьше, хотя ряду товарищей удавалось и хохмить:

Например, возили из «Беркасы» Астраханской области икорку в резервуаре рекордного Астраханского арбуза, а также арбуза из соседней Калмыкии (со всеми бумагами – прямо на ВДНХ), где шаманит чувак, даже и не подозревающий, куда шлындалься его секретарша в московском представительстве, но это уже гораздо позже, - когда я написал роман про Бендера, но в письме президенту перепутал букву, и написал к«О»лмыкия (убился тобой,

Моя Любовь,

Моя Марихуана, когда писал этому коУбою), ибо ваял послание на фоне декораций к монументальному мультимедийному кино «Искушение св. Антония», то в подмосковных Жаворонках, то в испанском Порт-Льигате.

С икрой – красивая была афёрка: совершенно бескровная, в стиле французских боевиков шестидесятых, (Брежнев еще не помер, но в каждую минуту мог).

Помнишь эти благословенные времена, Борис Абрамыч?

«Метеор» на крыльях мчался через Волгу, кордоны, кордоны, кордоны, но никаким мусорам в голову не приходило вскрыть рекордный арбуз, да ещё с такой ксивой: наркоманы печатать ваяли, на фотобумаге, потом – московский ресторан «Поплавок», но как-то раз попали под раздачу, и вышли из этой передряги живыми чудом: оказалось, что астраханская мафия охотилась за нами, три года, потому что, ребята, единожды удалось отправить рекордных арбузов на ВДНХ целую баржу, и всё с икоркой, потом карты, «краснодарский» покер. Игра. Что может быть серьезнее игры?

Секи, Борис, в иллюминатор нашего «Мира».

Найоми, б(ПИСК)ля
Найоми, б(ПИСК)ля
Найоми.

Может, я и не похож на знатока, но я уже воспел этот аромат: за полвека до того, как его презентовали.

- Это как?

- Новое искусство. Вернее, новый подход. Просто действие моего романа происходит полвека назад, и героиня (слышала, может у Сальвадора была подруга, и звали её – русским именем Елена, и французским – Гала) пользуется им – в пятидесятом.

Тут Найоми только хмыкнула, и начала она рассекать вокруг этих педиков, со вспышкой - она шла по этому темно-синему подиуму, как плыла, потому что она - лучшая, это правда, как правда то, что я - русский немец, а она - американская эфиопка, а был бы я, скажем, мексиканский туареж, или скажем, палестинский иудей, то я бы, разумеется, торчал от белых баб, но мне крупно повезло - и я балдею от тебя, а ты то в разноцветных тюрбанах, заморских шелках, ты подмигиваешь мне своим карим глазом, ты просто

прикрываешь его веком, а у меня даже нет эрекции, потому что, ты - как та рыба, которая настолько велика, что забываешь, как выстрелить ей - в пасть, уведет ведь на глубину, вместе с гарпуном, и всей этой надувной системой, потом очевидцы скажут - что то была сирена, а ты не охотник, а полное фуфло, раз выстрелить забыл, потому что тут такая тетка, на которую мастурбирует пол «Мира», а эрекции все нет, и нет - переволновалси, а она была – сплыла, должно быть напугалась выпускной системы акваланга.

Потом глянул налево - там яхта плещется, первое название у которой – «Арабелла» - дань детской мечте капитана Блада девушку моей мечты;

и вспомнил я, что лодочку-то нашу, из чистого нержавеющей и антикоррозийного ворованного листа, вчерась арестовали - и были мы в тот момент в городе Старом Стокгольме, снимали фильм про старый фрегат «Васа», который был настолько разукрашен, что перевернулся возле берега при первом же порыве ветра, вот и накаркали, через неделю перескочили Балтику, вышли в Северное море, а утром следующего - оказались в Амстердаме;

там мои, саратовские братки, и все поголовно больны триппером;

и они (прошу обратить внимание на время года) лютой зимой пошли на полных (!) парусах в приличный ветер, пошли в галфвинд, забыв потравить гикашкот, перевернули мою лодку, утопили шлюху (её смыло волной, лучше б утопились сами), местные карающие власти, которые тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

якобы не видели в глаза, хоть ты, как центр сферы – везде, арестовали мой корабль, и он (Борис, секи в иллюминатор), доселе стоит на кильблоках, как памятник мечте. И это в городе, где у каждого негритоса улыбка Гуенплена, потому что это – единственное место в «Мире», где ни один сраный мусор тебя шамальнуть не может (именно шамальнуть, потому что базар за «шмаль» грядет, как правда в новостях в старой рок группе, уже упомянутой, «Телефон» - выглянул - ядерный гриб):

а потом вспомнилось мне про жизнь мою несусветную - что последний дом мой, который мог быть на воде и только на ней, взяли, и конфисковали, потому что автогеном вскрыли сейф - а там все бумаги на все четыре страховки, согласно которым моя лодка за один месяц поучаствовали в шести разных регатах, и все семейных (нынче семейные у меня только трусы – потрогайте, пожалуйста).

Были времена, Борис, мы попадали в жестокие шторма, орали «Норд-Норд-Ост!!!», пьяные были и на взводе;

так что теперь сам я в розыске – уже который год, летаю здесь с тобой под псевдонимом, и вся эта бадяга развернулась столь стремительно, словно мой (теперь уже не мой), красный, как кровь спинакер, сорвало с мачты и унесло в океан «да здравствует ветер, который в лицо», это было во времена, когда девчонка, вон та, что справляет где-то на Земле своё совершеннолетие, ещё не родилась.

Труба, Борис Абрамыч.

Никак не могу отделаться от мысли, что все это уже со мной было. И когда я думаю, что все это уже со мной было, тут же чувствую, что и это уже было. Когда я сегодня... (или вчера?) ...подошел к зеркалу и вякнул что-то вместо приветствия, то сразу вспомнил: было это все, было! А потом вспомнил, что и воспоминание об этом уже в памяти. И я о нем вспоминаю...

Ни имен, ни дат, ни лиц Ё не помню, ничего не помню, но не могу ни хрена забыть того, чего не-бы-ло!

В мозгах, понимаешь ли, провал! Иногда кажется, что это не мозги, а подпольный абортарий...

Этими стихами Ё кабы мне по харе...

Ого Ё стихи. А на хрена стихи?! Мы, кажется, сегодня упражняемся в драматургии. Так что хотя бы надобно выдержать порядок повествования.

Помнится, все началось с того, чем, по идее, должно было закончиться. С поединка с «неприятелем», который – собственная тень, щемящая тебя к канатам. И старое заклинание «Тень, знай своё место» ни хрена не срабатывает, потому место её – всегда рядом, и победа над ней – означает только то, что проиграл ты.

Раунд четвёртый

Стучу по клавишам «приёмного» устройства нашего «МИРа», секи, Борис: количество половых актов среди журналистов «Си Эн Эн» возросло за два часа до какой-то там бомбёжки, потому что все спустились в подвалы – и белые, и чёрные.

А надо всем этим бардаком – чертится в синих небесах левая половина сердца Фрэнка.

- Эй - ору я. - Поднять перископ! Навести окуляры! Это – не раз разбитое сердце Мужчины. Дайте мне его рассмотреть поближе, безо всей этой толпы. О да, а вот он сам: шагает уверенно и бодро, как будто просто поднялся за “Оскар”, и всегда знает, что все звезды засияют, а он просто улыбнется им в ответ, а порой упустил слезу.

По-видимому, он тоже увидел то, что летает прямо над этой Вселенской очередью в никуда, и наплевал на учителя с его ХОССУ, действительно, с какой стати, мистер Фрэнк пойдёт нырять неизвестно куда, да еще что бы его при этом огрел своим ХОССУ какой-то идиот?

Может, неудачник, в отличие от нас все, летающих демонов, несущих свою вечную вахту во славу неблагодарного человечества, того самого, что дважды похоронило в кремлевской стене нашего недалекого предшественника, Юрия Алексеевича Гагарина, на самом-то деле он не взорвался во время тренировочного полёта, а умер в Саратовской психиатрической больнице имени святой Софии, что на горе под названием «Алтынка». А ты что, не в курсе? Вот так наша благодатная земля, вернее те, кто на ней жирует, справляется со своими героями.

- За что ж его так? – спрашивает Борис, запаивая чайник.

- Плеснул шампанским генсеку прямо в рожу. А имени генсека и вспомнить не хочу.

Однако, перейдем на ручное управление, слегка сойдём с орбиты, подлетим поближе, что бы побеседовать с Учителем, - в очереди разброд, ряды редуют, полно дезертиров, зреет скандал, дружба гибнет «на глазах».

Учитель устал бить всех подряд своим Хоссу, он сам бросается в колодец, с криком «КИЯЙ!», бросив всем на прощанье, что он сам во всем этом ни хрена не понимает, да и не поймет никто. (Старая

Китайская медицина, Борис, это круче, чем Новые Английские Анекдоты).

Смотрю в журнал: 9 июня 1998 года - полет нормальный, Спасибо тебе, Господи, за великое счастье любоваться окружающими нас космическими просторами!

Кто там еще, в этой бесконечной очереди? Господи, неужели мы все?! А где ж бабы? Чего-то не видать, что же это за равенство такое, дайте присмотреться, я их глаз не вижу, может быть, это не они, а их тени, стоят и пританцовывают под дирижерскую “хоссу” учителя, - ему на все наплевать, ему, согласно твоему соотечественнику Зигмундовичу (Фрейду), по х(ПИСК)ую.

- Смотрите, женщина подходит к колодцу! - ору я, стараясь заглушить рев двигателей, и мне это сразу удастся. Клеопатра, боже мой! Она что-то собирается сказать Учителю, мол, чего ты здесь дурака валяешь, давай я проведу с тобой одну единственную ночь, а потом тебе отрубят твою лысую башку, и ты навеки успокоишься – будет что вспомнить.

Однако, сзади к ней пристраивается Антоний, к Антонию - Юлий, к Юлию – жена, говорящая «Возлюбленный Цезарь! Если бы я верила знамениям, я бы не пустила тебя сегодня в сенат, потому что виделось мне – тебя должны там порубать, что называется «в говно», и первый удар будет от того, в кого ты свято веришь».

К супруге Цезаря, которая, как и ей положено, всегда вне подозрений, пристраивается весь свободный народ Рима, однако вся эта компания распадается после вмешательства твоего, Борис, б(ПИСК)ля, соотечественника, по кличке Зигмундович (Фрейд), которая спрогнозировала поведение Божественного Цезаря на спланированное самоубийство, чтоб русскому читателю нашего бортового журнала было понятней, «пора жарить пятки».

Вон там – Юстиниан, кодифицирующий Право, Велизарий, громящий вандалов – вон и сами вандалы, грабящие Карфаген уже после того, как его разграбила Империя; заметь, Борис – вон африканец Ганнибал, выпивающий свою последнюю чашу с героином, чтоб пережить позор предательства ещё до того, как он состоялся, да, заодно, напоследок кайфонуть, а вон Тиберий, при котором распяли Спасителя, а вот и Константин Великий – заставляет повернуть Орла против Небесного течения, и переносит столицу в Византию, а вот, заметь, Борис, первый грех первого христианского императора – он казнит жену и сына за инцест, - что-то не по-христиански, правда?

Ты сам-то кто, Борис? Должно быть, иудей? Да ни хрена, безбожник.

Так что, закаймляем круг, мне особенно нравится эта картина: Октавиан Август, щемит Кассия и Брута на Фаллипах, и те бросаются на свои мечи.

Прямо Дантевский Ад, дружище.

И если хорошенько вспомнить, - здесь уже был Александр, и скоро появится опять, дабы вновь встретиться с Дарием, и отрезать Бесу нос с ушами, а потом усадить на кол с репликой «а если тебе уши шашкой отрубить, ты сам на залупу будешь похож».

- Не ходи в Вавилон! - орет ему тот оракул, которого он сам прикормил. - Увидимся в Вавилоне!

Короче, эта бесконечная ледка-енька, и все происходит очень мирно. Однако Учитель делает упреждающий жест, и говорит:

- Расходитесь, мне больше нечего вам сказать!

БОРИС

- Какую музыку поставить, командор?

- Давай подумаем. Пора расслабиться, в натуре, верных нет – неверные кайфуют.

Братки притихли.

Божественный Данте Алигьери включает «перводвигатель» звучит высший из девяти Ангельских Хоров - Хор Шестикрылых Серафимов.

Пластинка летает по кораблю и играет сама по себе. Мы с Борисом танцуем в невесомости наше звёздное танго. Мы умираем красиво, как никогда.

- Труба, Борис Абрамыч, - нашёптываю ему в ухо. -

Я опять ныряю в мою идеальную скважину, кондуктор, плюс тех. колонна, плюс колонна для эксплуатации – для земли эти пять «кэмэ» – как укус комариной суки для взрослого тираннозавра, осатаневшего без любви – антропологи давно уже доказали, что их перебили братья наши меньшие – то есть мы же, только давно, и всё в битве за твои бескрайние поля,

Моя Марихуана,

– картина ясна – мы так и не разгадали, что там была за война.

Но я перенаправляю-таки её не вверх, а вниз – там, на глубине в три кэмэ, прямо под пермскими солями, находится всего полтора метра той глины, что находится под диким давлением, и вот оно, зрелище, до которого никакой голливудский еврей в жизни не додумается, потому что все его фокусы – это чистое мультимедиа (как сказал Одиссей Хитрожопый, заходя в царствие Аида: ну-с, какие тут у вас спецэффекты, кроме дыма и огня?!):

мы с Мастером, который раньше был, как водится, бурильщиком, да повысили его – помимо воли, сидим в его вагоне, жарим тебя на постном масле,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

чтоб, как говорится: вдарить по кишке.

Таковой расклад нас постиг после того, как гигантский тайфун едва не снёс нашу буровую (девчонку дуровую), и бригада уже закручивала привентора, что б не случилось открытого нефтяного фонтана.

Мы съедаем Тебя сначала по ложке, а потом и по две, и ты поглощаешь нас, пока ещё в сознании: я сижу спиной к окну, прямо под бакинским кондиционером «2б», который вот-вот захлебнётся песком, и тогда мы издохнем от жары точно так же, как только что отлетели небесам чистые души тех двух воробушков, что взлетели от твоих зернышек,

Моя Марихуана,

и глотнули суховея: вон они, родимые, кверху лапами лежат, слегка отпустит, так выйдем, похороним.

Я вижу в глазах Мастера холодный восторг, и оборачиваюсь сам: и вот оно, зрелище для тех, кто посвятил свою жизнь грядущему кошмару.

- Ребята! - ору я в ту сторону, откуда из-под песка, из тех недр, которые никто не видел, потому что туда невозможно пробраться – там твердь той плоскости, на которой стоим, лежим, и соответственно, сношаемси;

- это же – «чайлд ин тайм», это все мы – на трёхколёсных велосипедах, много лет назад, падаем в пропасть – взгляните, и восторгнитесь:

круша бакинские привентора, из-под земли ломится американское железо (бурилка американская, 127мм в диаметре, длина трубы – десятка, «свечи» - тридцатка, колонны – «пятерка» километров).

Вахта, только что эвакуировавшаяся от наземного тайфуна, опять спасается из-под земного, как говорят детишки, чудища -уё(ПИСК)бища, которое, словно невероятных размеров питон, тащится, как может.

Взрываются румынские дизеля, разлетаются тампонажные агрегаты –те КРАЗовские лапотники, ведомые этими степными ковбоями, преисполненными достоинства (местные, и знают места твоего векового обитания,

Моя Любовь),

над нами хохочут холмы: мы с Мастером смотрим в глаза друг другу – в зрачках по лепестку тебя,

Моя Марихуана,

потом – оба в окно – «Сундук Гора» смотрит на нас в полном умиротворении: что, спрашивает, забегали ребята, а вы думали – мать Земля будет терпеть, когда вы её дерёте пятикилометровым железом – она хоть и женщина, а всё же мать, а вы устраиваете её такую бездарную йогу, когда бурите напропалую, как вслепую травите всё то, что она на себе возвращает:

валится «уралмашевский» станок, который свалить невозможно, и вот пятикилометровый питон, этот безмозглый, слепой червь, который вылез представиться только для того, чтоб потом присниться,

высунув башку (четырёхшарошечное долото с четырьмя шарожками, каждая – кило по сто), орёт на всю пустыню:

Бандерлоги!!!

А мы – они и сеть, ибо все тут, как один – под гипнозом. Питон сворачивается в идеальные кольца – со скоростью летящего по волнам Торнадо – Мастер все думает, что если даже и спаслись, то скважине конец.

Я быстро прощаюсь, потому что чувствую – пора тебя косить,

Моя Марихуана,

ибо ты где-то рядом, вон за тем холмом, в овраге, и только что ты вкусила всех этих вселенских торжеств, так дай вкусить и мне.

Поэтому я вскакиваю в кабину моего сто тридцатого ЗИЛа с поршней от сто тридцать первого, и мчу без кузова.

Чемодан твоих шишек,

Моя Любовь.

Пардон, голов. И каждая из них способна подвигнуть на подвиг, то натуральный, а то – интеллектуальный, ибо новый поворот способен загнать туда же - через мою «трубу» «сушилку», то есть баню, которую я приволок на тросе ещё зимой, на гусеничном агрегате ГТТ (ровно половина танка Т-34), уперевши лоб в мягкую подставку, и весело шевеля рычагами управления – не знал я ещё тогда, что соляра летняя, её б сейчас, да танка нет, угробили бараны, уронили его в «амбар» под сырую нефть.

Автомат остался, китайского производства, «АК», да полцинка патронов, так что в нашем Багдаде, я выигрываю за явным преимуществом, ежели, конечно, не офицеры ПВО, они летают за тобой, пуляя ПТУРСами.

Вдыхаю паров, ныряю в «кондуктор», выныриваю в «Лоллет де Мар», в это испанское местечко, набитое немецкими туристами, куда меня отправил родной «Аэрофлот», потому что я не сел в самолёт, и не пустил в него ту, с которой ты мне не нужна: на таможне изъяли мои саамские ножи, да и вещи не загрузили, вместе с тетрадкой, где повесть про тебя, да всякое рисованное порно – рукой той, которая скоро поднесёт мне последнюю каплю этого любовного яда, и настанет время кошмара.

Я знаю об этом, и потому, вдохнув твоих паров, превращаюсь в мрачного охотника за случаем: я, как таёжный следопыт, который лазит со своей лайкой, а потом, когда ту сманят, ходит в одиночку:

мне не до куражу, мне бы выжить, и потому я все пристальней вслушиваюсь в тот голос, что говорит мне:

она убьёт тебя.

Но я расползаюсь в новых волнах растворяющих по Средиземному морю, чувств, и водружаю надежду на престол, с аккомпаниатором в виде сентиментального мёрина – вон он, наигрывает, где-то в баре, внизу, мотивы Хампрдинка – мне такой винил подарили на тринадцатилетние (я врал, что на год старше), и была у меня тогда первая любовь, - на волжском острове, и всё культурно – на бильярдном столе, обдумывая, куда, чего и что (возраст нежный, а видаков не было).

Я говорю себе – нырни в трубу, и вынырни позже этой полугодовой комы, когда она ушла от тебя (и кома, и любовь), для того, чтобы понаблюдать, помрёшь ты или нет, а потом попробовать вернуться, и вот, я снова здесь, в моём мутном настоящем: хоть и весна, но нет запоя, а потому – три часа в день контактных тренировок, исключительно, чтобы иметь уничтожающий (с признаками бывшего веселья) взгляд, и кучу финальных приёмов, о которых не знает моя собственная тень.

(Якобы не знает).

И где-то должен быть этот частный журналчик – а, вот он, читаем:

«Lollet de Mar», я вынырнул из туманного дрёма, как Хитроумный Одиссей выскочил – из царствия Аида, похожего на мотосвалку, от характерного звука: газанула «HONDA 125», прямо под тем балконом, на котором нынче пою тебя,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Так что я немедленно запрашиваю своего Одиссея, дабы узнать правду у самого себя – когда пребывал в форме:

Смотри, Борис, «представь на мысль плачевну Трои»:

«Царствие Аида», - объявил Одиссей (*), и плюнул в бездну.

Господи! – взмолились мы. - Грехи наши, как время, которого нам не осталось.

И дальше – молитва за тех, кто всё ж таки улетел на этом самолёте – они смотрели на нас, мы оставались, для того, чтобы насладиться этим взаимным обманом.

Ни слова о мыслях. А ведь смерть была рядом. На расстоянии вытянутой руки – вот она, та, с которой ты мне не нужна.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Но вокруг люди. Много людей. И МИР, переполненной соблазнами для неё – она, как ребёнок, а мне давно наплевать, - здесь нет такого, от чего можно прийти в свинячий восторг. Этого нет нигде, где есть люди. Я устал от людей. Но разучился быть один. А это – смертельный номер. Потому что ты – уже не ты, ты себя отдал, и тень настигает. Ты вынул душу, и распилил её перед всем честным народом для той, с которой ты мне не нужна, -

Моя Любовь,

только ради того, чтобы выиграть время, что раньше, что дальше – об этом никаких мыслей нет, и самая красивая самурайская заповедь звучит, как спасительное

«ДО»:

Забудь о прошлом, не думай о будущем, сосредоточься на настоящем, и будь, что будет.

«Авось, пронесёт, зато нет греха, нет греха, и не будет, а демонам мы будем срубить головы – согласно инструкции Хитроумного Одиссея».

Иду на исповедь: Отец Эрнст, о чём ты думал, когда стрелял себе в голову, какая была твоя последняя мысль?

А может, у тебя просто сорвалась рука? У меня много раз было такое, сглатываешь «литр», загоняешь патрон, всегда имеющийся в нагрудном кожаном мешочке, снимаешь с предохранителя, засовываешь ствол в рот, берёшь «курсовой» угол градусов на двадцать вверх, чтоб, не дай Бог, не прострелить себе глотку, и...

Это последние слова, они всегда последние, потому, что вспомнить о тебе, сразу же после молитвы за твой упокой, чтоб не спугнуть крылатую стезю – здесь нет никакого цинизма, потому что ты так научил.

Снега Килиманджаро, в окно влетает птица, и поёт соловьём – это не тень смерти, это просто – привет от тебя.

Снега Килиманджаро.

Ты увидел её квадратную Вершину, я сейчас с предельной скоростью огибаю её, она сейчас – здесь, у каждого свой пик, где можно на миг отдохнуть – мы взбираемся к нему с разных сторон света, и никто не знает, сколько их на самом деле, наверное, гораздо больше, чем мы можем себе даже представить:

вот здесь как-то по зиме я гонялся на своём служебном вездеходе «ГТТ», а посередине стоял матёрый волк – я разгонялся, взбираясь на вершину, потом летел с неё, но волчара всякий раз умудрялся обманывать меня, и появляться в местах, куда не долетит моя карающая пуля.

Волк это был или мятежный дух, прозрачный и неуязвимый?

Он потом ушёл по оврагам, а у меня замёрзла в трубочках соляра, и понял я тогда – не волк это был, а дух того, кто говорит: охотничек, не зарекайся, так что пришлось потом пилить сороковник верст незнамо куда, случайно вышел на кашару – повезло, а может, просто не время подыхать.

Я понимаю, куда ты держал путь, Отец Эрнст, но всё это ты написал в тридцать шестом, а последняя твоя мысль застряла в шестьдесят первом – я на свет и народился и прилично застрял, и меня бы здесь уже давно не было, если бы все эти места, где мы встречались с тобой, были без тебя,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Я взбираюсь на гору, и вижу всю картину нашей прекрасной технокатастрофы сверху: пятикилометровый питон свернулся и замер, а вокруг пасёмся мы, стало быть, все, как один, под единым, всевидящим оком.

Но была ещё одна гора, о которой я вспоминаю с тобой и без тебя,

Моя Любовь,

там, где ты мне не очень-то и нужна, и ты тогда уходишь, чтобы обязательно вернуться, и вновь очаровать меня собой – всегда неповторимой:

я ныряю в трубу, и по известному лишь Председателю нашего почтенного собрания (только свои), оказываюсь в «Российских Альпах», - есть такие места, промеж Саратовской и Волгоградских губерний, здесь мои давнишние уголья.

(к моменту сих воспоминаний твоя, Борис Абрамыч, сумма взяток за тяжбу с Абрамовичем достигла 180-ти лимонесов фунтов стЭрглингов, это почти в два раза больше вчерашнего, в чём дело, Борис? Неужели скоро всё цивилизованное человечество торжественно справит традиционный Конец Света, и Спаситель явиться на землю с тем, что бы отменить свою самую Красивую Заповедь, отомстить Неверным, а мы так и не поделим наши деньги?)

Может я чего не то и ляпнул, так меня поправят, вон они уже летят, ядерные боеголовки, дабы сбить нас с тобой наверняка, и послал их Абрамович,

так ближе к Генри Миллеру, роман которого напугал Свободную Европу (как уже упоминалось):

«кто может ненавидеть еврея сильнее, чем другой еврей?»

Что, вызовешь в ринг? Так там моя несметная тень от разувесистого куста, издающего аромат вечного Кайфа, о котором мы можем только мечтать,

Моей Любви,

Моей Марихуаны,

Ну, и немного меня самого, секи, как играет Дэвид Гилмор на старте какого-то там французского космонавта, верхом на нашей, немецко-русско-немецкой ракете, ведь он прибывал в Байконур всё в том же пиджаке, в котором его помнят миллионы поклонников, у тебя, Борис, этих самых пиджаков, как грязи, я видел по ящику: что ни день судебного процесса с Абрамовичем, так и пинджачишка новый.

а мы так и будем давать какому-то засранному начальнику Чукотки, твоему ж, б(ПИСК)ля, и соотечественнику, но согласно «Тропику рака», незаконного бобла?

Сколько раз я терял наш бортовой журнал, уронив его в Космос, дабы забыть о своей

Последней Любви,

но самые мучительные записи возникали в старых, давно затёртых файлах, и чуть спокойнее нам стало только тогда, когда наш «МИР» превратился в лёд а мы с Борисом Абрамычем, - в тени собственных призраков.

Труба, Борис Абрамыч, радуйся, что я в этот раз не настучал тебе по башке, вырвало – назад – в воспоминанья:

сижу задницей в снегу на вершине горы. И только собрался соединиться с тобой,

Моя Любовь,

дабы обострить себе зрение и слух: слышу ГОН: мои два брата гончака, русских и пегих, Гобой с Жураем, выгоняют оленя на соседскую вершину, я смотрю на него через оптику, и сразу понимаю, что не выстрелю, не было бы тебя тогда со мной,

Моя Мароихуана,

я б пальнул всенепременно, Зелёные Холмы, Отец Эрнст, Зелёные Холмы;

я знаю, что это мгновение Вселенной не ошеломит эхо ещё одного чемпионского выстрела – это совсем не та стезя, ты подпускаешь всех лесных духов, что есть в этом лесу, и поёшь мне своим лунным сопрано:

- Не стреляй, всмотрись – это ж ты.

И я щелкаю предохранителем – дух мой ведёт ушами, ведет по туману воздух, но тут ГОН приближается, и он ныряет вниз:

за ним вываливают псы, мной же возвращенные, становятся на задние лапы, ведут воздух, чуют меня, сразу всё понимают, плюют мне в рожу – ибо для нет здесь места этим соплям, опять плюют мне в рожу – я это вижу по их глазам, а они отвечают мне – по низкому туману, и бросаются – вниз за тем оленем, который, как сказала мне ты,

Моя Любовь,

я и есть.

Я потом искал своих собак почти пол года, но это совсем другая история: их напугал в тот раз мятежный дух, и этот великолепный смычок двух братьев, ныне покойных, сгоревших в огне – один пожара, другой – Штудгарского тифа, называемым у «собачников» - интерит; отправились вдвоём – ГОНять косуль, это было их любимое занятие: трепетная лань, жадно вдыхая воздух, грациозно скачет по обломкам лесного бурелома, за ней, лаская мой благословенный слух, «башурит» мой смычок, моя возлюбленная пара ГОНчих псов, словно созвездие, - ведь скоро ночь и я провожаю свою охоту в прорезь оптики, которая никогда не подводила, пока я не уронил со второго этажа свой безотказный карабин «Сайга», что создан на базе самого надёжного Оружия, и не сбил оптику, когда ходил стрелять насильников Той, с которой ты мне не нужна,

Моя Марихуана,

просто тогда иначе было нельзя, хотя, может быть с годами я и убедил себя, что не стал стрелять потому, что не был полностью уверен, что убью его, того Оленя - наповал и сразу, охота та было абсолютно браконьерская.

Кстати, Борис, к нам летит экипаж «Союза Т 13», говорят, что мы давно замёрзли, и только на той части орбиты, со стороны которой всегда светит Солнце, нас отчётливо видать: в эфире бают, что станцию нашу зовут «Салют-7», и мы практически садимся на Луну.

Командует экипажем Вова Джинибеков.

Говорит: это моя работа, Станции в Космосе ловить. Вот в шахту меня спустили – началась клаустрофобия.

Смотри, подходят. Ни хрена не попадает, стыковка не состоится. Облетают. Вернее, летают по прямой, лишь корректируя свою траекторию. Смотри, стыкуются «вручную».

8 июня 1985 года. Исторический момент пилотируемой космонавтики, никто кроме экипажа Дженибекова – Соляных, такого в космосе не вытворял, Чкалов, б(ПИСК)ля.

Смотри, из твоей новой этнической родины США запускают корабль.

Но состыковались-то наши, сейчас начнут рубить проход.

Ловлю волну: они там с Земли говорят, что у нас тут вакуум, срывают болты, откупоривают клапан, секи им идёт команда уничтожить космический мусор, то есть нас с тобой. Обидно, правда?

Да и та, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Не отвечает на звонки.

Здравствуй Вова, Здравствуй Витя.

Ни хрена. Они не видят нас. Они проплывают сквозь нас, они открывают крышку иллюминатора – к нам врывается столб света. Мы обесточены. Не работают системы. На станции – минус 7.

Сейчас они будут запускать движок, и утепляться. Лёд настанет, вода замкнёт проводку, пожар, мы все погибнем.

В Америке ждут, у меня ж там Анна, моя возлюбленная дочь, Борис Абрамыч. Короткое замыкание вырубит «стыковку», они погибнут, и увидят нас, Борис Абрамыч, ведь мы с тобой – те самые парни, продавшие души за последнюю монету для Картеса, как сказано в современном синематографе призраком капитана Барбоссы, «жадность его не знала границ».

Вот они дают интервью. 10 июня 1985 года. Им командуют с Земли: снимайте шапки, надо нас без шапок показать.

Борис раздевается до трусов и майки, он весь загорелый, вот куда делось всё наше электричество, нам недавно прислали счёт из управляющей компании.

Ага, на станции плюсовая температура, лёд тает, мы плаваем в воде – в открытом космосе, Боря, зафиксируй в бортовом журнале, вода, вода, вода. Сейчас замкнёт.

Полотенца, салфетки, Вова достаёт трусы и памперсы Савицкой, говорит: «Света, извини».

Ага, вот запускают «Шатл» с четырьмя мексиканскими спутниками связи, с Патриком Бодри в виде «космонавта – исследователя».

Ещё шесть лет после того, как они улетели, мы болтаемся в космосе.

Секи «Амаргедон», это они передрали с нашей станции, смотри, полковник в ушанке с кокардой с кувалдой забирается в резервный отсек, знающие – смеются, толпа – гляди, обиделась за русских. Дураки, б(ПИСК)ля.

Смотрю в иллюминатор.

Гляди, Борис, моя девушка, бля(ПИСК)дует. Давай, раскуривай.

Мою Любовь.

Мою Марихуану.

Как поётся в старом американском блюзе в не менее старом фильме «Укуренные» с Чич Марином и Томми Чонгом:

«Когда беда приходит на порог, одна затяжка лишает в всех пустых забот».

Я бьюсь с тенью, которая порой меня одолевает.

И если прикинуть результаты этой скачки со стороны, то весь этот суд присяжных присуждает равное количество очков – мне и моей тени, скажем: почётный дан за подвижничество в спорте, и справку эту выдают японцы: ибо меня, как и многих других, заперли за то, что мы оставались в подполье, и умудрялись учить остальных.

У меня тогда была секция прямо в «цветнике», - отбоксивав в огромной оранжерее с розами, мы гонялись на минитракторах мимо общежитий, срубая самопальными шашками авоськи с морожеными курями, присылали незнакомкам корзины цветов, ночью бесились, вызывая по окраинам огонь на себя (дабы ликвидировать эту предбоевую дрожь – расхожая метода) – о тебе,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

тогда даже и не думали, нам хватало водки, да и баб: была и там дивчина, что нервы потрепала, а лет нам было – как раз по двадцать, и было у меня тогда два брата, родных брата датских догов, по дедовской традиции, Норд и Лорд.

Я вырос с ними, взял – было пятнадцать, похоронил, обоих сразу, в двадцать три, потом довольно долго меня преследовали звуки их тяжелой и преданной поступи, они всегда были где-то недалеко, и за годы нашей беззаветной дружбы и любви они избаловали меня своим невидимым прикрытием, я потерял дар реальности, и стал абсолютным психом.

- Психом?

- Ну да, превратился в «чела», подверженного тлетворным влияниям страстей, а это, мой еврейский друг, опасно для общества.

- Страстей?

- Ну да, тому набору замыслов, мыслей о них, и самих поступков, которые полностью противоречат основной идее, на которых сидят индуизм, буддизм с ДЗЭНом и бЭз ДЗЭНа.

- А что за идея?

- Отказаться от страстей. Тех самых, от которых я, и ещё миллионы таких, как я, сгорают не потому, что они склонны быть страстными или им так нравится сгорать, просто, выражаясь лексиконом двух Великих Аналитиков Кайфа, мистера Карлоса Кастанеды и мистера Теренса Маккены,

«накрыло».

От них (страстней) порой спасает

Моя Любовь

Моя Марихуана,

но не всегда,

Его Величество,

Красный Цветок

(как прозвал его сэр Рерьярд Киплинг)

всегда спасает, но он спасает навсегда.

Но в этом НИРВАНИЗМЕ, дорогой Борис Абрамыч, отсутствует ещё и то, ради чего мы, собственно живём, то есть что-то сотворить, дабы, как говорили греки

«будущим поколениям было о чём петь», а в полном покое, куда мы все стремимся, и которого не дождёмся никогда (по Данте), никаких поэтических прорывов быть не может, вот и меня, гляну в иллюминатор, - вижу свою реинкарнированную бабушку, только что рождающуюся, но про меня давно забывшую, и становится не по себе, вот это – настоящая страсть и есть. А не к бабле, как, скажем, у тебя.

Кстати, у того же Незабвенного Сиддхарха (Бдящего), тоже есть заповедь:

самый большой грех не быть с тем, кого любишь,

что, как ты понимаешь, полностью перечёркивает саму идею нирваны. Представляешь, какой я лютый грешник? Я не могу быть с той.

С которой ты мне не нужна.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Мы на разных орбитах, только у меня ты висишь голая, на календаре того года, когда нас с Абрамычем отключили от системы, и мы, обгоняя костями обломки «МИРа», утопли в океане, но фотография сделана недавно, а сбили нас давно, никто не виноват в этой невстрече.

Слышь, Абрамыч, не смотри на меня так злобно, а то я возьму, и обо(ПИСК)срусь, меня и справка есть, вот – тридцать минут могу пребывать в аффектогенном состоянии, для справки, сам аффект – всего тридцать секунд.

Хорошее было время. Хоть и не было тебя. А на хрена ты была бы там? Всему своё время.

А может, нет? Человек судьбе предрасположен, или она ему? И сколько в этой жизни было ошибок, предопределяющих судьбу – был выбор? А что хотел?

Труба.

Нирвана – православная и четыре грации, Василием Макарычем воспетые, видят меня, и в благоговейном ужасе крестятся, - они-то соображают, хоть и машинально.

Великий Старец Серафим сказал: будет царь, что прославит меня, а я – прославлю его.

Не тщеславие ли это, прости Господи, да ещё и в юбилей?

Ни хрена не тщеславие. Кто убоится славы, тот трус. Кто не сможет от неё отказаться, тот слаб.

Отец Эрнст! Ты не был слаб, хоть и пытались осквернить твою память всякие паскудные суки, которых ты прославил и пригрел. Потому и отказался.

Любовь Моя!

Моя Марихуана!

Великий Пол Маккартни, который и коллектив свой назвал «Крылья», окрестил свою живопись внутренним стриптизом, «я уже взрослый, мне нечего стесняться», - заявил он, но когда он выступил за твою легализацию,

Моя Любовь,

его пообещали не принимать в рыцари. Да кто они? Вот данный рыцарь подал голос за тебя,

Моя Марихуана –

не вняли, ментовское лобби сильнее всеобщей

Любви к Тебе.

Мы дошли с этой цивилизацией до последней степени омрачения, мы были героями по подворотням - но самое главное - посадили-таки, наконец этих грязных акул из Кристи и Сотби, правда, Боря? - на год и один день - мерзкая рожа прокурора, живущего на зарплату, и прекрасное лицо того, кто развел лохов на пятьсот лимонов - красавица блондинка рядом, и наши симпатии на стороне аукциона.

У нас тут свой аукцион,

Любовь Моя.

«Золотая Булька».

Такого нет даже на ранчо Майкла, с ним когда-то была дружна одна шоколадная красавица – Найоми.

Булька летает по афише - той самой с чего начался мой приезд, а теперь уезд - шоу состоялось, и пока оно игралось, тебя со мной не было - был коньяк,

но зато потом - может быть, в первые от премьеры не было ощущения переломанного хребта именно потому, что этот центр мироздания - мой, и ни одна б(ПИСК)ядь не может извратить из без того извращенный смысл моей религии - она моя, и, по совету Конрада Лоренца, великого австрийского зоопсихолога, на увлекательную литературу которого я подсел ещё в двенадцать, - её можно пропустить мимо ушей, ну а уж ежели вам по кайфу - то это вовсе не лапша - здесь - чистый кайф, потому, как истина:

закопайте в землю луки, раскурите трубку МИРа, спойте песнь о Гайявате.

Труба – система защиты, где на самом её дне – гарантия сохранения эрекции, какой-то момент настоящей энергии, её видимая концентрация, как Алеф.

Алеф. Стало быть, Хорхе Луис, - почему, спрашивают.

- Потому что мозги – как яйца, в крутую сваренные. Он же сформулировал сообщение Броуди, но самое главное – ввёл понятие «книга – посредник», хотя и неоднократно заявлял, что этакую «подантологию» придумали до него.

Я вот себе на «тридцать три», безо всякого заказа, написал пиеску «Старая китайская медицина, или новые английские анекдоты», так перелопатил тонну литературы про ДЗЭН, ни хрена не понял, а после лекции Хорхе Луиса, также ни хрена не понял, но сообразил вкратце.

Ресурс непонимания сузился, как программа сжатия в компьютере, и места в мозгу на это непонимание стало занимать гораздо меньше, ведь память – она, что в «ящике», что в «чердаке», имеет строгий ресурс, так что головы наши различаются по точно такой же схеме – наличия ресурсов.

Труба: лишился гласа, связки пересохли – немой призыв, призыв немого, ибо я сказал уже: никогда не говори ничего, и потому я срываю с себя всё, что можно, и стою голым – на волжском берегу, где меня и застала камера фотографа, а сама фотка – вот она, в коробке из-под виски – там ты.

Царица.

Полей, Морей и Суши.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Сейчас – мне наплевать, сейчас меня волнует совсем другое, но было время.

Меня выкидывают с вертолѐта в водолазном костюме – я скрадываю Гуся в сибирских болотах, и забрать – забывают.

Сижу неделю без тебя.

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

Но потом, после «запаха прерий королевский свой кофе пью я», и Ты,

Моя Марихуана,

настолько хороша,

как Та, с которой Ты мне не нужна, дающая боль и исцеляющая её, даруя чувства, граничащие с «фолом».

В такие моменты (по И. Бродскому) «Хор краснознаменный», приятно вспомнить, как помирал когда-то то от счастья, то от горя, но так и не помер, а Главное Открытие было так близко, смотрело в лицо, дышало вновь, но так и не далось.

Или вот – ползу по сырой глине полверсты, а там – чучела, я ж в бинокль смотрел, и верховой с разведочной вышки – приносит мне букет полевых цветов – в подарок за подвиг. Что за подвиг: я полз по сырой глине в ноябре, и мне было плевать на обстоятельства – я был охотник. Оказалось, за чучелами.

Но были там и гуси – во весне. Кого там только не было, всех пернатых – по тысяче пар.

Все сгорели на Тенгизе.

Труба – Тенгиз.

Война с Землёй, и сборы - на атаку. Я команду ротой пацанов, которые на стихию ни разу не ходили, и не представляют себе, чем на самом деле рискуют – я смотрю на них, и понимаю, что им наплевать, они не боятся.

Мы надеваем по тем временам шикарные шмотки: французский костюм «Атом – два», американский акваланг – «Дрэгер», который, блин, хрен переделаешь под аппарат глубоководный, мешает какой-то хитрый клапан;

мы садимся на самоходки, подходим «свиньёй», бьём по устью скважины специальными снарядами, слегка сбиваем фонтан, (то есть, заваливаем его землёй), и проскакиваем – прямо в огонь, а здесь уже всё, здесь мёртвая зона – между огнём устьем – четыре метра, и если ты преодолеешь этот барьер – вперёд или назад, то просто сгоришь, было уже здесь такое, и не раз: позавчера Серёга, волгоградский мужик, прикатил пьяный со спирту, с гитарой – прямо на фонтан, потом увлёкся – его взметнуло, а обратно прилетела берцовая кость.

И никаких серебряных струн. А музыка одна – вой подземелья, как будто шутник Аид извергает наружу все свои чёртовы вирши. И она весьма ложатся на слух – в каждом вагончике здесь – фляга со спиртом, на войне, как на войне.

Самое обидное, что весь наш героический труд всё равно – псу под хвост: у нас нет оборудования, которое позволяло бы затолкать под землю насосно - компрессорную трубу (НКТ) – с таким давлением в Сесере (а это было в СССР), бороться ещё не научились, ибо это – против правил, что потчует нас порой земля, та, с которой мы так долго боремся.

Приехали америкосы, придумали прибор, затолкали (нашими руками) НКТ, но меня там уже не было.

Я был в Щельково на премьере своей пьесы «Трамплин в преисподнюю».

Труба, труба, труба. Я болтаюсь, как тот образ в центрифуге: не включайте! Я здесь работаю, ю, ю, ю-ю-ю-ю-ю-ю!!!

Свидетели захода в этот «туннель» пропадают, но порой возвращаются, а мы не можем их распознать, тех же, кто может, цивилизация поднимает на смех.

Я подхожу вплотную к экрану этого вселенского порно, зову ангелов на совет: по небу проплывают корабли, отправленные твоим именем в поход:

Бог мой!

Я вижу их святые каравеллы.

Прыгаю, уворачиваюсь, стараюсь контратаковать, но удары мои проходят сквозь тень.

Опять труба – Москва, я рыпаюсь обратно, но – выносит «лёгкая».

Здесь – какая-то дача, где тусуется тот сброд, который назвать каким либо конкретным словом сложно. Это как раз та самая «прослойка», что

паразитирует рисками тех охотников за удачей и трудолюбивых крестьян, что сползлись со всей страны великой, первым нужно всё и сразу, вторым - ничего особенного не надо, но хочется всего того же.

Местным тоже нужно всё, но нет сил, а стало быть, перспектив, поэтому остаётся тип созерцания, о котором Антон Павлович выразился единственный раз за всю его недолгую жизнь (хотя, как знать):

- Ненавижу.

Потом отвернулся к стене, заказал: «Шампанского!», и умер.

Поэтому им остаются игры в секс, а ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

спасаешь этих людей от полного паралича воображения, и внутриутробного предательства всех видов. Удары в спину. Ну, ничего.

За годы скитаний вырабатывается некий новый орган, который нельзя назвать даже «третьим глазом». Если есть третий, - эти – четвёртый и пятый, и растут они на затылке.

Называется: чутьё.

Однако, всё, что можно, и нельзя, у меня открылось, афёра зреет, но не вызревает: семечку твою,

Моя Любовь,

в степях уже попродали на грядущую весну (её не будет, а у меня, Борис, назначена свадьба);

иду, курю, кумарю, смекаю, каким нынче имиджем принахлобучиться, беру – прикид мастера единоборств с собственной тенью, то есть крайне дорогой костюм, и специальные очки, отражающие всякие дурные взгляды, сажусь в полураз(ПИСК)ъёбаного «Зигрфрида» (старое, Баварское, пуленепробиваемое железо на пятилитровом движке с душой пикирующего бомбардировщика Люфтваффе), фейсконтроль отваливает сам,

подряды на золотишко уже сосватали чечены, сокровища Багдада (воистину: не зарекайся, и где теперь сыскать покой – не знает никто);

вывезли за океан: впору пиратствовать, а заодно получить на дайвинг ксиву: нынче и в бездну броситься без справки не дают.

А посему – Труба,

и во времена «пролёта» маячит мысль о возвращении – к традициям либретто, а, стало быть, и оперы:

собственный набросок, который легко оживить в памяти, пока она ещё есть:

редактор, который про всё это написал роман, и верит мне, потому что не вру, сказал:

- У меня к этому моменту было...

Я подумал: мешок баксов, но нет – он сказал: поток сознания.

- Деньги будут в понедельник, но мы давай встретимся в воскресенье.

Я проклинаю время, когда не думаю о тебе, говорю я. С тоской глядя в иллюминатор, глядя на ту, с которой ты мне не нужна.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Поэзия, Борис.

Поэт хренеет, и ночью сочинит стихи. Потому что мы торчим совсем в другом МИРе – мы его уже давно не сочиняем, мы в нём плаваем, как сливы, и воём от одиночества, потому что не умеем жить, или как это утлое счастье ещё называют – в гармонии с собой, и опять же – отказаться от страстей, потому что для того, что бы от чего-то отказаться, надо бы всё это поиметь с избытком.

Поэт вон – раньше времени седой, бабы, спрашиваю?

Он молчит, сверкая золотом клыков и премаляров, он ещё не молод, но уже старомоден – он – гений, потому молчит, но глаза его говорят – да, о том же и вся его поэзия.

Ты также мыкаешься в поисках чего-то там, дружище? А ты, случайно, пролетая над землёй, у телефона в переходе, не трогаешь за плечо каждую, кто хоть чем-то напоминает мне ту, с которой ты мне не нужна.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Смотри, Борис, в иллюминатор,
Мы с той, с который

Ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

уезжаем на съёмки, сейчас я поглощу священную чашу, выкурю последний косяк, и впарю прощальную ДОЗУ, потому как для того, чтобы это случилось, надо как минимум умереть, а потом, уже в эфирном виде, не попасться на глаза ни Белым Ангелам,

ни Чёрным, потому они только и делают, что контролируют тебя, являясь также и Хранителями, дабы потом препроводить в царствие Аида, грешники-то все.

Я как-то накануне я выудил по ящичку Ангела по имени Серафим(а), она сняла с меня проклятье:

Борис Абрамыч! Воспрянь и встрепенись.

Ту траву, помнишь, которую я якобы спустил в унитаз, когда на запасном аэродроме возникло КГБ, мы тогда ещё на брудершафт надрачивали под «Динорах, Динорах» Джорджа Бенсона?

Так вот, она у нас есть. Я нашёл её. Она застряла в контейнере, и мудрая машина (робот) поняла, что это – не говно, а

Моя Любовь

Моя Марихуана.

и не стал вытряхивать наш космический мусор. Нынче у нас другая музыка, - Джей Кей – индеец с перьями.

Раз пошла такая пьянка, мне пора взглянуть зеркало, скорчить рожу своей скачущей независимо от образа – тени.

Моя любовь!

Среди огромного количества рисков, коим ты подвергаешь сознание, которое отрывается «по полной», а также всё остальное, которое это бюро стандартизации, с названием «государство и закон», мечтает спрятать в

ближайший подвал, закопать живьём, повесить замок, и никогда не вспоминать об этом,

есть ещё один: глубина проникновения.

То есть, если ты нарушил заповедь Сиддхарха (он же – Гуатама, или Будда, и ты посмел воспеть его – в новой плоти),

и привязался к женщине, то любое постороннее проникновение в её лоно, ставшее для тебя воистину священным, чревато ломкой – как будто пребываешь извне – не собой, а тенью собственной.

Так, между прочим, начинались все войны. Решительно все.

Всё, концерт окончен.

Я кончил.

Моя любовь!

Ты сама смекаешь, куда мне выводить моё повествование – о Тебе.

С какого конца света ты ведёшь на этот раз свои караваны, на самая ты клёвая – с Востока.

А снизу ты кроешь, или сверху, этого не знают те, кто борется с Тобой, они любят тебя не меньше моего, но грех на душу берут, как и те, кто берёт тебя за деньги.

Образы первых не вяжутся с вторыми, ибо у вторых сердца открыты, и голожопые амурсы пускают в них зажжённые стрелы, - они твои вечные клиенты, но пока я тут с вами (ПИСК)зжу, тень заскакивает в спину, и пропускаю один из самых тяжелых ударов, конечно в сердце.

Лежу.

Открываю глаза, Господи, опять.

ГОН по вертикали, где самые острые края – это лезвия листьев твоих, а самый волнующий аромат – слетал с твоих бутонов.

Мой остров тонет, он опускается под воду, как венецианская могила Иосифа, но он успел написать свои письма «Римскому другу», а тебя воспеть,

Моя Любовь – ещё нет.

Возможно, когда я завершу этот бой с тенью, догоню самого себя, и симитирую реальную затрещину – это и будет тот сорок девятый день, на который Гуатама перестал воображать нирвану – он её достиг.

То есть – отказался от страстей.

Был выбор? Выбора не было. Ибо второй шанс – это возможность нарваться на один и тот же хук, только под другим углом.

(ПИСК)дец подкрался незаметно, и подходил искусно, берёт Фердинанда за голову (за глотку – хрен возьмёшь, на то мы и бойцы - без всяких правил),

что бы потом убить – последней дозой любви.

Я был свободен, я и теперь свободен, только мечусь по ней, своей немыслимой свободе, как в клетке золотой, с вечной верой, что Карфаген разрушить можно, раз должно, и Мастер Ганибал, покоритель Рима, догнался героинном, когда прижал (его, не он - его), международный сионизм.

Но когда уже нет сил выть на Луну, когда она полная, и когда её вовсе нет;

когда кидает так, что уже скачков не наблюдаешь,

Я пою тебе песнь,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Включая такой, слегка осязаемый, но всё же – орган, моё козырное «Я» - воображение, которое, согласно (их) догматам – враг Дзэна, это созвучно последнему переводу Гамлета пера Серёжи Волнца, не «вашим мудрецам», а – «философии твоей», когда является Горацио.

Но здесь тот самый случай, когда ты говоришь себе – а не хрен бы с ним, с этим дзэном, раз любая закуска на столе, - любые старые буддийские анекдоты неофитов давно просчитаны, ибо состояние постоянного спарринга с собственной тенью (тут я представляю себе лицо одной бодрой тетки, я ней беседовал сегодня об искусстве);

придало моим разноцветным крылам особый оттенок: ибо все их парадоксы происходят без тебя,

Моя любовь.

А если эти благородные и лысые, как команда футболистов в матче: «Манчестер Юнайтед – Реал, 23. 04. 2003, в Англии, в Манчестере - монахи, и два бодрых комментатора беседуют с таким увлечением, что хрен встаёт, и деньги – будут, - не избегают, так сказать, средств «стимуляции сознания, открытия чакр, и прочей хренотени», то плюнь мне в рожу дорогой Борис – ты никогда не сделаешь этого, потому что знаешь, что я прав.

На самом деле все дзэнские монахи травятся как минимум грибами, которые воспел Сергей Курёхин, просто знать никому об этом нельзя: рухнет последний оплот, и уйдёт с Гималаев всецелая Шамбала, и давление этот фатального процесса прёт, как бронепоезд – на минные поля.

А потому весь этот бесконечный забег в чистый ДЗЭН – чистая фикция – МИР (да и мы – в нём), иллюзорен настолько, насколько не предполагали неофиты:

нас нет, мы Майя, мы – иллюзия, но никто из них не ответил на мой единственный вопрос:

Скажите, лысые, со всем завязавшие, и такие умные, до такой степени, что перед вами сидит какой-то абсолютно голый идиот, распределяет (вчухивает) ваши же строительные подряды, на строительство новых монашеских келий, вы целуете этому Учителю руки, а его при этом глючит, он никак не крякнет, потому что сидит на вашей же энергии, но монахи не плодятся, - они ж монахи, а баб приводят Основному – я видел там даже хохлушек, этих, знаете, из Приазовья.

Ответьте мне, как можно жить в таком грехе, который Сиддхарх всегда считал самым тяжким: не быть с теми, кого мы любим, и в тоже время – отказаться от страстей.

Ибо не быть с теми, кого мы любим, возможно, что и можно, надо просто молиться за них.

А молитва – это Вера.
А Вера – это не обязанность.
Вера – это чистая радость.

А вот на счёт той, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

вопрос острее прежнего, ибо любые мои попытки превратиться в афериста городского, и уже перестать в конце концов когда-то быть аферистом сельским, у меня не получается – характер говнистый.

Смотри, Борис: я собираюсь на свидание с девчонкой, которая когда-то любила меня, как она сама выражалась, «безумно», а теперь утруждает себя некоторым флиртом, поверь мне, она – настоящий талант, а таланты надо финансировать. Ты понял?

- Так бабок нет.

Ах, да. Мы ж на внеземной, еб(ПИСК)ёна мать, орбите.

Ибо достала меня – моя собственная тень.

Она пугает моё воображение, которого ДЗЭН не приемлет. Твоё воображение – враг твой! – заявляет мне этот немыслимый, голый, без трусов, блохастый старик, который землю пахать не может, ибо может замочить при этом невинного червя (будь он трижды опарыш);

но может иметь в Швейцарском банке счёт, простите, я, конечно, могу ошибаться – МИР иллюзорен.

Моё воображение – моя любовь.

Однако оно работает с пугающим размахом:

объятия мои,

фортуна – не моя,

оглядываюсь – уже и не мои объятия, зато моя фортуна;

мчу на своём пылающем болите, какая-то старуха с рыжей таксой – длиной через дорогу, успеваю затормозить, всё исчезает, понятно, что за знак:

еще немного, и этому раунду – кердык, а стало быть, пора поменять направление – ты уже не трава, а литература о траве, так что сейчас, или никогда, до конца, или опять – до самого начала, я буду обращаться к тебе, как собственному письму – бесконечной тебе, эти бесконечные строки.

Я начинаю шаманить, чтоб успеть за собственной мыслью, которую неплохо было бы – успеть облечь в то слово, за которое потом не будет стыдно, я ношусь по городу, взламываю дворницкие сараи, три куста из трёх мётел, на которых когда-то собственными руками усадил (минимум трёх), и сам же – отправил:

непрерывно – паук, потому что он – надежда даже в тех детских снах, когда я спал в обнимку с фолиантом Дали, но на улице – снег, и с пауками напряг – я отправляюсь в отчий дом, там их, по идее, штук сто, и один из них, самый мохнатый, даже пытался меня, грудного, утащить к себе в паутину - да бабушка спасла.

То есть спасла меня та, которой пишу эти строки – Божественной Н.Г. – а нынче, в цепи перерождений, она убивает меня, но тут же возрождает, всё по правилам магического реализма.

Зачем я ей?

Ты что, заснул, Борис Абрамыч?

Кое что ещё – всякие отвары, травы, сорванные с молитвой (отныне,

Любовь Моя,

Моя Марихуана

– ты трава, срываемая на рассвете, а беседую я – с собственным словом, которое, говорят, в начале было);

здесь не должно быть пауз, ибо любая передышка – для меня смертельна, встань и иди, я иду, жду свою нирвану, ищу место, где можно сбросить кости, и усесться, наконец, в мой лотос;

Где-то перед носом – вселенский гриб тащит вверх весь этот чернозём, и я чувствую, что пламенный мотор ведёт ковчег, и надрывается, как парус – он трещит по швам – рвётся, а новой парусины не сыскали.

ТРУБА:

Думая, что мы больше не увидимся, я сказал:

Найоми! Скажите всем этим вашим педикам - фотографам:

зря вас возят по льдам Гренландии и пустыням Австралии: все это можно сделать у нас дома, в России, в компании местных хакеров: это они придумали рекламу тампакса, где Снегурочка сгорает, а тампаксу - как той резине, в которой бабка с колокольни е(ПИСК)бнулась (галоши), - хоть бы чо.

Потом решил поспать, и виделись мне сны прямо из перекрестка с этим приторным буддистом Ричардом (а ведь ты трахалась с ним, посмотри в

глаза – трахалась ведь), который полез на балкон к этой разукрашенной цветастыми гондонами шлюхе, не знаю, что шлюху всегда тянет на Тверскую, даже самую завязавшую;

Шерон, на которой я сам едва не женился – по объявлению, но она вышла за какого-то еврея, а моё письмо со словами «я, обыкновенный сельский парень»,

возможно, что дошло;

и какой-то рыжей сучкой, и вот лодка моя уходит, я в семейных трусах (у буддиста Ричарда такие же), ныряю в бездну, а у баб в это время - разборка, кому ж достанется этот бодрый сорокалетний покойник, прям, бля, Антуан де Сент, и не сантиметра в ...

Лодка нужна, куда ж без лодки, или, к примеру, гидросамолет, который падает, взлетает, потом падает, и речь уже не обо мне, а о том, кто начал крутить на небе эту последнюю петлю.

Которую какая-нибудь очередная бл(ПИСК)ядь накидывает на благородное сердце.

Фрэнка Синатры.

В Майями – Тони Роума, этом сериале прозвучало знаменитое: скорее в Джорджии будет чёрный губернатор.

Тогда ещё никто не мог себе представить, дорогой Борис Абрамыч, что в США будет президент, по бабушке Хусейныч.

Лодка - это гарантия того, что куда-нибудь, да придешь, и по ценам на шлюх сразу определишься - в Раю ты, или нет.

А вот, то, чего раньше не было и в помине: летчика Хулио Валериевича проглотило на экспозицию.

Это стрела Амура, детка. Скажи мне папочка.

- Папочка.

- Ну вот. А не далее, как вчера, спустя лет десять с момента этого разговора с тобой, во времена, когда тебе подна(ПИСК)стоёб весь этот Север с его неверными мужьями и нев(ПИСК)ъебенными просторами, я стал ещё и мамочкой – той, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Дунули.

Раскайфовались.

Распрощались.

Я поправляю свое сомbrero из казахской ондатры, она там с крокодила, и мозги у нее не в пример человечьих: лапу себе отгрызет, лишь бы не быть у меня на тюрбане - рыжей заплатой.

Что это? Латекс?! Давайте сэкономим на гондоне, девушка, мне еще лететь обратно - в холода и веси;

а если что, так это роковая встреча, и как поет одна российская узбечка, и значит мы умрем.

Дура! Мы ж еще только на свет народились, и резвимся, как дети - мы дети и есть, только синих небес, но не черных, хоть и любим - в ночи.

*Вылазит из провала в кровати, садится
по-турецки, с блаженным видом
закуривает, перебирает писчие листы
бумаги.*

Вот так, девушка. Последние строки я пишу без вас, вы покинули меня, но не забудьте – вы обещали вернуться. Так что еще немного, и я вновь почувствую шорох ваших крыльев. Когда вы вновь покажетесь на пороге, я услышу далекую джазовую мелодию, она ни на что не похожа, ее никто никогда не сочинял, она просто есть, она – наша.

И мне, черт возьми, хорошо.

Я курю, и оглядываю стороны своего пространства с любопытством кролика, высунувшего нос из норы. Мир прекрасен. Я удовлетворен всем – временем суток,

которого я не знаю, и знать не хочу – тьфу на него, на время; я в восторге от событий, которых не было, – плевать мне на него, на бытие; жизнью, которая течет причудливым каким-то манером, – все здесь мое, и жизнь, и манера тоже.

Зевает, гасит свет, предварительно завернувшись в одеяло.

Через некоторое время сцена вновь освещается. Он стоит перед зеркалом и внушает своему отражению.

Раунд пятый

Очнулся, ткнулся в «бортовой»: все четыре Всадника сорвались, по выражению Сведенборга, с «самых верхних небес», и через мгновение будут здесь, но внизу – всё тоже сердце.

Великого Фрэнка.

Однако когда наша станция крякнула-таки в океан, и мы перешли на подводный режим.

21 марта 2001 нас утопили, и до сих пор никто не знает, на какой глубине мы лежим, и порой дро(ПИСК)чим, на брудершафт с Борисом Абрамычем.

Прогнулись перед ковбоями, еб(ПИСК)ёнать. За что нам их любить? А Борю этого, я б разморозил, да не тебя, ты давай, дави очко, я ж на дальняк – летаю в очереди, хоть и командир.

Он как-то в Китае по пьяне едва не уселся на ядерную кнопку.

Из принтера выскакивает лист, и тут же улетает, и я едва успеваю схватить Бориса за руку, пока он им коварно не подтёрся.

- По-моему я, как тот самый французский парень по имени Жюль – двадцать тысяч лье под водой, и ни сантиметра, извиняюсь за повтор, в «никуда».

Вот, читай, - ну какой я сельский аферист? Я твой, Боря, командир.

Ибо о тебе, со всеми твоими деньгами, которых ты мне так, кстати, и не отдал, хотя бы потому что ты - еврей, а я – екатерининский немец, и не снилось того, что знаю я, и вспомнят меня – это я отсылаю бутылки с орбиты, а ты их только пьёшь, а о тебя вспомнят только в той хитрой связи, с кем это ты сошёл с орбиты.

Ладно, слетай с очка, слушай и внимай.

Видишь ли, Борис, иногда мой вымысел преобладает над всеми невысказанными высотами, то есть моё воображение настолько бесконечно, насколько верна моя новая трактовка теории вероятности.

Сыграем?

Борис кивнул.

Играем.

Я кидаю свой золотой дублон с орлами – на обеих сторонах, он крутится в невесомости, согласно теореме Дженибекова, недавно посетившего нашу свободно летающую станцию.

- А что за теорема?

- Любой предмет в космосе периодически «реверсирует», так случится и с нашей планетой, не пострадают одни мы, мы-то, хоть и в ином времени, но в прежнем пространстве.

Если у нас здесь, на нашей новейшей станции «МИР», которую мы отбили наконец-то у этих варваров, позволивших разграбить музей Багдада, а потом и сжечь его Библиотеку,

немедленно вырубят свет, то ты вправе подумать, что к нам в иллюминатор номер раз заглянул Всевышний, и решил прервать твои потуги на очке, дабы ты не подтёр себе задницу, моей сформулированной на клочке сортирного листа истиной;

Но на самом деле это просто сосед снизу, с которым у меня уже тысячу лет война, с тех пор, как Великий Александр – мой верхний папа, не зачалил меня с тринадцатого разу главной в ту пору Амазонке (первой и последней, а ведь бесстрастный Арриан утверждает, что племени этого – не было);

Взял и вырубил свет, потому что я, греясь в ванной, во всю дурь запустил «Woman From Tokyo» за 1973, а на часах компьютера – 24.04.2003, и он хлопнул по рубильнику, - пора его мочить.

Смотрим с Борисом в иллюминатор: там не Всевышний, не сосед снизу, - там щерится Председатель, хоть в пору закрывай на хер жалюзи, а уши от ушанок – на х(ПИСК)й надевай.

Потом всмотрелись – да это ж кашалот, и сейчас он нас сглотнёт, как невинного светлячка – языкастый тритон.

Тыкаюсь по кнопкам навигации, а потом вспоминаю – её отправили в пространство по ошибке, и вся наша система обороны пускается вручную, и связи с «внешним МИРОм» как не было, так и нет:

мои ангелы сушат крылья на основной антенне, а потому здесь слышатся псалмы:

этот психоделический драйв дёргает Вселенную за нервы, и наши движения в пространстве порой накладываются на время – смотрим вниз, планета та же, что и при Одиссее Хитроумном, а музыка – другая.

Почему же мы не видим, не слышим Голос Фрэнка, он что, не с нами? Не может этого быть! Он с нами, он в наших сердцах! Смотрите, вверх, там, в тоннах прозрачной, как воздух, воды, - прямо над нами, на синей глади появляется сердце: он вышел из очереди - единственный мужик, которого любили все.

В одной руке он несет бутылку с вискарём, а в другой - чемодан с миллиардом долларов, только за то, что бы извиниться перед Всевышнем, что получилось так немного - остальное пропили во Благо, - крестными отцами и матерями.

Расступитесь, Голос идет! Идут Синие Глаза! Лючиано, величайшего тенора в мире, зовут Толстяком, а этого мужика, - просто Голос, вот и догадайся, что такое народная любовь.

- **Смотрите, ребята! - кричу я, командир корабля, тыкая пальцем в лобовое стекло нашего солнечного махолета. - И запоминайте! В Голубом Небе кружит истребитель, и рисует Его Сердце. Оно было такое же огромное - у этого Мужика его любви хватало на всех, - и на братву, и на школьниц, своими детскими сердцами безошибочно выбирающих любовь самую сильную и прекрасную.**

Всё. Состыковываемся.

Труба – пора подкинуть самого жесткого стиля в этом конструктивном КАРАТЭ, ибо, куда ни денся, а придётся жать и вновь сеять – у всех своя судьба, а человек предрасположен, хоть мы с тобой, Борис Абрамыч, в тайне знаем, что нет смысла уповать на небеса, раз пьяные Ангелы мотаются по облакам в цветастых одеждах, а кто и вовсе – нагишом, вкусив дошедших до небес ароматнейших паров твоих,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Мы ж в этом раунде сыграем в кайф среднегородского типа, который, как известно, соседствует с деревней же городского типа, (Боря, поверти ручку настройки, там моя любимая песня, говорящая о том, что нет печали горче, чем любовь - вплоть до взаимной, мы сейчас, Боря, с тобой эту песенку споём, и глянь в иллюминатор: я возвращаюсь к той памятной дате 11 сентября, когда наш, отечественный Змей Грыныч о семи хуях перепил манаги с Кощеем Трипетычем Бессмертным, и протаранил башни в Нью-Йорке.

(Секрет этой манаги был утерян, но мы его восстановили: её надо в невесомости варить, ты мне напомни);

итак: кайф этого города становится абсолютно чёрным, ибо все беды, лежащиеся на обитателя этой чёртовой дыры, не покажутся пустяковыми чертям в аду, а тем более жителям мирной Европы – хоть и родившимся после последней войны.

Балканы завсегда пребывали в войнах, как Япония в собственном документальном кинематографе, но что завсегда творится здесь - Ребята, тут Европа отдыхает, здесь любая более или мене приличная бабёнка завсегда подвергается насилию, средней руки бандюшонок не доживает до положенного «срока», так что любая там «разборка в Бронксе», - тупой лубок для релаксации хотя бы потому, что на фоне того ареала, где нация «чернеет» от героина и кровосмешения, где любая сказанная глаза в глаза правда за жизнь – имеет прокажённное лицо, все эти «кувыркания», которых я никогда в жизни в пределах ринга по панкратиону не видал, хотя, конечно, нервы порой успокаивает, не имеют значения, ибо здесь удары – в рыло, и с такой скоростью могли бить только Танк Эббот, да нынче Саша Емельяненко, эти два парня в своём роде феномены, они крайне сильно и часто бьют по особым траекториям, так мог только Рой Джонс, но тот – боксёр в чистом виде, а

у нас, как известно, так называемое «Боевое Пятиборье», здесь бьются насмерть.

Гляди, Борис, я сочиняю нашу с тобой горькую правду, которой ты не знаешь, она ускакала, как пел Владимир Семёныч, на «длинных и тонких ногах», но мы глядим ей вслед:

Вот я возвращаюсь к этому роману, не помню, в какое измерение, потому что я знаю: если я к нему всё время возвращаюсь, то это – внятное оправдание тому, что я его до сих пор не издал, хотя на самом деле мне давно уже наплевать, увидит он свет, или нет;

Я заканчиваю сценарий про Кощея, ибо у меня самый Натуральный конфликт с Верой, ибо я сообразил, наконец, в кого играю к столетию моего любимого Дали.

Записал?

Ну и напрасно, я просто разговаривал сам с собой.

То есть: сочиняю ситуацию, которой быть не может – каким образом в нашем меняющемся мире все, что было, и чего нет, продали, купили и поделили задарма .

Уже нет (шахты лифта, ебёнать, Борис Абрамыч, надо любить эти фолкнеровские обороты, вы же образованный человек).

Я захожу к себе в офис НА ДВАДЦАТОМ ЭТАЖЕ «Интуриста», с видом на «гос. думу», весна девяносто девятого, Балканский кризис, я включаю ящик, там передача про отца Эрнста, и какая-то блядь голосом, как (ПИСК)здьем волосом (по Афанасьеву, который все эти санскриты собрал и обработал: «Тонким, долгим и нечистым»),

ведает про то, что он был вечно пьяный, от него бегали бабы, всех своих спаррингпартнёров по боксу он бил либо внезапно, либо они были слабее;

что как-то приехал на позиции, по моему, итальянцев, спровоцировал огонь, потом уехал, и все подразделение союзников по пьяне полегло;

я не выдерживаю этого журналистского произвола, и вот телевизор летит вниз с того этажа, которого уж нет с нами – нету и «Москвы», ни «Интуриста», ни «России», страны нет, ибо она состояла из этих гостиниц, ни хрена нет, есть замкнутое пространство того порно, что мы снимаем про съёмки эротического триллера под названием «БЫЛО-НЕ БЫЛО», я открываю глаза, я в подвале знаменитого особняка в Жаворонках, тех, что в

блатном Подмоскowie, сию в замурованном гараже, куро в светло-бежевом «Альфа-Ромео», вкушаю твоей клаустрофобии.

Моя любовь.

Моя Марихуана.

Когда-нибудь и мы снимем фильм без киборгов, мутантов, вампиров, соплей, крови и насилия, возможно, что это будет похоже на наше грядущее счастье, быстротечное, как вода.

Труба:

Сначала о том, что называется городским кайфом, потому что без него никакой другой кайф непонятен, но это – только после запаха Прерий, - так сказал Рерьярд Киплинг, когда состарился и запил, а как только перешёл на опиум, и на всякие синие супы, что привозили ему с экватора, поклонники, так сказать, таланта;

так каждый пятый репортёр посчитал своим долгом проверить бедного старика, что называется, «на вшивость», а кто знает: может быть самым его отчаянным охотничьим подвигом было удушение карликового игрунка, когда тот хавал гусеницу, ростом с него самого.

Запах прерий – это не просто тебе вышел, пострелял, даже если и попал, то не всегда сожрал, но сам нажрался – непременно.

Так что охота – она, как жизнь – то, что происходит вне наших планов. Однако для того, чтобы как следует прочувствовать, что это такое «пуще неволи», надобно попасть в передрыгу, иначе потом не выпьешь своего «королевского кофе».

Ну, к примеру: седьмое ноября, горы, прелая листва, подмёрзшая в сырой глине – идеальным катком, все напиваются, накануне вспоминают, что сделали подранка, мяса нет, а водки море.

Взбираемся на «Захар» (ЗИЛ – 157, самый надёжный агрегат в мире – на трёх скоростях, и наши такими станками бурили в Сахаре, да так, что французы отдыхали на своих «Ситроёнах», хоть и бабки огребали), ладим прожектор (нормальный, не перестройки);

Пускаем пёсиков моих, профессоров Гобоя и Журая, по тальвегу оврага, они подхватывают оленя, и вот уже у меня возникает ощущение, что я зря не послушался своего нутряного «Я», которое твердило:

«Дорогой, остановись, ты же знаешь, чем всё это кончится».

И я говорил всем, чем это кончится – но волна прошла, и надо оторваться, отрываюсь:

Грузовик буксует и ползёт по склону, нас разворачивает, а потом уж и несёт: прожектор гаснет, мы в полной тьме, и звонкий воздух в ноябре режут башуристые гласа моих гончих собак: они сразу подхватили подраненного секача:

профессора гоняют так, что это мгновение: из кузова в могилу растянута до тех пределов, что, как улыбка, «отмерены природой»;

и вот удар о чей-то ствол, и я понимаю, что это величавый дуб, ибо он даже и не шелохнулся: я лечу.

Я лечу, как тот волк, орущий, с косяком

Моей Любви,

Моей Марихуаны,

«Ну, заяц, погоди!»

Только в полной тьме, и жду удара – вот он, в лоб, потом – не помню, «дошёл до точки».

Откапывают меня мои же выжлецы, я лежу в подопрелой листве, ни хрена не чувствую, а по моей выдавшей виды харе, скребут когтями мои гончие псы, профессора, и я, вздохнув, чтоб не колыхнуть в груди поломанные рёбра, шиплю им:

- На х(ПИСК)уй!!!

Братки меня, в конце концов, находят, напаивают до бесчувственного состояния, везут, а ночлега-то и нет, въезжаем в какое-то село, брédёт толпа на встречу, как мне здоровым глазом показалось – ряженных;

и кажется мне, что кто-то пнул по дверце моего джипа – с разными мостами, а раздатку вот-вот, да и порвёт, а «Захар» свалился в пропасть.

Выволакиваю своё обмороженное, поломанное и пьяное тело, вижу – чью-то морду в треухе, да ещё и с какой-то белой вуалью, стараюсь хлопнуть ему в нос, и попадаю:

треух слетает, враг повержен, и тут доходит до меня, что была это – чья-то невеста, просто пьющая, в годах.

Наваливается человек пятнадцать женихов, боль проходит, зло берёт:

отбиваемся, стреляем по ногам, мчимся, в речке застреваем, тонем, спасаемся, псы воют, кросс – к ближайшему огню, никто не открывает, замерзаем, тут братки сбивают дверь в кошаре, и открывают шквальный огонь по всему, что есть;

мясом грузимся, выводим машинёху, всю в цепях, на лебёдке, где-то на мосту через Волгу, конечно, тормозят менты:

в салоне – кровавое месиво из пьяных братков, дикого и домашнего скота, что не умерло – то обосралось, что подохло – то смердит.

До такой степени башка болит три раза, потому что в четвёртый её уже не может быть в принципе, от подобной боли нельзя отделаться, как от стандартного кошмара: на тебя наступают, и силы покинули тебя, уступив место голому страху.

Второй раз – это когда мы с Далай Ламой арендовали лошадей в имении драматурга, дефлорировавшего всех своих крепостных крестьянок (между Костромой и Кинишмой), а именно: Александра Николаича Островского.

У Далай Ламы – спокойная кобыла, у меня ж необъезженный рысак, я разгоняю его по полю, и чувствую, что подпруга несильна, он грамотно раскачивает меня, чтоб сковырнуть о ближайший столб, и гнедой коняка рассчитывает всё точно – моя пьяная башка сгибает этот столб, на меня сыплется плафон, я стою весь в кровищи, – всё тех же красных адидасовских трусах, в которых провожу этот, явно не последний раунд.

Думаю – башки-то наверное нет, раз столько крови, но всё обошлось: недовольная баба уводит лошадей и деньги на новый плафон, и через пару дней моя премьера: снится Александр Николаевич в кафтане, галстук и без башки.

- А третий?

- Этих третьих я замучился считать.

Моя любовь.

Моя марихуана.

ТРУБА:

Хорхе Луис назвал этот феномен: «Повествовательное искусство и магия». А, помирая, высказался: «Какая, дескать, магия? Просто я употреблял литературные приёмы».

- А что в конце туннеля? – не унимаются автобиографы?

- Уверен – ничего. И буду разочарован, если что-то есть, - закончил Классик Магического реализма. Унёс тайну в могилу.

Приёмы – это, в конце концов, мастерство, а мудрецы говорят: мы все восходим на одну вершину – разными тропами.

Вон, мастер Уесиба (такая фамилия – просто праздник для русского бойца, но этот, б(ПИСК)ля, японец), который придумал Айкидо, перемещается в пространстве, то есть телепортируется, падла, хоть мы все знаем, что такое, конечно бывает, но только в определённом состоянии, которое открывает пространство, не меняя его, то есть – не деформируя сознание того субъекта, который, допустим, накурился с утра;

и мы любимся Стивеном Сигалом, его выправкой, причёской, манерой биться, овладевать мужчинами и женщинами, приводить себя в порядок, быть беспощадным к врагам и добрым к бля(ПИСК)дям вместе с его легендой про то, что он как-то прогавкал в каком-то буддийском монастыре, с неделю на Луну, сидя в собачьей конуре, но на самом деле его учитель по айкидо Дэвид Эйрс был выгнан из начальников кока-кольной секьюрити по восточной Европе, как сказали мне в бюро по трудоустройству для разного рода инструкторов по всякого вида единоборствам:

- За честность.

Вон он, этот мощный старик, тренируется на Павелецкой, и я беседую с его молодой женой:

- Этот, весь в наколках, и есть Дэвид?

- О, да, приходите по четвергам.

Но я не специалист по айкидо, это настолько изысканное блюдо, как те мидии, отведав которых некий султан рухнул в обморок: до того хорошо, но беда в том, что я как-то на «Фортуне» присел на мель на безымянном греческом острове, где я жил, как в Раю, без GPS, бичевал на острове Мечты, и питался этими мидиями месяцев шесть, так что шас, простите, я при виде их – блюю.

и поэтому иду к «Пирату двадцатого века» (по имени Тадеуш Касьянов, кто не знает, так все книги по единоборствам имеют на обложке его десятидневный портрет);

там БЬЁТСЯ молодёжь, а я с похмелья, потому что накануне нажрался в одну харю, так и не дождавшись, того, с кем мне изменила та, с которой ты мне когда-то была не нужна.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Иду «отбиться», а молодёжь похабная, не замечает, что я в бою корректен, лезет на рожон.

Два слова о телепортации, и хватит об этом, ибо меня к этому времени от всего этого мутит:

если бы сегодня, за сутки до моей всенародной премьеры, у кого-нибудь хватило ума ахнуть по Азорским островам, где собрались три этих политсифилитика: Американский, Английский, и тот, который решил нажиться лично: альфонс Испанский,

мы б избежали катастрофы.

Дальше – грехи, грехи, а грешник, он, что ни день, грехи свои усугубляет, я опускаю дату, ибо это интересно только для следствия, а я пестую себя в храме, что-то я не видел здесь ни одного мусора, - за всю мою богатую событиями жизнь – ни одного, стесняются, наверное, что до меня, то мне не стыдно:

ну, провернули одну аферку, в потому что мне было всё равно тогда, у меня был тяжелые времена, моя...

Марихуана.

Сколько ж невинных мужиков за тебя посажали – столько даже за баб не сидит!

Казалось – изолируй две этих «креатива» один от другого, и воцарится долгожданный мир, но не получится – толпа требует крови, и желательно, не мультимедийной, а дурить её легко – она сама дуриться рада.

Да нет,

Моя Любовь –

пора играть в нищтячки – город обклеен моими афишами, в середине мой театр, где, как верно выразился вместо Уильяма граф Ретлинг, все люди в нём – исполнители воли драматурга, и сейчас я пойду бомбить синагогу: римский император ещё не знает того, что знаю я,

слегка охреневший от тех имиджевых несостыковок, коими одариваешь ты, я - мистер НИКТО, и я в любой момент уйду сквозь стену – я игрок другой лиги, и те, кто имеют со мной дело, порой проникаются до такой степени, что болтаешь лишнего – невозможно, в конце концов, не перепутать направления, а пятого конца (света) вся равно нет, (это они так думают);

иначе бы очнулись в Раю, где нет безбожных кардиналов: для них котелок гораздо ниже, вон там, взгляни,

Моя Марихуана.

Наклони свой тонкий стебель, и подари мне то, о чём прошу – в ответ я гарантирую какое-нибудь гражданский подвиг, типа, набить хлебала превосходящим силам – это на некоторое время отвлекает от суетности, ложающейся на чело не хуже терновника, в народе – проволоки колючей.

Мою игру знаем только мы с тобой, у остальных она – другая.

И у тех питерских, что только позвонили, и предложили бомбануть ювелирную лавку – предложение для меня нынче немислимое, однако мысль гложет: а чего? Запонтился?

Рылом бы не вышел, тебе б и не звонили: приятнее, конечно, если б пригласили в Канны, и по другому поводу, но вспоминают тебя те, кому ты вспомнился – пеняй на себя.

Хочется кайф поподробней – бывает и «дичка» ушибает, если замутить с «нифелями», но какая-то на вскид – такая и цена.

Цена одиночества?

Труба!

Есть у меня остров на Волге, а на нём место, называется – «ЦЕНТР».

Сегодня я назову его на языке Сиу, где нет слова «прощай».

Ты знал об этом, Борис?

То есть почти то, что центром называют у тебя,

Моя Любовь:

весь кайф в одной точке нашего поднебесного престола, когда Боги раздвигают облака, и говорят тебе:

«Ну, отрок, обращайся».

Я приходил туда на лодке, со своими гончими псами, жрал то, что ловил, сперва – как обычно, но после острога, лук и стрелы, никакой стрельбы и самое главное – там снились сны.

Например про то, что Крым, где помер Антон Палыч – вновь русская провинция.

Читаю Текст - нельзя читать, даже по глазам - напротив – и этому отец Эрнст учил, сидючи на Кубе, той самой, где я катался на горбатых китах, когда участвовал в чемпионатах по правилам – там не было тебя, не до тебя было там, прости,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Тогда не был нарушен основной закон бойцов, которые рискуют выходить к восьмиугольнику и ломать там себе жизнь – за сраную штуку баксов – когда правил в этой войне «кто круче» не стало, ты мне попалась «боевого» сорта, один узбек подкинул, себе на голову, он не знал, что я выхожу с ним биться, и с самого начала он понял, что всё просрёт – я видел свою мысль и силы во мне было столько, что я мог ушибить слона – бя буду, мама, так что бывает, что и восток срёт под себя, не хуже, чем запад.

Это была ты,

Моя Марихуана

– о тебе уже тысячная глава, но пока я смогу воплотить всё то, чего мы насочиняли в этой комплексной бригаде, где я бессменный бригадир – моими образами я пока что ещё повелеваю, и дух повелевает материей, ровно, как и наоборот (с той же точностью).

Труба: погоня, (ПИСК), погоня, (ПИСК), погоня (ПИСК), погоня.

Времена бандитские, делёж территорий, мы с приятелем (бывшим, бывшим, конечно, кинул он меня, падла), уходим от погони по трассе Питер – Москва, за нами – два «Крузера», мы на «девятке», и шансов нет.

Что тогда творилось на питерских авторынках можно назвать двумя словами: апогей беспредела, и мы, как говорится, за что боролись, на то и напоролись: в другой момент бы я сам себе плюнул в рожу, но в ту памятную ночь – с надеждой взирал на каждое КПП, - но там (в жизни больше не было такого), не светило даже лампочки – возможно, что мы нарисовались на Неве до того, что по дороге эвакуировали всех мусоров – поголовно, но спас, как говорится, его величество случай:

не помню, на каком километре, особо рьяный «Крузер» впечатывается в колом стоящую, совершенно невидимую во тьме КАМАЗовскую фуру, и мы доскакиваем до ближайшей заправки – никто до нас и после не заливал бензин в таком темпе, и не взрывал передним приводом шальную гальку, - тогда всё обошлось.

Труба – «дорога смерти», в отличии ото льда через Ладогу – больше полувека тому, хотя, думаю, что для тех, кто гонял «полуторки» под непрерывной бомбёжкой, это был настоящий адреналин, но скажу тебе, Борис Абрамыч, была ситуация в Саратовском СИЗО № 1 г. Решив пред этим побороться с Государством России – за права человека.

Все ЗЭКи думали, что я забурился туда специально, чтоб книгу написать.

- Специально? Это – правда?

- Да нет, конечно, что я ёб(ПИСК)нутый, если б меня не заманили, я подался бы в бега, я в ж дизеле чалил, так что я давно про себя знаю: я ене выношу неволи, и если мне дадут реальный срок, я свалю.

- За что дизель?

- За превышение самообороны (беру его за яйца), будучи на офицерских сборах, ухайдокал пару мерзавцев, первый умер от прямого в голову, второй слетел с баржи, и его притёрло плотом, на глазах у всего честно пляжа г. Вольска, в субботу, как щас помню, нам по двадцать три, мы все – в казённых семейных трусах, пьём водку, мешая с тёплой «Изабеллой».

Труба, Борис Абрамыч, добро пожаловать пачить на шконаре, ты ведь тоже бывал за решёткой, но теперь мы с тобой – в самой ху(ПИСК)евой тюрьме МИРа (я отпускаю ему яйца, взамен на инвестиции, но мыслью про бабки я присылаю ему виртуально, он же жадный, гад).

Это был тот самый случай, когда я тобой,

Моя Любовь,

ни разу не злоупотребил, да ещё один: это знаменитый грейдер от Элисты до посёлка Комсомольский, Калмыкия – Дагестан.

Это было до известной войны, но тогда не лучше было, ибо война была, только «неизвестная», 93 год, знаменитое время, когда родилась моя реинкарнированная бабка, и была произведена на свет ВМВ 735 ПО КЛИЧКЕ «Зигфрид», на которой я с ней, спустя семнадцать лет, ты представляешь, рассекал, как она отдавалась во—он на том сидении, вернулась как-то к мужу (её в тринадцать лет отдали в сексуальное рабство), мне, прикинь, заявляет – будешь моим любовником? Да так может сказать только девчонка, которую выгнали из школы за демонстративное бля(ПИСК)дство.

Ах, да, про то, как я гнал в том году, когда она – (вон гляди, рождается), гоночного, ворованного «Мёрина», к тому же с кляксой вместо государственной печати фальшивого техпаспорта, и пару раз застрахованного, мятежному полковнику Мамедову, торгующего маком, прямо в Гянджи, то есть – на линию фронта.

При выезде из Элисты уже наблюдалась рота снайперов, - оказывается, похищенный прямо с рыбалки какой-то волгоградский мусор пригнал сюда всё своё подразделение, чтоб отомстить за себя, и теперь его «джи ай» предстояло проморозить яйца в ноябрьских холмах, так сказать, для проформы, дальше они не сунулись – по грейдеру идёт граница с Чечней, и мстить за начальство здесь бесполезно – другие правила.

На КП мне дали здоровенного калмыка с крохотной женой, говорят, главный мусор в Комсомольском, но не тут-то было:

Вёрст через двадцать со стороны, контролируемой этим маленьким и гордым народом, отделяются две белых «восьмерки», у которых изо всех стёкол торчат стволы, и быстро приближаются ко мне: опять спас Ангел – передняя машина воткнулась в солончак, вторая догонять не стала: моджахеды обломались.

Однако все дальнейшие свидания с дагестанской таможней заканчивались решительным и жёстким по напору грабежом, с одной единственной формулировкой:

- Не нравится – сворачивай в Чечню, там тебе быстро объяснят, что такое твоя Россия, и кто ты, русский, есть такой, а моему спутнику, юному азербайджанцу, на одном КП ГАИ уже собирались отрубать палец вместе с фамильной печаткой, слышь Борис Абрамыч? Они твои друзья, все эти черно(ПИСК)жопые, да?

Я интересно рассказываю?

- О да!

(Ещё бы он сказал нет, я только что его напугал до смерти, и он, как всякий еврей, думает, что если я когда-нибудь усну, то не проснусь уж больше никогда, но вся беда в том, дорогой Борис Абрамыч, что чем дольше я рулю этой станцией с непонятным названием, тем больше возрождаюсь, б(ПИСК)ля, как птица Феникс).

- В конце концов, мне этот произвол надоедает, и я решаю таки мчать через Чечню, и сразу попадаю к моджахедам, тут пара дней задержки, с обилием твоим,

Моя Любовь,

Моя Марихуана

- язык-то мы общий нашли моментально, да только за всеми нашими перекурами парнишку моего, азербайджанца, уже продают в ближайшее рабство, так что приходится остаться ещё на пару дней, пока его мне не возвращают – совершенно седым, и я, упакованный теми, кто меня вначале собирался грабить, везу его на свадьбу – в Баку, где, у власти нынче Гейдар какой-то там Алиев (ныне покойный), идёт война с каким-то мятежным полковником Мамедовым за маковые поля: увидев первого погранца одной

с ним крови, парнишка рыдает, и я его прекрасно понимаю, первая, вторая и многие последующие брачные ночи – насмарку, что до меня, так мы с этим самым мятежным полковником, на линии фронта, под взрывами снарядов, двинулись таким маком, за который в великом фильме дружищи Квентина, Ленс просил пятихатку за грамм, даже круче, потому что они напихали «пейота по машинам», причем, кололи нас две медсестёрочки, приобретших причендалы в специальном магазине (а может быть, и нет).

- Отсосали? - осведомляется Борис, он бывает в ударе.

- О, да, говорю ему я – и с тоской смотрю на календарь, с которого как-то уж очень явно подмигивает та, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

а потом уж и вовсе, предварительно спросив своим потрясающим по смене тембров голосом, (поверь, Борис, я в этом разбираюсь, стаю ГОНчих держал, а ГОН по поздней осени башуристых собак, круче любой рок оперы):

- Ты не обидишься, если я тут ёб(ПИСК)нусь?

И началось.

Какое всё же это чудо, тело человеческое. Особенно женское.

(Сказал я своей тени после хаджа с посещением Ковчега Завета, поцеловав трижды пояс Богородицы, и отстояв стотысячную очередь в Храм святого старца Серафима Саровского в мороз лютый).

- Так что с Мамедовым?

- Кинул ему тачку и лечу на самолёте – дважды Ангел не хранит, когда его бледнолицый подопечный два раза наступает на одни и те же грабли.

- А что тачка?

«Мерин» сто сороковой с распиленными горшками на 7.2.

- Вернули бабки?

- Да, пришлось, хоть отдавать бабло собрался весь азерботский бомонд в моём родном Саратове.

А я наган повесил на пояс, прикинь?

Валюта была стрёмная, дали мелкими купюрами, рассовал я их в мешки, и по(ПИСК)здил.

Борис Абрамыч, я тебя не утобил?

Тут недавно один академик «в законе» сказал:

На твоё шоу денег никто не даёт, потому что у тебя дурная репутация, и каждый знает, что бандит и сын пьяницы.

Это он про тебя, Папа, где, ты – орал я недавно, качаясь единственным пассажиром в купе, потому что ты на пару дней оставила меня,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

я изменил тебе с той с которой ты мне не нужна, и ты не прощаешь измены.

Звонит кореш, которого я ночью увёл как-то на кабана, от дома того самого священника, где бывали черти, и дом сторел, когда я подумал о нём – туда, где всегда чужое время ложится на моё пространство, мы пошли с тем, кто сейчас звал на охоту, он тобой наслаждался, а я нет, он собирался стрелять в вожака стада

кабанов голов в двести, которое шло ночью прямо через деревню и вышло на нас, но я остановил его, он звонил сейчас, это был ещё один несостоявшийся выстрел, вполне тянущий на последний (ночь, Луна), и сказал – там гомеопатию гоняют стаканами, и если он сказал – первый сорт, значит – круче некуда, потому-то парень этот ровно десять лет созерцал ЗЭКов, а потом не смог.

Труба, Борис.

Тарковский сказал, когда он на съёмках «Жертвоприношения» зазря спалил дом – тот горел, как дом священника:

«утопите эту камеру, она предательница, как исландцы топили неверных жён, что вы все заулыбались? Бойтесь, что мир останется без своей прекрасной половины?»

Ты мне никогда не изменишь,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Ты заслоняешь своим лоном поля, которое трамбуют бронетранспортёрами, и ты все краше и краше.

Моя Любовь!

Это я вас познакомил с той, с которой ты мне не нужна, и получилась некая жанровая стилизация – как возбуждающая комбинация, не так давно пришедшая из Европы, «отыметую» Быком:

небесно - голубые джинсы на бедре, и зафиксированная полоска нижнего белья, и хочется Азию, ту, что покорил Великий Александр (Двурогий).

Как любил слёзы юных жён, Слегка на дне темнейшем ока,

А потом у корня, и на краю ресниц,

Росой серебряной.

Серебряным ручьём в долине Роз:

это строки из пьесы Марины Ивановны Цветаевой под названием «Фортуна», я сыграл герцога Армана Луи Бирона Гонто Лозэна тысячу и один раз, бывало так, что «чепчики летали», особенно в Киеве, на гастролях (хохлухи любят мелодраму, а когда я провалился в оркестровую яму, и едва не сломал себе шею,

так завалили цветами, лежал в номере гостиницы «Москва», как счастливый покойник),

и каждый раз до моего утлого мозга и отмороженного сердца хоть что-то, но всё же таки, и доходило.

Один раз я сыграл этот спектакль в одиночной камере, в ИВС Лысогорского району, правда мне грозил хоть и не «вышак», но всё равно – прилично, и предстояло рискнуть, взять потерпевшую в залог, порубать мусоров (три месяца тренировался), а могут пристрелить, и всё равно – пристрелят.

Труба:

Образы мои, как образа, Господи, прости.

Я свои создал, и растворю, но рано – идёт первая половина драки с тенью, и выглядит она – неуязвимой:

я заглядываю в себя, прихожу в ужас от грехов содеянных, но не грехи это – хе(ПИСК)рня, ибо варвары грабят Вавилон,

Борис, смотри в иллюминатор, тот, что рядом с бомбовым отсеком: твои друзья евреи растащили всё, к чему Александр не смел прикоснуться: сады Семирамиды?

Их нет.

Чувствую – какой-то раунд – не помню, и не покажет никто:

Вылетел в трубу, сначала приземлился на яву, в дизбате, и дышит в пупок туркмен советский, головёшка долбанная, но я – отбываю, а он охраняет, и если он от страха нажмёт своим ни разу немытым пальцем на холодный металл, то мы оба отправимся – он в отпуск, а я – отвечать за базар,

потом круче прежнего: «остров Любви», в который раз – всё тот же:

мне тринадцать, но своей первой любви вру, что четырнадцать (она поступает в мединститут, но я её покорила знаниями о природе, загаром, и космополитизмом), и если бы не этот грёбаный социализм, я б давно уже знал: куда пихать и что, а так приходится играть «на интуицию», но главное, что это случилось на суше, омываемой со всех сторон водой: я выезжал к любимой на водных лыжах (правда, единойжды, изрядно схваченный, но всё же родной отец дал «амуру» задний ход, и чудом не срубил колена) и задницу, в стогах, кусали комары;

и задали мне тогда винил с песнями Энгельберта, а спустя почти тридцать лет я запускаю руку в музыкальные анналы там, куда я никогда не вернусь, я забираю CD со всем его репертуаром у той, с которой ты мне не нужна,

Моя Марихуана.

Технический прогресс! Однако настоящие знатоки склоняются к винилу. Почему? Наверно, чувства были ярче, хоть и не было тебя,

Моя Любовь.

Не надо было строить себе стены – дабы отгородиться от того, что Сиддхарх назвал сплошным страданием, иначе ни к чему было бы земной Путь делить на четыре участка, последний из которых называется: «средство исцеления».

На хрена исцеляться, если вокруг царит столь безоблачное счастье – вечно бороться со злом, и в этом невыносимом процессе вконец озвереть?

Это все – гравитация, Борис. Мы торчим в межгалактическом районе, где миллиарды звёзд обитаемы Богами (если верить Данте, хоть само путешествие по звёздам – в третьей части «Божественной Комедии», так и не было опубликовано при жизни Алигьери, а вот, взгляни, Юпитер – он есть в «дантевском Раю», вот только недавно, то есть во времена, которые ещё не наступили, стало известно, что в пределах Млечного Пути есть только одна планета, равная по силе гравитации Юпитеру)

И мы с тобой, Борис Абрамыч, обладаем уникальной гравитацией.

Нас принесло на станцию «МИР», где все окна – под номерами, челноком под названием «Одиссей», по невесомости летает центр и подаёт лучшую музыку, мы держим себя в этом мире в тех рамках, что подразумевает основной закон, и бывают в нём забавные моменты, предшествует которым свидание с тобой,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Например, явление Героя, пребывающего всё в том же царстве – Аида.

Ибо: _____

Настал тот день, когда Одиссей (*) загрузил гостей у царя мёртвых - Аида, и задался тем вопросом, которым, по старой византийской привычке, принято было мучиться.

Мы открыли бутылку с грибами и банку с самогоном, и после таковой, чисто охотничьей комбинации, прозрели до нельзя, ибо заговорили с хозяином этого красного от огня и крови подвала об искусстве.

В личной беседе Аид сказал нам, что юношеские грезы привели его как-то в загадочный интеллектуальный туннель, в конце которого пребывал некий Председатель, шевеливший свои тонкие, синие губы в гримасе, и говорящие забавный текст:

- Искусство - искус.

- А кто он – этот самый Председатель. Он что же – круче тебя, Аид? Или круче той сестрёнки, имя которой – смерть, мы ж её, как ты видел, на части порвали, и к ногам твоим уложили – вон она, поползла прочь, умывая твои мраморные полы какой-то сине-зелёной жижей, - такая же кровь у Посейдона, уж не маманя ли она ему?!

Труба, Борис.

День афериста, пятнадцатое число, вовсю идёт подготовка к моему светопредставлению под названием «ШОУ ГОН», «Макдональдс» на Смоленке, явился Ангел с глазами ребёнка, и я покупаю все его круглые значки, как разноцветные планеты, в пользу сирот и наркоманов, все, кроме одного:

«Возлюби врага своего».

Я долго пялюсь на эту заповедь, ставшую последней, но не решаюсь пойти против самого себя: я не могу любить своего врага, ибо я готов его убить, и гирлянда перекочёвывает ко мне без последнего приюта, и кажется игра не сыграна, я ухожу, потом возвращаюсь – ангела нет, а заповедь осталась.

Труба с препятствиями, где я различаю в собственной тени своё охреневшее обличье, вернее, его трепетный овал, Стокгольм девяностых – и те, кому за шестьдесят, светятся воспоминаниями о былой свободе, при мысли о том, что когда-то с ними было, но потом ничего – а я взираю на будущее с верой победить зло, раз уж приходится его порой творить;

ныряю в католическую синагогу: это самое сновидение, которое хотелось бы видеть каждый Божий день:

я - у пульта, ибо не кафедра это - театр, вдоль стола сидят знаменитые на всю Евразию евреи, и вот-вот должны выдать мне капусту, они мандражируют, я же совершенно лишён этого собачьего страха, когда задним числом понимаешь, что здесь такое место - судорога выдаётся, как путёвка в будущее наше.

Театр начинает трясти и раскачивать, и я выдаю им, стараясь, как можно культурнее: ваше чувство страха эквивалентно этим легким подземным толчкам, да вы не бойтесь, они у нас постоянно, я здесь с самого начала сижу, да что там - я их устраиваю, но я ныряю в другое пространство, и оно меня поглощает с потрохами:

ТРУБА,

Всё в этом МИРе падает, Борис Абрамыч. Это объясняет кривую орбиту Меркурия, и Ньютон не смог это объяснить.

Да просто есть рядом с нами объекты с такой плотностью и массой, что они способны превратить Вселенную в рваное дерьмо, но что-то им мешает.

Некто Карлос Фрэнк открыл то, чего не может быть.

Звезду, которую мы не видим, заставляет двигаться так называемая «сверхмассивная чёрная дыра». Вон, кстати, взгляни в иллюминатор, она, вселенская вагина, рвёт звезду в клочья, заряжается, как может, - модель возрождения.

Горизонт событий. Точка «невозврата», б(ПИСК)ля, возврата, б(ПИСК)ля, разврата.

У нас с тобой Борис, нет никакой универсальной формулы, чтобы понять гравитацию внутри Чёрной Дыры, (назовём её Богиней Кали), тем более в «сверхмассивной». Может, уравнение Шрёдингера?

Вижу, Борис Абрамыч кривеет. Он не думал, что я такой, б(ПИСК)ля, башковитый.

- Славь Отца Серафима Саровского, Борис Абрамыч. Хоть ты, б(ПИСК)ля, и иудей. Я вот - славлю Отца Серафима, и радуюсь. Тебе такое даже представить трудно, Борис ты мой Абрамыч. Ты представитель народа, который за клочок чужой земли чморит несчастных палестинцев, яссер иху мать.

Ты бы никогда не выстоял очередь к Ковчегу Завета, потому что ты бы купил мэра этого несчастного и Великого места – Монастыря в Дивеево.

Ты хоть знаешь, отчего князь Владимир отправил ваших ходоков? Потому что у вас нет земли.

- У нас с тобой её нет, слышался голос. - Мы на орбите.

Ничего, Борис, рек я, глядя вниз.

Тогда они сочли моё поведение слишком вызывающим, теперь так в самый раз.

Сказал я, и нажал на ядерную кнопку Святой Любви к Тебе.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Сейчас я покажу тебе ката, дорогой Борис, где жесткое советское каратэ перетекает в ваше жидовское – вечное ни то ни сё. Ты будешь выдавать паёк, иди мне пытать тебя электричеством? Его и так нету ни ху(ПИСК)я.

Гляди в иллюминатор: та, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

шарит в «сети» столь же легко, как в моём «пламенном моторе», она там виртуально уестествляет женщин от имени героя, ей же придуманного, его зовут «N»,

как и уездный город, в котором впервые появился герой вот уже пяти поколений, обаятельный аферист без возраста.

Представляешь, какое упражнение для мозга?

Труба, Борис. Труба.

Отец Эрнст ведёт меня по переходу Рейхстага (Стокгольм), мы молчим, но понимаем друг друга с полуслова, он выводит меня на террасу, там тусняк, белозубый негритос в белом смокинге подносит поднос с бокалом шампанского, я выношу его той, с которой ты мне не нужна (Фортуна);

мы выпархиваем с неё на зеленое поле (Белый Дом), тут она говорит: я помолвлена, ну ни хрена, теперь я в состоянии менять свою участь: сразу засекаю этот момент: я дарю это её клише - белой Чайке синих небес (Стюардесса в Рио, которая могла догадываться, но не могла знать), что б отвести черный вариант судьбы (трефа);

и Фортуна сказала бы мне: я согласна, а лучше - я только твоя (онли ю).

Продельываем этот финт над её, Фортуны, слепым (якобы) колесом, и чувствуем, что все померли: любовь наша, ты ж нас убиваешь, убиваешь, убиваешь, потому

что мы уже всю заездку (вахту) лежим под кондиционером, рация раскалилась, ко всем нам обращаются люди - помбуры, стропали, а все зовут меня одинаково - я значит они все - это я сам, я бреду по пустыне, потому что ЗИЛ мой на(ПИСК)нулся и накрылся, и думал - звали же маненьким в балет, и чего я маненьким... не пошёл туда?

У меня за спиной наплечный мешок с тобой,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,
свежевысушенной и наглухо пробитой, и я - потенциальная мишень для любого, кто " в законе" в самом государственном смысле этого слова.

Ты такая, что можно забыть поссать – и не обоссаться – заметишь налетевшее горе по лопнутому пузырю – тоже и у рыб, волжский деликатес называется, когда тебе его уже зажарят те, кто все, как один, с какими-то изъянами, старцы косят траву,

распускаю Ангелов на чистые звуки: быстро сочиняем музыкачку в уже давно знакомом стиле (другого быть не может) психбольницы для «Ноль Ноль Седьмых».

Помогает.

Так что придётся мыслями вернуться в те года, когда в трубе пребывала ты.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Труба.

Столица.

Всемирное мероприятие.

Москву перекрыли мусора на фестиваль «молодёжи и студентов», и я, вместо рукописей, волоку через ней два кожаных чемодана, которые, ежели просветить, применяя режиссёрский приём «страха и ненависти, в Лас-Вегасе», то всё равно не видно ни хрена: там те водолазные костюмы, что отражают рентгеновские лучи, и в которых мы ловили раков, что на Волге, что на Эмбе: там ты, моя любовь, в таком количестве, что вся братия на Васильевском (я через Москву – проездом), устроит мне прогулку по Финскому заливу, возможную лишь при

социализме, ну а пока, посетив все скандинавские гастроли, на которых только и любили – лишь тебя,

Моя Марихуана,

мы выходим с только что откинувшимся корешом из гостиницы, и собачки нас причуяли, бредём от судьбы, а она, в виде мусорского наряда, нас неумолимо настигает: тут, прямо перед Васильевским (но не Островом, а Спуском), проезжает вишнёвый «Кадиллак» (кабриолет), и я бросаюсь ему на капот ещё ловчей, чем Председатель:

он тормозит, мчит на ленинградский вокзал, и я, ради такого случая, сыплю Тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана –

по самые фетровые поля – ему в сомбреро, ковбой орёт на всё СССР «ЕС!!!», и уносится к Сокольникам, должно быть, с целью немедленно пыхнуть, мы же, выдохнув на пару, тащимся за билетами на Ленинград: в зале никого (фестиваль же, никого не впускают, а выпускают – как после всеобщей амнистии),

тут подваливает стадо половозрелых, молча выталкивают нас от кассы, отовариваются, отваливают: мы рыдаем от злости, ибо любая заваруха чревата обыском.

Сдаём чемоданы в камеру хранения, пацанов не находим, но номер забываем: обливаясь всякими потами (холодными, горячими, любовными – в воспоминаниях о тебе, запертой в этом прилюдном морге),

привлекаем внимание новых мусоров, на этот раз, «вокзальных», но ни хрена,

Любовь Моя.

Моя Марихуана

В тот раз всё обошлось.

Пауза.

Если посмотреть в трубу «Кондуктор» отечественной стали, марки не помню, и попасть прямо в Кремль, - то там стоит обладатель седьмого дана по Дзю-До, и срёт в погоню самому главному ихнему военному начальнику – это происходит как раз в ночь с 17 на 18 марта – здесь Хусейн, там – эта заморская гарпия с этим

белеющим дѣнь ото дня своим знаменитым советником под названием «Коля», не забудь предсказания южных, центральных и северных индейцев – их индейцами назвали по ошибке, перепутав с индийцами, и всё испанцы, которых теперь, ясный х(ПИСК)уй, купим, продадим и снова купим;

О чём я?!

А, да. Стоит мастер по Дзю-До, смотрит ан ОРТ ровно в час десять моё леденящее душу видео, я там исполняю песенку Ивана Семёновича, вечного спутника во всех его запоях Михаило Васильевича, ректора, так сказать, МГУ, который, целуя его в губы без всяких признаков пидерастии, просто любил его, как Великий талант (чёрная книжица, так сказать);

то есть его поэму «Символ веры Ванюшки Данилыча», на музыку Рихарда, любимого композитора Людвиг второго «Баварского», которого утопил собственный уролог, где припев я сам придумал: «Бля буду, мама, бля буду, папа»,

И потом ещё – немного из Рерьярда – примерно то, что проскрипел стальной питон в пустыне Жанажол:

«Бандерлоги!»

Ты можешь представить себе, Борис Абармыч, состояние ожидания абсолютного счастья? Сколько тебе надо для этого бобла?

Помнится, в тот день я был абсолютно счастлив, покормил в Люблино своего Крысиного Короля сырыми голландскими креветками, сел в метро, и вчитался в книгу «чернокнижия» Баркова – припев сразу лёг на Вагнера, да тут ещё и Иван, как уже упоминалось, Семёнович, здравствуйте, Иван Семенович, нынче у нас вечер экстремальной поэзии, Каретный ряд три, сад «Эрмитаж», на день города, будут поэты, а потом – дуэли;

– да ещё знаменитый проповедник осьмнадцатого веку Данилыч Несравненный, которого вся Святая Русь сходилась послушать – в кабаках («пристрюня афедрон её ошмарит он», и т. д.)

И вот, спустя годы запретов и издевательств, гонений и лишений –

она в эфире, да ещё в день начала Новой Войны.

Мастер Дзю-До собирает астрологов, и едва не матерится – пост.

- Ведите его сюда! – орёт, это ж та самая фишка, на которую мы поймаем олигархов, он же нефть добывал, да ещё с кинжалом, да в чёрном поясе, старшего капитана сюда.

- Может, майора?

- Ну да.

Является майор – в образе той, с которой ты мне была не нужна.

Моя любовь.

Моя марихуана.

Однако между сочинением этого произведения, у которого есть ещё одно название «Было – не было», проданное редактору за двести баксов, минус пятнашка штук за клип о «Данилыче несравненном» ставшего ныне, когда мы все торчим, как сливы в жопе, отчасти хрестоматийным, и тем моментом, и тем временем, когда оно состоялось во всенародном эфире, и случилась страшная сказка:

тот самый Крысиный Король, которого я столь метким выстрелом свалил тогда с сортирной трубы, из стандартного воздушного пистолета – прямо в ухо, вновь материализовался, и мстит мне из-за океана, однако я уже в черном плаще с красным подбоем, друг мой Борис, я перехожу Реку, и захожу в Синий Лес:

Прячься, (ПИСК)дарас (это я Крысиному Королю). Следующий выстрел будет опять за мной.

Я тут подчистил перья – и белое, и чёрное, поэтому на шахматном поле становлюсь практически невидим, твоё время кончилось, моё настало.

А вдвоём нам в этом времени тесно.

Но раунд так заканчивать нельзя – а то сожрётся жизненная сила, а по сему:

Труба «кондуктор».

Я пролетаю с завязочками на шее – на мне чёрный плащ, так сказать, из предыдущего спектакля, а потому не мой, а казённый:

за всю историю отечественных театров никто не прыгал из-под колосняков по дохлому тросу, которого из областного цирка выдали в порядке «культурного обмена», лечу, как птица, в полной тьме – на руке петля, петля – на ролике, надо

свалиться с шестнадцатиметровой высоты, да так, чтобы плащ развивался, и бросится в объятия к польской княгине Чарторийской, подхватить её на руки, и произнести четверостишие Цветаевой:

«Тысячу вёрст в галоп
Вскачь, на огонь в оконце.
Думал, умру».

В один такой момент завязки плаща за что-то зацепились, и если б бантик мой не развязался, то отлетела бы башка, то есть произошло бы то, что играет в конце «Фортуны» (мы сыграли премьеру в восемьдесят девятом, спустя семьдесят лет после всего этого блестящего цикла Марины Ивановны под названием «Романтика», до нас в театре Вахтангова игралось «Три возраста Казановы», после нас Виктюк на Таганке поставил «Федру»):

«За нашу встречу, доктор Гильотен!»

Любой из ночных прыжков с минимальной высоты по сравнению с таким полётом – чистый отдых, потому что там за спиной – парашют, внизу, хоть далеко, но мягкая, гостеприимная земля, а здесь – голая сцена из дубовых досок, и долететь – ровно столько, что потом братья – монтировщики подмели за тобой говно, а после визита в театр краснорожих анатомов, твой красивый труп выставили бы в фойе. (Этот прыжок из под купола цирка – голой жопой на кол, я посвящаю тебе, прекрасная Изабель, но яйца прощупывать ходили в другой раз, когда прошёл слух, что мне их отстрелили, - прямо на сцене войны, в гостях у той же королевы Изабеллы Чарторийской, только не на входе, а на выходе.

Срываю трубку связи.

Алло, Божественная паскуда! Где же ты? Я – твой давний поклонник, и только я знаю, на что ты способна, поскольку вся твоя деревня не в состоянии распознать всей глубины твоего таланта, то у тебя остаётся единственный собеседник – это я, а под твоим знаком, отдающим рынком, потому как там стоят все наши иллюзорные весы, можно лишь приторговывать любовью.

Но мне недавно удалось тебя развеселить по настоящему, потому что я сыграл тебя же, в том варианте, что я растрёс Бориса, и Боря отвалил бобла – не зря мы с ним в одном экипаже этого изменчивого «МИРа», правда, Боря?

Труба –

так и знал, ночной прыжок, но малость неудачный: инструктор мстит за тётку, бьёт по ногам: лечу кувырком, стропа наматывается на правую ногу, парашют (белый круглый купол на фоне тёмно-синего неба, как траур по чистой любви, успеваю подумать я),

Раскрывается, вот он, наш Вселенский купол, придуманный Великим Леонардо: последний рывок, дёрг!

Провал, и уже перед самой землей я возвращаю сознание обратно (спасают инстинкты) – основной раскрыт, запасной полощет, но Боги взирают на нас благосклонно: меня, основной, и запасной, и я приземляюсь хоть и на руки, но на склоне оврага, весенний снег, лечу, как говорят старые гончатники, «по брызгам».

Мениск оторван, так же, как и башка того инструктора, он, выпихивая меня из «кукурузинка», думал, что здесь бригада курсантов, а тут – инструктора по «рукопашке».

Труба: Председатель:

Этот, в красных трусах с лампасами, озирается, задом пятиться – ему хочется воспоминаний, ну, дадим ему:

«ОГИ», Потаповский 12, кабак, напоминающий старое итальянское кино, я вспоминаю его, как чистой воды адскую боль, от которой давно уже пора ловить кайф, иначе это не кончится никогда, теперь в воспоминаниях – насыщенная краска породистого слайда, как русское фото шестидесятых – где-то в русском Крыму, нигде, так за державу не обидно, как в актёрском Мисхоре.

Благословенно это место.

Будь проклято это место.

Я даю себе слово никогда больше не появляться здесь, но на лету ловлю его обратно:

никогда не говори ничего,

а тем более – не давай самому себе слов, ведь всё равно сработает универсальная формула, написанная кровью девственниц на котлах для Элеменщиков:

«Если очень хотца, то можно».

Обрываю свою песнь на полуноте, где все слова – напололам, и ты не знаешь, что есть на самом деле судьба твоя, а пуще прежнего – ни с кем не быть, «поищите других фраеров», и если из всей этой свистопляски постоянно не изображать творческий процесс, то можно сушить ласты – они тебе не пригодятся, с любовным дайвингом покончено – щемите–с в собственную харю-с.

В натуре, если уж всё начинать сначала, то непременно – на небесах. «Не сейчас», - сказал черный гладиатор гладиатору белому, но артисты, как всегда – всё опошили в последующих интервью.

Но вот ситуация, на которой Беккет отдыхает со всей своей драматургией: я заезжаю к Редактору, который надиктовывает свой первый роман Поэту, и в какой-то момент, после того, как мы с редактором вдохнули тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

и выдохнули на поэта, дабы он под кумаром приторчал, и тут же сочинил:

Она ушла.

Она меня убила,

Специально ведь на подоконнике трусы свои французские забыла,

А другой поэт, Юра, бородатый питерский еврей, злой и настоящий, сказал ещё короче:

«И с кем-то она».

Однако я, в костюме Бэтмена (про который Джек сказал: «Шикарные шмотки», однако ж это уже мои, а не казённые), спускаюсь на тросе с вертака, палю из автомата (это не в России, а потому за такие театрализованные выходы мне дадут со скидкой на моё европейское турне, и белый пароход, и лакей японец, б(ПИСК)ля буду, мама, а потом, как во сне – разговоры, разговоры, групповой секс),

и я, как всегда, горю синим пламенем.

Горю на кресте.

Да тачка моя нашлась, на трёх кавказских войнах побывавшая, и чего в ней только не возили, и каких только черножопых за нами тогда не гонялось, и, скоро меня, похоже, запрут, и я, наконец, успокоюсь – в таком положении можно только на всё плюнуть, и ждать.

Потому что и здесь, ты рано или поздно появишься ты.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Борис! Сегодня утром, первого апреля, в Ираке спецназ освободил девятнадцатилетнюю девушку по имени Джессика (телекомментатор в прямом эфире из Кувейте даже назвал её фамилию: Ландж, и сразу представилось расстроенное лицо Миши Барышникова);

Ты где, Борис Абрамыч? Летаю по станции – исчез.
Но успокаиваюсь – такого быть не может, он ещё не Мастер Уесиба, чтоб телепортироваться вот так, без моего разрешения, историю-то сочиняю я, не будет меня, не будет истории, и про твой, Борис Абрамыч, суперпроцесс с Абрамовичем, узнали бы из сухих сводок новостей, а здесь – мы все в сугубо концептуальном

КОНТЕКСТЕ.

Хорошо, откинем двадцать лет: приходим с приятелем по команде в училище «МВД» (весь этот контакт был тогда запрещён, и за такие дела давали жёсткий срок – все процессы в этом странном городишке были показательными, мы были в подполье, бились в теплицах, тебя не было,

Моя Любовь.

Моя Марихуана).

Была водяра. Из-за которой – предательства и убийства,

У КПП в училище МВД г. Саратова встречаю Славку – он у нас в тяжёлом весе – у него тоже нос на бок. Подходим к Плохишу (сенсей, он же – учитель*), тот оборачивается и приходит в ужас – команда осталась без тяжа – он, и полутяжа – я, все контужены.

- Кто ж это вас, чемпионы?!

Тут мы и лепим хором: зашли в тёмную комнату, спотыкаемся и табуретку, и так – восемь раз.

Я своего соседа по команде спрашиваю: чего так? Повеликодушничал. И чемпионов (ПИСК)здят, дорогие мои девочки. Так что, никаких «средневековых эффектов», - отныне, первым, сразу, и насмерть, как только прочувствовал намерение.

Собственной тени.

И ещё, детка, пара слов, пред тем, как нам тут дематериализоваться, и вновь начать своё творчество, на грани «фола»:

Кайф тут у вас – ничего, но слишком уж буржуазный.

Вы все думаете, что под кайфом можно только кайфовать.

- А что же ещё можно делать вод кайфом? – изумилась она, моя шоколадная леди.

- Биться с тенью. Хороший кайф, это когда ты въезжаешь в город, и определяешь его качество не по цене на проституток, а когда – мусора уже отстали, и ты ищешь место для парковки, и ты ему говоришь: вернись и радуйся, а он ещё даже не обулся.

- Да кто это – ОН?!

- Я зову его Председатель, у него ж там не ноги, а копыта. Да чего ты удивляешься, Николай Васильевич Гоголь изрёк: чего искать чёрта, когда он у тебя за спиной.

Она орёт и мне приходится подправить ей кляп.

- Взгляни наверх – сердце на небе – это Звезда, задник с облаками - небеса, а главное – что происходит на сцене, которую покорял Великий Фрэнк Синатра.

А вот и пьеска:

Есть мнение, что для того, чтобы заглянуть в душу рядом стоящему человеку, надо долго таращить глаза, в результате кто-то один падает, или вы, или человек, который звучит гордо. Побеждает тот, кто сильнее. Тот, кто остается стоять, молчит. Хранит свой тайны.

В с е м.

А нам непременно надо узнать эти тайны. Весь архив! Для этого нужны немногочисленные и недорогие условия:

Первое: нужен я сам.

Галантно раскланивается.

Второе: нужна ночь. Потом объясню зачем.

Третье: необходима Луна

Оглядывается наверх. Появляется Луна

Ага, мерси. Всю жизнь пытался избавить свой лексикон от этого идиотского словечка «Ага». Вот опять: «Ага». Ага. Луна засветила. И звездное небо над нами. Нравственных законов нам пока на хрен не нужно, о нравах – ниже.

И четвертое! Нужен город. Из двух видов евреев, степного и горного, мы все-таки выбираем третьего – городского. Он нам, скажем так, милее, и больше подходит.

Ну и пятое...

Оживленно потирает ладони.

Нужен конфликт! Куда ж мы без него? Кто нынче не конфликтует, тот не пьет шампанское. Поскольку нас здесь ограниченное число – только свои, то назовем этот конфликт внутренним.

Подмигивает всем.

Я надеюсь извлечь из этого бывшего просоветского сочетания сверхновый смысл. Он родится, как сверхновая звезда.

Раунд шестой

У нас с Борисом, как том морском многосерийном триллере «Корабль любви»:

я спрашиваю повара: вам что-нибудь известно про человека, рубящего фрукты саблей, и всё в воздухе?

И какой-то тиран лапает трансвестита, а то и транссексуала, оказывается, это и вовсе мафиози.

Мы уже давно не знаем, на дне какого океана лежим, скорее всего: это океан на Юпитере, где поют души китов, которых когда-то мы убили на Земле, и мы долго вычислили тот звук, что даёт понять о любви, и по небу пробегают красные молнии;

Кручу ручку радионавигации, ловлю песни китов: а там, ТА-ТУ, да ещё на английском языке.

Мы с Борис Абрамычем бились, как тут всем этим МИРОм залезть на вершину хит-парада, а упали со всей нашей казацкой теологией на дно, сошли с орбиты, и ждём, когда же МИР о нас вспомнит, но вспомнят нас потомки, и гораздо позже – уже после того, как этот МИР, возможно, и воскреснет, но сначала ему предстоит основательная встряска.

Х(ПИСК)й войне! – орёт весь МИР, пока ТА-ТУхи гастролируют. Это классно. Всё было бы хорошо, если б не прихватил вас, дорогие девчушки, Юля со Светой, а то и наоборот, крысиный король в Синем лесу. А я, отец Егерь, пребывающий в своём зверином парке, хотел девок удержать, а не смог, и попали вы к нему, попали, попали, попали, Иван зоопсихолог, тоже с Волги, вредный, умный, залу(ПИСК)пастый, перекурили мы с ним

Моей Любви

Моей Марихуаны,

прилично, на последнем этаже гостиницы «Пекин», её, слава Богам, ещё не снесли.

Тут, кстати, недавно возник бунт на корабле - прямо перед Нирваной, внизу: МИР без нас, мятежные журналисты и автомобильные воры – все пьяные, ибо нынче праздник разговения.

Мы тут по уши в дерьме летаем, пожрали из тюбиков последнюю зубную п-асту, и все тяжелее дышится - остался последний ящик с бурбуляторами, и нам нехорошо.

- **Ты, вообще, кто такой? - спросил Механик, который, соответственно, с детства убежал от няnek и стал космонавтом. (Я уже даже прикинул, насколько все революции одинаковы, - даже в квартире Зинаиды Ивановны, а, ладно, сдадим её – она создала кружок феминисток в Киеве 1906-го, памяти Петра Петровича, а спонсировал его знаменитый вор Михаил Самуэлиевич, по кличке «Крот», Паниковской-Ризберг).**

Борис у нас вновь в амбиции, всё время вопрошает:

- Почему ты у нас командир, а, к примеру, не я. Почему?

Потом он размазал соплю заранее, потому что знал, что если только не вылечу в открытый космос, о чем давно мечтаю, то буду бить, - у меня такое правило, бунт надо давить силой.

- Кто вы такие? - спросил тогда я, мученик Вселенной. - Что вы можете, - летать по невесомости и чихать друг другу в лица?**
- А ты что можешь? - спросили остальные члены (экипажа).**
- А вот что, - сказал тогда я, достал из-за уха туго набитую папиросу «Герцеговина Флор»,**

В которой ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

прямо из Голландии,

- открыл ко всеобщему ужасу (раз герметизация, два - герметизация) окно иллюминатора, и прикурил от молнии, в двадцать раз шире, чем наша, всеми забытая станция**

«МИР»

(шире, а не длиннее, я не ошибся, если я ошибаюсь, то только при дележе денег - и всегда не в свою пользу, потому что истый Христианин, на(ПИСК)ивают все, кому не лень, а я настолько по старомодному воспитан, что всегда стесняюсь взять подлеца за руку).

- Дети мои, все вы - это я сам. Вы плод моего воображения, вас здесь нет. Поняли?**
- Поняли, - сказали занудными голосами мои собственные призраки, каждый – скидывающий собственную тень, и пошли себе парить по станции дальше.**
- Вы не думайте, буду наказывать! - крикнул я, но было поздно, - космонавты растворились, и притихли, надеясь на “авось”. Так-то вот. Как не дави на «умняк», всё равно накроет, как не причащайся.**

Остался, как всегда, один Борис Абрамыч – он в материальном теле, и пользуется материальными благами, б(ПИСК)ля, благами.

Когда-нибудь, мы преодолеем гравитацию самого глубокого океана Юпитера, мы вернёмся на нашу грешную Землю, сразу на кастинг – самых лесбиянистых сюда, и в лунный модуль.

Однако почаще вспоминать шестьдесят седьмой год, когда Космонавтом было сказано:

«Произошло».

А потом – бессмертие от перегрузок.

Труба – цилиндр,

а внутри, по всем правилам кристаллооптики, плавали три далианских яйца, на бесконечном шахматном поле, а тени плавали сами по себе, и так до бесконечности, выныриваю, б(ПИСК)ля, да тут пресс-конференция:

я за кафедрой, впереди государственная дума, справа – левые, слева – правые, где-то оппозиция, фашисты мордуют какую-то кудлатую бабу, репортёры слюнявят карандаши и крутят ручки киноаппаратов.

Я говорю:

- Если мне кто-то из правых, или левых, попытается расцарапать морду, то я предупреждаю, сойду с узкой тропы добродетели, и т.д.

Поскольку нефть не то что бы иссякла, а не на что бурить, осваивать, и продавать, то есть единственный источник наслаждения, бррррр, дохода, и это не бабы – их уже повывозили, остальных вывозят, и среднегодовой доход с четырёх с половиной миллиардов «зелёных» упал до трёх, и это на миллиард меньше, чем получили за то, чтобы не впрягались за братьев славян на Балканах, теперь им не на что вернуться, и т.д.

Так что предлагаю этому государству выращивать золото зелёное –

Мою Любовь,

Мою Марихуану,

брать налоги, любить её, растить её, курить её, вкушать жареной, носить из неё одежду, раздавать «парики» пенсионерам бесплатно, создавать для этого специальные бойскаутские отряды, и т.д. – братайтесь.

Проголосуйте за «зелёных», и вас прославит МИР (верните нас на Землю, и Боря отдаст бедным всё своё бабло) – отступать некуда, позади Амстердам. Всё. Аплодисменты.

Летят бутылки из-под колы и боржом, я, из моего фамильного нагана, упражняюсь в «комиссарской» стрельбе, разбиваю их налету – (основной аттракцион), вываливаю из думы, «Интуриста» нет, а с ним и приличных шлюх, «Москву» разбирают на кирпичи, обдолбленная молодёжь бьётся с ветеранами стакана: побеждает молодость.

Нырну-ка, думаю, в трубу, а то ж порвут на части – ныряю, и три яйца разбиваются на три раза по тринадцать, и яйца плавают по гнёздам – она в далианской башне, а за ними – всевидящее, вечно бдящее око:

Здесь удар гонга, начало раунда, как всегда, весьма бодрое: смотрю на тень: та выглядит, прям, как я: втройне усиленный: тут тебе и турбонаддув, и коробка передач «на автомате»,

По ящику - агитация без идеологии – в натуре, стиль следующей «тысячелетки», - «капуста», везде зелёная, а мусульмане заваливают курс;

а я всё люблю тебя, моя трава у дома, и думаю по тому, как они сосут, характер определить сложно, а вот степень одарённости – о, да, но и здесь бывают «блеск и нищета», пики и падения, а где-то посередине возникают хорошие идеи:

они рождаются против правил, здравствуй, Квентин.

Это не ты носил целый год золотые часы в своей заднице – а твой герой – считай, что ты сам, вот время и поплыло – с полотен Великого Сальвадора.

Так вон они – плывут в нашем мультимедийном ШОУ под названием «ГОН».

Структура такового кинематографа, против этого собачьего правила голливудской схемы любого еврейского сценария (в каком-то из раундов что-то про это есть, но мы лучше повторимся, это сценаристы научили ныне покойного Бен Ладана украсть эту чёртову бомбу, не будем гадать, у кого - какую);

Начало Героя, - середина Героя, - конец Героя (happy and).

Что-то, судя по схеме, очень напоминающий путь шаолиньского монаха, вынужденного подрабатывать себе на имидж цирковыми ШОУ. Гнать, короче.

Но там есть ещё такой пункт, как НИРВАНА, но про это всё ясно будет в пятнадцатом раунде: кто первый из нас, в разбросе призраков и собственных

теней, куда-то ляжет, раз нас тут, безусловно коллектив, тот проиграл и навсегда уходит со сцены.

Хитроумного Одиссея на остров Калипсо должен был кто-то доставить, и наше полное одиночество так точно так же невозможно, как эти далианские часы уже никогда больше не заползут в задницу Квентина – шедевр, он всегда один – а зачем два?

А дальше – тишина.

Дальше провал – меня отпустило, танго закончилось, возможно, передышка. Антракт.

Пора выбрать идеальную модель среди всех театральных архитектур, и самая эффектная архаика – это, пожалуй, Питер, театр Комиссаржевской, и Одиссей единожды поведал об этом Аиду:

Здесь все наши немыслимые декорации отправлялись на второй этаж вручную, на пеньковых канатах, и как-то раз реальная толи сенокосилка, толи сноповязалка, вся эта тонная дура улетела вниз, едва не прихлопнув нас, по головам, тех, кто утром – монтировщик (рабочий сцены), вечером – герой любовник, а к ночи – было время, здоровья хватало ещё и на то, чтоб обучать весь этот театр единоборствам, и то, что у меня тогда происходило с Актрисой, предстоит оценить крючком от театральных энциклопедий, ибо, как писал Хорхе Луис, Великие Мозги, как зовут его теперь – герои моих романов о нём;

«признаюсь в своём писательском бессилии».

Однако чуть позже я разразился четверостишьем совершенно по другому поводу (в Москве, в «Доме», что на Новокузнецкой, в две тышши первом была тусня, я сказал эти стихи, а потом, буквально через неделю, натурально сыграл в ящик – смерть была близка настолько, на сколько сейчас близка мне ты, разрисованная немецкими свастиками и русскими ху(ПИСК)ями Найоми, лишь бы не попалась её эта пестрая книжица, она мне никогда больше не даст.

«Вот две строки»:

Моя любовь, как двадцать тонн тратила,
И если недоеть иль перееть,
То в ней такая охренительная сила,
Что Председателю во чреве околеть.

А пьеска называлась «Четырнадцать красных избушек» Андрея Платоныча, и был там всемирный старец Иоганн, мудрый был старик, хоть и персонаж.

И пусть мне кто-нибудь скажет, что персонажи глупее тех, кто их воссоздаёт, и что во время раунда перерывов не бывает. В этом мире бывает всё, например – нокдаун, а что бывает в том, не знает никто, а когда Федор Михалыч в мёртвом виде явился редактору по переписке Антона Палыча во сне, и тот, естественно, задал сакраментальный вопрос: как там у Вас, Фёдор Михалыч, то получил немедленный ответ:

«Сперва помри, потом узнаешь».

Отстранённый взгляд покойника, завсегда печальный – это глаз твой собственный, здесь начинаются чисто далианские проблемы с верой: Господи, неужели ты – это я сам, и когда башка отлетит по сторонам света, как ей и положено – будет ли что-нибудь.

Гравитация, Борис! Это она крутит нашими задницами.

Ведь не помирать страшно, а не жить, дабы неизменно держать огромную армию на востоке, чтоб упредить какой, какой-то новый удар, и если бы не сие обстоятельство, можно было испытывать от грядущего спектакля огромное удовольствие, но на самом деле мне всегда найдется от чего с ума сойти: достаточно знать, что любые отношения посвящены, в первой их половине, выискиванию болевых точек, во второй и последней – давления на них, МИР так устроен, мы добровольно обзаводимся хронической болью измен,

одной этой истины достаточно, чтобы подписаться под догмой Плутарха: знание рождает печаль.

Но хрен с ними, с оппонентами по жизни, и я остаюсь – посмотреть, чем всё это кончится.

По одной только причине: когда-нибудь я загружу тобой,

Моя Любовь,

свою «Фортуну» бы уйти отсюда – вокруг света – в одиночку, я тут недавно по ЭфЭм слышал – какого-то мужика на своей лодке сначала обшмоняли, нашли тебя,

Моя Марихуана,

в мешочном изобилии, но потом выплатили моральный ущерб, а тебя, дорогая, искурили, как чукчи паспорта.

Я закрываю глаза, стараюсь заснуть: вижу эту проклятую трубу «324».

Я пролетаю сквозь неё, и цепляюсь за какую-то фигню как раз тем местом своего водолазного костюма (в простонародии - гондона), где он заворачивается на заднице и должен быть, по идее, совершенно герметичен, да и на внутренней стороне трубы – ни единой занозы, хотя она единственная в этой конструкции – русская, ибо техническая колонна 244мм и эксплуатационная – 168мм – это, ребята, сталь С-75, и сделана она в Японии, потому как бурим мы здесь, в Западном Казахстане, бурили и будем бурить – хотя бы во снах, такое не забывается, такое количество аварий: то прибор радиоактивного каратажа оторвётся, и мы сидим, мудрим, морозим задницы, пьём водяру, и если повезёт, то у кого-то пребывала ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

попутно объясняясь в КГБ, потому как радиоактивную скважину, если ничего не придумаем, надо ликвидировать, я-то после «дизеля» моей задницей и рисковали: поручили командовать освоением. Знаешь, что такое освоение скважин глубокого эксплуатационного бурения?

Перфорация, работа с ЗЭКАми, командированными на волю, и вечное соскребания говна за буровой бригадой, которой достаются все лавры героических первопроходцев.

У меня был вертолёт МИ-8, вездеход ГТТ (база танка Т-34), ЗИЛ 130, повторюсь, с поршней от 131-го, это для скорости, китайский АК-47, и плантация твоя, подаренная самарским вором,

Моей Любви,

Моей Марихуаны.

Сама ты не местная, привезена из Пакистана, а здесь в Жаназольской пустыне, как говорится, прижилась, что до меня, так я был вынужден пребывать вечным государственным преступником, хотя много лет спустя, я стал преступником именно потому, что «покатил» на государство.

Меня вынудили закопать трубы на сто млн. тогдашних, дорогих рублей, приехал министр, отхватил о моих бурильщиков (ПИСК)зды (у него на заднице же не написано, что он – министр), кинули в Актюбинске в тёмный, холодный бокс без воды, не знаю сколько продержали, только стал я там уже сходить с ума, и

вытащил меня от туда Каиржан Гюсельбаевич Бескалиев, ныне зарезанный в Гурьеве, степной бандит.

Борис! Шёл бы ты, поспал, сейчас во сне явится тебе Старец Серафим, и для тебя, б(ПИСК)ля, жадного иудея, это Будет самый страшный кошмар.

Что до меня, то я – опять в трубу:

Там прокрутка всей этой истории с трубами (я знаю, где они лежат, могу показать), только в жанре «мультимедийного» реалити, записанного десятью годами раньше, но на той же странице этого романа, что, дорогой Борис Абрамыч, доказывает моей же старой догмы:

был бы выбор, не было б Пороков, итак:

я цепляюсь задом за края, и барахтаюсь в трубе, но следующий скачек, через какой-то интернетный сайт, где «Ант(ПИСК)дор» принимает «парик» – опять в тюрягу, только теперь меня привлекают, как молодого специалиста, закопавшего этих самых труб на такую сумму, что и сказать страшно, тем более – по тем временам, которые были недавно, но было это давно, так, что как будто и не было, этих времён:

не хватало только там ещё и тебя, любовь моя, а то б не спасла никакая скорая помощь:

буровая, буровая, ты девчонка дуровая!

Приказ-то дал главный геолог, морда он жидовская – регулярно премии лишал, а меня – под статью, даже номера не помню, да и не сказали – не знаю, как сейчас, а тогда – это не имело значения.

Проходку по графику дают одну, а на самом деле – она совсем другая, ни хрена мы этим писеглазым не пробурили и не освоили, но, как говорится у них в Неаполе – ты думал, что поимел их, а на самом деле – они отЪмЭли тебя, и вот меня швыряют в какой-то сраный подвал без воды и света, и неизвестно сколько я там торчу, однако кто-то из своих, из любящих тебя помбуров, подкидывают и косяк и огниво, и воду, как тому солдату, что сыграл гениальный Олег в «старой, старой сказке», и я набираюсь тебя, как источником жизни, вновь возвращаюсь в трубу, «слегка покривив отражатель»:

это уже, ребята, Амстердам, и на моей лодке, моей «Фортуне», названной в честь лёгкого альтового унисона, и стоящая у причала в театре дураков в качестве естественного декора из ворованной в России нержавеющейки;

которую ещё не арестовали (это произойдёт чуть позже), поволжские бандюки, дуреющие от разнообразия твоих сортов

Любовь Моя,

Моя Марихуана,

развесив уши, слушают про некий склад металлолома на территории нового суверенного государства, где каждый погонный метр такой трубы – на вес золота, но было это при социализме, когда все блага давались задарма, и не знаем мы, что клад давно раскопан и заделан в качестве трубопровода – из той реки под названием Эмба, по которой когда-то шёл путь, сколь шёлковый, столь великий, мы и этого не знаем, но твоё волшебное проникновение,

Любовь Моя,

Моя Марихуана,

сколь мягко, столь и не сравнимо, что я узнаю всё, что можно – и все рядом стоящие суда со всеми этими городскими понтами, типа «AVAKS», не заменят мне обыкновенного компаса, да ворованной со стратегического объекта рации – зелёной, как ты в июле,

Моя Любовь.

Только не помню, в каком июле.

Поэт по имени Фрэд Михайлин высказался на счёт этого прекрасного месяца, дуревшего под полною луной:

Пересчитал июли по годам,
Их лица – близнецы
Умиленья не вызвали.
Чреда кончин, увечий и предательств.
Жара и пыль.
Барражировка мух.

Я ныряю в трубу, и вспоминаю того своего кореша, коего давно уже насмерть забили менты: он эти строчки про мух и июль, он рассказал тайну перехода из одной грани в другую – ты можешь считать себя совершенно свободным только тогда, когда побываешь во всех местах одновременно, и всё успеешь сразу (некто подобное сказал американский комик Лесли своей попутнице, но по другому поводу).

Мы добавляем: совершенно свободный воин может вдруг взять, и стать – свободным в совершенстве, и тогда возобладает известная догма Габриэля Гарсия:

«Любая догма – есть реакция», но вся фишка в том, что таковая догма – реакция и есть, потому что придётся придавить догматов.

Теперь я мчу в столицу – нырнув через трубу, на похороны кореша второго – этот соскочил с тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

но пересел, что называется, «в гранёный», и убился честно – он поступил с этой жизнью так, как с ней должно поступать, если тебя сосем уже не радует, даже охота, что пуще неволи – значит воля есть – скомандовать «Па печени – огонь!!!»
Эх, Серёга.

Это он познакомил нас,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Труба.

Этот скачок – длиной в семь лет. Ничего. Если мои оставшиеся раунды я пропрыгаю именно столько – вроде трое нас было, и очередь моя, то я победил.

Моя любовь!

Я вспоминаю, как входил в спортивные залы России и зарубежья, в своём чёрном поясе, взгляды бойцов сначала оценивают тебя, потом какое-то время думают, а потом каждый про себя решает, как себя вести дальше.

Есть такие школы (в основном в России), где тебя попытаются втоптать в говно, но везде – осторожно, ибо бывали случаи, когда я появлялся сначала не форме, но потом – быстро набирал, и были у меня свои примочки и финты, я их постоянно менял, когда постоянные противники к ним привыкали, в общем, мозги в бою ещё никто не отменял, хоть сила духа, это, конечно, хорошо, особенно где-то, в самой глубине твоего светло-лилового «Альфа-Ромео», маячишь ты, в виде животворящей головы, и можно даже предположить тебя, как «товар из Пакистана», и под этим видом вттерить инвестору, а там – уже вопрос техники, главное – ни в бреду, ни под пыткой никому не сказать, что твоя самая

главная мечта – в своей следующей жизни явиться на острове, где все – лесбиянки, и желательно не люди, а, скорее, твари морские, ну, и конечно, изобилие тебя,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Никакого мусорства.

И вообще, никого.

Кроме той, с которой ты мне не нужна.

И не думать ни о новом искусстве. Ни о старых долгах, ни о смерти, ни о жизни, ни о бабах, вообще ни о чём, и внушить себе, что ты вечен, потому, что уже давно спишь, и никогда не проснёшься.

Аминь.

Если схожу в нокаут сейчас – то проиграл не то чтобы Председателю (будем его так называть), а даже собственной тени, но этого пока не случилось:

Надо выбрать стиль – именно на эту минуту, когда я слегка забываю о тебе.

Моя Любовь.

И выбрать состояние романа – пусть это будет Макс Фриш: «Назову себя Гонтенбайн»,

Я думаю, я вспоминаю, она, думая, что я слепой, запихнула свой несвежий лифчик под диван, и т.д.

Так что я пробегаю утром пять КэМэ возле чистой воды – то вниз по течению, и если бы чемодан с кирпичом рифмовалось, я бы пел: Экклезиаст, Экклезиаст! Всё то, что ты сказал про воду, перевели неправильно, там было не «вода», а «воды».

И ты, столетие назад, босыми пятками все бегала по льду, на нашем месте, прямо под мостом.

Что-то там про «дважды».

И та, что пьяная, внизу, на каком-то, б(ПИСК)ля, шоссе, мчится навстречу приключениям, мне страшно за неё, Борис Абрамыч.

Труба:

Только для того, что бы прочистить легкие для тебя,

Моя Любовь,

лечь в горячую воду, и проделать с собой тот путь, какому избранных научили япошки, создавшие у себя на острове особый мир – мир самураев, у которых всегда существует сто два способа выпустить себе кишки, но ванна с предельно горячей водой – это обязательно, даже если ты плывёшь верхом на торпедо, ты самурай, ты горд судьбой, и близок твой предел.

А если ты, «отдав концы, не помираешь насовсем», то лучший друг своим вострым катаном отрубит тебе башку – стоя сзади, так что они считают извращенцами нас, мы их, но предпочитаем "Днепру" "Кавасаки". (Отчего ж один ездит, а другой – пердячим паром? Задумайтесь об этом.)

Я сразу проникаю в ту самую трубу – «324», которую я подволок к плантации, подаренную мне самарским вором «в законе», не скажу, как была его погоняла, потому что порезали его, и некому было ему голову срубить – пришлось срубить врагам, а не друзьям, а в трубе сушишься ты,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

«Благодать, или благословение, ниспосли на подручных своих», пел Владимир Семенович, всю жизнь писавший про тебя роман,

Моя Любовь,

Правда, назвал он его:

«Про девочек», и начинается сия неоконченная книга сворачиванием косяка где-то в московском дворе.

Труба – как туннель,

что ведёт, либо вверх, либо вниз. Куда ты кинешь – посмотрим, я в который раз вынырываю сквозь «кондуктор» - огрызок русского железа (остальное – японское), которую списали на ту скважину, что всегда была в аварии, и вижу, что опять попал на свою войну: планташку твою

Моя Марихуана,

едут грабить трое местных, убитых до того, что они забыли спустить курки своих сраных двухстволок, они смотрят на меня сквозь щели своих глаз, и я говорю себе – ни хрена ты им не на пользу,

Моя Любовь.

Ибо дураков ты делаешь глупее, а тех, кому подвластны миры и пространства – умирают от тебя, как от гласа женщины, освоившей сопрано Посейдона, а умоляю её спеть песню о любви – ты сам, вот и загибайся.

Идёт, кстати, время, оно плывёт, оно скользит, но не шагает, оно растворяется ровно до тех отмеренных ему пределов, когда, не дай Бог, ему придётся собраться в точку, тогда, году этак в двенадцатом, спустя две тыщи лет с тех пор, как взошла Звезда, и Небесный Отец подарил нам Иисуса, мы поднимем голову, и будем отвечать за базар – каждый за свой.

И больше всех из нас достанется тем, кто проигнорировал основную заповедь: не испытать страха, если он возникнет, то реально побороть его, а если возникает такая чернота, что станет ясно: в этой плотской жизни бороться бесполезно, то надо хотя бы постараться.

Потому что в данный момент я разошёлся на такой, не побоюсь этого слова: «правый» пафос, но я могу хотя спеть песнь тебе,

Моя Любовь,

та, что пришла ко мне сейчас в той ситуации, которую я с полгода назад считал бы абсолютно проигрышной, а вон, гляди, скачу, не знаю какой по счёту раунд, и точно знаю, сколько слёз прольётся на эти, почти тоскливые, но такие влюблённые строки, Бог мой!

Мои дорогие друзья, те, кто не захотел дальше созерцать эту вопиющую глупость: бороться с глупостью, и, возможно, в самых наших смелых мечтах, созерцать её, вкусивши всех трав этого прекрасного МИРа (правда, Борис?), и всё равно мы умираем с одной стороны хуже, чем героические наши предки, которые какой тебя только не курили, и Великий Александр, как донёс до нас бесстрашный Арриан, травился всем, чем только мог, и ё(ПИСК)б всё, что под ноги подвернётся, один раз во время такой пьянки лучшего кореша замочил, и стоит представить себе размах крыльев тех великих времён, то становится стыдно за двадцать первый век: уже никто и никогда не пойдёт впереди своей армии, и всякий раз на верную смерть. Ан нет.

ТРУБА: «МИР».

А что такое этот самый «МИР», на котором летаем?

Вот в чём вопрос.

Он состоит в том, почему человечество за всю его историю ни разу не проживало в этом самом МИРе, ни дня, ни, в натуре, ночи, не жило в этом самом мире, то даже если никто и не осуществлял в этот момент глобальных военных действий.

Борис Абрамыч! Знаешь легенду о Моисее, хоть я его и не знал. И горящем кусте.

Это ж б(ПИСК)ля, атрибуты чистого интеллекта и сильной души: мужик повёл народ, да как повел!!!

Бориса нет, он, б(ПИСК)ля, дематериализовался. Но ничего, со временем вернется. Я заманю его обратно на борт песнями под арфу.

Главное, про Моисея, кто-то из слепых, повёл другого слепого, оба упали в яму – на хрена нам такая философия, она абсолютно антигуманная.

Ибо тебя пою,

Моя Любовь,

как состоянье МИРа, того, которому конец так точно предсказали Майя – кто не спасся, тот не виноват – судьба такая, как линия судьбы – МИР порочен, а мы здесь – классические киборги, раз не можем ни дня от своего прибытия сюда – методом размножения грибов, прожить без конфликтов, а все вы, думаете, что свободны – ни хрена.

Вот за что страдаем.

За то, что дали продать МИР.

Героя, б(ПИСК)ля, героя, б(ПИСК)ля, герои, б(ПИСК)ля. Героя.

Помянем:

Илью и Моисея, которые на горе закрыли себе лица, чтобы не видеть Бога; Исаяю, павшего ниц, когда его глаза узрели Того, чьей славой полнится земля; Саула, глаза которого ослепили на пути в Дамаск; раввина Симона Бен-Аззаи, который узрел Рай и умер; знаменитого колдуна Джованни из Витеборо, который обезумел, когда ему удалось узреть Троицу; мидрашим, которые презирают нечестивцев, произносящих Шем-Гамфораш, Тайное Имя Бога, и т. д., и т. п., да мало ли еще прозревших и узревших?

Оглядываюсь – станция похожа на Солярис, что с Банионисом, что с Клуни. Мыслящий океан. Кто сказал, Земные Океаны обделены единым интеллектом?

Глупые люди изобретают парк юрского периода, совсем не интересуются гигантами мыслящими и действующими.

Найоми! Ты часто представляешь себе взрослого кашалота, ныряющего на трёхкилометровую глубину, дабы сразиться с гигантским кальмаром?

Сегодня у нас праздник, и мы раздвинули размеры ящика до вселенских пределов - посередине должен был пребывать ринг, вокруг ринга - ров с кислотой, а бьются нынче я и тень моя.

Моя любовь!

Когда я закончу писать тебе, это будет означать, что система жизнеобеспечения нашей станции тоже получила пинка от Спасителя – вот эта баба, которая олицетворяет всё то, что я бы не хотел брать с собой на орбиту – у меня к ней отвращение, и мы скоро отравим её в никуда – хотя находятся маньяки, ну да мы их тоже отправим, анархия мать порядка.

У нас тут недавно было ШОУ в «Аполгии», беседовали с Димой, так тоже как-то сказал про наш опыт стоит показать МИРу – он этого заслуживает.

Можно трактовать «МИР», а можно:

«Опыт»

«Сын ошибок трудных»

«И случай»

«Бог»

«Изобретатель»

Александр Сергеевич Пушкин.

Но поскольку, любая ошибка от Бога, то не стоит и загоняться.

Чтоб не загнуться от мыслей таких, ныряю, разумеется, в «трубу»: пальмы бухта, яхты, небольшой костёл, ах, да – Vlanes, испанский рай для тех, у кого нет на кошек аллергии: в порту их сотни, они тощи, черны, м демонстративно агрессивны: высылают кордон из четверых, их глаза светятся в луче моего

подводного фонаря, ибо вынырнул я здесь же: из Посейдонова плена, где сто последних лет играл ему на гуслях, и был обласкан сиренами – пока тот спал, и здесь – сонное царство, поэтому я заказываю пиццу, засовываю её в зубы, и занырываю в новое пространство –

здесь университет, спорт: мы с корешом только что уволокли с лыжной базы самопальную штангу, килограмм сто пятьдесят – мы пускаем её под гору, чтоб не тащить – она катится под гору, выворачивает ЗИЛ 130, снаряд с треском вырывает у него передний мост, дальше – тишина. Пустота. Живое – мёртвое время, быстротечное, как вода.

Труба:

я доказываю старому корешу, который честным трудом стал миллионером, и постарался при этом не изловчиться, что самое главное в жизни – это – вера в звезду, и у него начинается ломка – прямо в новом «Поджеро», который, как он сказал, подстраивается под манеру вождения, но я-то помню, какая у него была манера вождения лет двадцать назад.

Чуть позже я вспоминаю (вернее, самому себе признаюсь), что это всё твои, как тут сказал недавно художник, «приблуды»,

Моя Любовь,

Моя Марихуана.

«Мой канал связи тоже молчит, - говорит какая-то крашенная курица в телевизоре, я жду ещё три дня, через три дня там покажут меня же припудренного, в самом модном в России интеллектуальном шоу, под названием «Апология»,

я же являюсь туда – вместе с ангелами, прямо под купол этого вселенского цирка, ибо место это на Кольце, и купол сей – прозрачен, как весь аскетский юмор Вовочки, типа: кто может быть прозрачнее стекла?

Папа сказал: а я вас, бл(ПИСК)ядей, насквозь вижу.

Потому что, если я не увижу Вас насквозь, вы разглядите меня, а это нежелательно:

вы все поймёте, что перед вами тот, кого не может быть.

Экран.

Мужик, бросая на её труп (пардон, это был мужчина), дамский пистолет: эх, забыл, пока со шрифтом парился, пора в трубу:

Там то, отчего меня всегда бросает в дрожь:

вот оно, окно моей детской спальни, куда меня поселили после смерти бабушки, которая внезапно ожила, смотри, Борис, она внизу, лупит своего милого пёсика по имени Ларс, я научу его говорить, или пойму его язык, и узнаю, наконец, чему свидетель был он за свою щенячью жизнь, и отчего это он умненький такой;

её, в предыдущем воплощении, даже похищали знаменитые саратовские воровские авторитеты, но потом вернули – в цветах и со слезами смущенья – она была Великая актриса;

у меня в руках дедовская мелкашка, я ласкаю её ложе, оно всегда казалось мне совершенным, я выбираю из тех патронов – золотой, а стало быть, боевой – у него в центре шляпки звезда, и пороху там – на случай окончания холодной, и начала ядерной войны (я специально в эту долбанную секцию записался, что б патроны воровать – стрелять по мешкам – никакого кайфу, да и кайфу-то никакого не было, кроме спорта, пивных и загадочных девок времён развитого социализма, кода давали «чисто по-любви»);

Труба – и сразу в «ящик», -

«С вашим появлением я стал ощущать то, что вы называете – предвидением», крутое кино, я возвращаюсь к этому тексту и явственно ощущаю, что ту, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

кто-то е(ПИСК)бёт;

далее текст:

«немного психотерапии, и прошу на свободу», и какой-то бред, но вернёмся в детство – там – окно в мир, боевой патрон в патроннике, а внизу, прямо на углу улице Советской и Вольской, которую теперь опять переименовали в Вольскую же);

а внизу ведут Леонида Ильича, б(ПИСК)ля, Брежнева, идёт дождь, и думается мне: если бы его какой-то кретин так тщательно не прикрывал зонтиком, то изменил бы я ход истории, и пришёл в ужас вновь – сейчас, за три дня до всенародного, б(ПИСК)ля, признания, ибо, по самым скромным подсчётам, вышел бы я из тюряги как раз сейчас. «К последнему приюту».

Трудно представить себе, чтобы было, ежели бы я спустил тогда пулю, которая, по мнению одной Омской поэтессы, «сама себе голова».

Я представляю лицо отца Рудольфа (он умер, и я представляю себе его лик каменным, тут, в «ящике» – герой два раза бьёт героиню по голове, обоймой от «Калашникова», на часах 0.53, уже который день поста, и я не жру мясного);

но Священник говорит – ничего нельзя, а тебя – можно;

отец орёт:

«Лёню завалил, сынок!»

Ни хрена себе, сынок, раз Брежнева завалил, - думаю я, а герой в экране мочит какого-то такого же, как он, косоглазого.

Я прыгаю с тенью.

Ныряю в трубу –

тень за мной, выныриваю – степь, холод, ветер, бреду по пустыне, с лопатой, - накануне поставил капканы на корсака (степная лисица, которая лезет в капкан недуром, всеми четырьмя);

и вот она – заветная дрожь – я вижу в степи убегающую добычу. Она уходит на обрубках – капкан вещь жесткая.

Я догоняю его, он прижимает уши к затылку, и получает лопатой по башке, и смотрю чёрное пятнышко на хвосте: кажется, все степные лисицы, что влетели в мои капканы за последние дни, наверное – они все братья и сёстры.

Пора завязывать, это – не охота, это – ломбард.

Я возвращаюсь на буровую, там главный инженер с сабельным шрамом через всю рожу садится прямо на обогреватель, и теперь его яйца навсегда оставляют след спирали – эксплуатационная колонна 168 мм японской трубы С-75 валится на «зумф» - авария, и кому-то сидеть в тюряге.

Кажется мне, - думаю я, вспоминая, что вот уже неделю, как «немолодой» специалист, и все отмазы на травмы по спорту закончились – моя бригада проголосовала «за», а что до «мест» - она и тогда была страна чужая, вместе с её песками, арыками, и местным населением, которое уже тогда запрессовала стайка чеченов, - это потом они нацелились на мою «планташку», с посевами твоими,

Моя Любовь.

Моя марихуана.

Зрела война.

Пора завязывать с капканами, думаю я, глядя на весь этот производственный бедлам.

Завязываю.

Просто родео! Триллер о двух соседствующих клинках, об их несостоявшемся свидании, и каких-то забытых чертах Беатрис.

Выглядит чистой мистификацией – а Автор возьми, и скажи, перед самой кончиной, - идите все НА, всё моё – уношу, типа с собой (все мои сокровища, которые есть – чистый интеллект, а учителем его был некто Маседонио Фернандес, который его, Хорхе Луиса, стало быть, и подсадил прям на тебя.

Моя любовь.

А – это чистая литература.

Читателю остаётся сделать умное лицо, и ломать башку – а был ли капитан Ричард Бертон? Тот самый переводчик «1001 ночи», у кого столь немислимая биография?

«Нет человека, менее подходящего для часто повторяемой насмешки Гудибраса над учёными мужами, не умеющими говорить ровным счётом ничего сразу на нескольких иностранных языках: Ричарду было что сказать, и семьдесят два тома собрания его сочинений говорят сами за себя».

Далее следует то, что Великий Мистификатор предположил наугад, и предпоследнее, на что стоит сослаться:

«В этом списке угадывается писатель: английский капитан обожал географию и все бесчисленные способы человеческого существования, какие только известны людям».

И последнее:

«Более всего он ненавидел евреев, демократию, министерство иностранных дел и христианство; особо почитал лорда Байрона и ислам».

Понятно, почему Байрон – тот был известным кулачным бойцом.

Что до ислама, то капитан умер в окружении гарема.

Но был ли капитан?

Великий Мистификатор умер, и мы отмечаем его столетний юбилей.

Больше спросить не у кого.

Нет, я найду лесбиянок моложе, чем «ТАТУ». Это будет проект двадцать первого века – где-нибудь под водой, в каюте «Лузитании», переделанной под музей, и яркий антивоенный пафос.

Так что этот раунд я выиграл – на моей стороне стола засияла какая-то немислимая пешка, которая рвётся в дамки, - я мне хочется верить, что она остановится на белом поле, ибо принцип таких шахмат: фигура становится того цвета, на чьё поле встаёт, и где всегда произрастает,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Тень в шоке.

Навсегда чёрная, как сказал, по-моему, Андерсен. Если верить легенде, он отказался от истории, возможно, сделавшего бы его совсем другим сказочником.

Труба:

Очнулся, нумерочек на ноге, то ли морфий после «очищения», и почему – если морг, то бегают покойники, кричу анатому:

- Может, в процедурный?

А он – нет, мол, ты уже в морге.

Огляделся: все, как в нормальном драматическом театре: женская сторона, мужская сторона, только женские трупы лежат, как им положено, пятки вместе, носки врозь – это кто в носках;

а мужские – один, с бородой, но лысый, смотрит в потолок, а из-под клеёнки торчат в разные стороны руки с ногами – видно сильно проморозился мужик;

второй, скелетообразный, молвил в потолок; сестра, сестра, водички, а потом, теряя кишки, скакал к умывальнику, пил, пил, пил, как реанимированный верблюд – после перехода Париж – Дакар, потом мчал к своему столу, подсоединяясь на лету, к этой своей системе обеспечения к жизни, которой нет, не было и не будет.

(Что вспомнилось, по-моему во время Цусимского сражения, я-то там не был, но был некто Новиков-Прибой, я переключаю канал: там комментарий:

бледнолицые братья подходят к Багдаду, где не спокойно ни хрена, и события вне этой станции,

вот уже и польский спецназ воюет за «Антанту», мы, чёрт возьми, живём в красивую эпоху – вон, в телевизоре, пару черн(ПИСК)ожопых журналистов от(ПИСК)здили, дали отсосать, и отправили на Родину – за правительственными наградами, в такое время живём, чего жаловаться! Слово, как выразился питерский писатель Михаил Чулаки, страшная сила.

В начале было.

Да не слово. А звук, ребята. Божественный. Рождающий любовь – эту контрастную химическую реакцию в организме, когда его начинает плющить, колбасить, мандрячить, штырить, и т.д.

Однако нынче люди устраивают той земле, что их, с дуру, приютила, хороший прое(ПИСК)бон, не смотря на то, что можно переключить канал ящика, и лично убедиться в том, что к ноненшнему дню, которую мы избрали чертовой дюжиной (наше число, чего греха таить);

на наши Храмы вешают колокола, а в Европе проходит экономический форм по инвестициям – Европа – Россия.

Поплывут скоро денежки обратно, слышь, Абрамыч? Как думаешь? Что скажешь?

У нас стратегическое оружие – на каждого трудящегося и лодыря – по мегатонне.

Оружия «Мира», так сказать

А потом – всё сначала, и думалось мне – не морг это – а подпольный абортарий, и не кончилось все, а только начинается, - да как!

Кто такое видел, и кто поведает!

Я, порезанный в лоскуты лежал с трубочкой в носу, и у меня не было никакой мысли о моей Найоми, кишки вывалились, да душа была здорова,

а сейчас времена такие, что думается мне: вот он, долгожданный покой. Лишь бы он продлился вечно, однако – пора в дорогу.

В поисках

Новой Любви.

Очнулся вновь - неизвестно где, смотрю – пляж, жёлтый песок;

За сеткой плавают акулы – и все, как плотницкие молотки, а вокруг них – рыбки, морские конёчки, такие же весёлые, как наши, средне волжские раки в кипятке, не эти, знаете ли,

что после перестройки, когда граждане разобрали все государственные предприятия на гайки да болты, а из очистительных сооружений наделали себе козырных нужников – а гораздо до неё,

то есть тому лет триста – вот тогда были раки, как итальянские моноласты – и здесь, лангусты, в далианском стиле, пристроившись друг другу в зад, шли вокруг света - по океанскому дну, во диво дивное.

Пришел, а там как раз поминки Фрэнка - единственного на этом безбожном континенте мужика за всю его историю, если учесть, что Папа отстрелил свою головную боль на Кубе.

вперед.

Ну что же ты, Найоми? Тут же Вулф недавно рассказал (он решает проблемы) в “Серебряном шаре”, что тот самый мужик, сердце которого сейчас вычерчивает этот реактивный самолёт – на небесах, дрожащей рукой дарил бриллианты какой-то там суке (совсем юной), а та их брала, но взаимностью не отвечала.

Выходит, любовь и правда нельзя купить?

Это он пел, кажется:

«Мне многого было жаль!»

Но сердце Фрэнка разбито. А он, между прочим, полтора миллиарда чужих денег роздал пацанам. Выходит, этот пьяница, имя которому:

ГОЛОС,

был святым, но и крылья не спасли его от несчастной любви.

Вот смотри: сейчас истребитель разгонится, ляжет в пике, потом “бочка (небольшая), “затем “мёртвая петля”, я узнаю её с детства, сейчас крутой штопор – мы с тобой открываем эту бутылку “Дон Переньон” московского разлива, хорошее шампанское, чего ты морщишься, и пронзит стрелой сердце Ангела.

Итак: картина следующая!

Путешествие по (ПИСК)зде – с указкой.

*Встает, бредет по каретке своей
огромной кровати...*

Мне подмигивает опухшая какая-то, вся в язвах Луна, и даже она, уродина, Боже мой, смотрит на меня, как на конченного... Рядом с ней двигается моя тень, такая большая, что кажется – это много таких, как я, и все разом. Как монументальное какое-то величие всего того... К чему я не причастен!

*Продолжает, словно канатоходец,
балансировать на каретке.*

*Словно бывший ныряльщик, со всеми
дефектами его нынешнего состояния,
прыгает с каретки прямо на кровать, к
своей машинке. Выдергивает из нее лист,
читает.*

«...через некоторое время я с ужасом для собственной морали, – вот вам, кстати, и нравственные законы, по которым все так дружно ностальгируют...»

Берет карандаш, вычеркивает фразу.

Ни хрена никто не ностальгирует, а Кант – идиот.

Читает вновь.

«...через некоторое время...»

Ладно, хрен с ним, со временем...

«...я с ужасом для собственной морали...»

Какая, к черту мораль? Если я кидаюсь на людей то с ломом, то с кирпичом, то стою раком перед скважиной. Ладно, читаем дальше.

«...вот вам, кстати, и нравственные законы...»

Да что за черт! Кто это писал?!

«...из чего я заключил, что морали нет. А стало быть, и нравственных законов. Есть переизбыток интереса к самому себе...»

Ну, слава Богу. Узнаю брата Колю, Васю, Федю... Как меня там? И немного – Бернарда Шоу, но это уж так принято – книжки читать. Перед сном. Кстати...

Вновь читает.

«...Надо было срочно уснуть, пока не начал греметь пустой холодильник...»

И я заснул.

Свет медленно гаснет... Наконец наступает полная тьма... В темноте, из глубины прекрасной, удивительной джазовой темы рождается обворожительный голос...

Раунд седьмой

Моя Любовь!

Сегодня, в страстную субботу третьего года третьей тысячи лет, мы с Борисом Абрамычем ушли с орбиты.

Я открыл Центральный кингстон, и выкинул дурацкий колпак, который мне подарил не так давно хороший космонавт, но неудачник:

наша самопальная фура по имени «МИР»

прописывает круг по своей собственной орбите, и возвращается обратно.

Знаешь, Борис, всё таки любого «Нуль-Нуль-Седьмого» можно превратить в Мальволио средствами того же кинематографа.

Взять и проорать в психически нестойкое пространство:

«Я отомщу всей этой вашей гнусной шайке»!

- Вильям велик, как никогда, хотя «Двенадцатую ночь» сваял вовсе не Вильям, а группа, как уже не однократно говорилось, авторов, чуть раньше воспевшая подвиги Хитроумного Одиссея, чуть позже – в беспределе:

Подчалил Борис, свои прислали – за его же бабки, но он рассчитывал, что ему граненого стакана с тобой,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

хватит на всю оставшуюся жизнь (он собирался в спешке), и сказал тихо:

- Стихи....

- Стихи, - тихо ответил я.

**Моё сердце разбито на части,
И теперь его хватит на всех.**

Тут я и задал вопрос, который, что называется, «созрел»:

- Борис! А ты проходил испытания в этой, как её. Барокамере. А то ведь немало хороших парней в этой камере сгорело.

- Проходил, - ответил Борис. – В «Крестах», в «Лефортово».

Ну, так, ясный хрен на ясной поляне – мы ж друзья.

Бывает, налюбujemy друг дружкой, и каждый старается использовать свою дозу кайфа исключительно во благо экспедиции - мы сразу кидаемся к рабочим местам, - он что-нибудь пилить, а я - строгать.

Или вот ещё, думал, забыл, а потом вспомнил: специально к вечеру экстремальной поэзии, который состоялся осенью две тыщи третьего с саду Эрмитаж, Каретный ряд «ТРИ», я открыл этот мультимедийный акт посреди этого дивного парка – в центре огромной деревни, под названием Москва, стихами, которые забыл:

Один поэт, который сначала умудрился заработать денег на свой грядущий триумф в литературе, сказал по беспроволочному телеграфу:

Такое надо стирать из памяти, это мне психотерапевт сказал.

Я, Борис, встречал в этой жизни разных поэтов и психотерапевтов, и считай, им до меня, как со дна нашей Марианской впадины, как до Пекина раком нашей Конголисе, бывшей крупной правительственной чиновницы, так что скажу:

Давай-ка дунем

Моей Любви.

Моей Марихуаны, и усладимся перепиской Юнга и Джойса, в одну, как говорить, харю – Джойс не отвечал.

Порой мы срываемся с мест столь рьяно, что штанов снять не успеваем, потому что сперва надо непременно слетать в туалет, что называется, на дальняк - это закон, обделаться у нас, космонавтов на рабочем месте, это все равно что у охотника-промысловика в одной яме утопить капканы и ружье, и в той же яме наложить себе за шиворот, а потом, и руки на себя, - от несчастной любви, а тут ещё братки повадились рулить нашим знаменитым космолётом, так что непонятно: толи кайф такой, толи такой кайф, чего вы смеётесь, вон оно звездное небо над нами, как и нравственные законы «отважных и т.д.»,

И кто скажет, что окно моего небоскрёба, здесь, сейчас, - не то, чем надо хотя бы периодически рулить.

Но тем, кто рулит, напрасно дали эти рычаги: в том, что сейчас происходит, виноваты люди, как бы этот МИР не был спрогнозирован.

Я пытаюсь это хотя бы осознать, и тут же прёт чувство ответственности за «МИР», особенно познав тебя,

Моя Любовь.

Моя марихуана.

Говорю я себе: хоть мы ушли с орбиты, но всё равно придётся вернуться на круг.

Оглядываюсь по кругу, и убеждаюсь, что я за всё это время (а я почти закончил, просто сейчас – то забег вперёд, а то – откат назад), я так ни разу и не взглянул на собственную тень – плевать мне на неё, ибо я её вполне ясно себе представляю.

Это потому что пощусь, б(ПИСК)ля.

А приходится поститься, потому как пропиваю вечно всё, что есть, в один присест.

Только Боря вот, как тень.

– Боря, я смотрел на тебя, как на инвестиционного Бога, а ты явился сюда с одним стаканом анаши да с карточкой «Вестерн Юнион» - глянь вниз, смотри, что стало с Америкой, и со всеми её филиалами.

Безбожники!

(В зал.)

Кстати, о Советах. Борис наш - бывший зицпредседатель Союза Независимых Государств, - того самого, над которым сейчас, барражируя, порхаем (пархатые).

- Не все в России (ПИСК)дарасы, не все, - говорит Борис, мой неизвращённый друг, глядя в иллюминатор. - Ты мог явиться без семян, я тебя знаю.

Давай дадим начало новой жизни. И, разумеется, Иосиф. Если б не невесомость! Всё бы было – в масть. Да, Иосиф?

Россия! Страна непуганых идиотов, как говорят о ней сами непуганые идиоты.

Я скажу: трагических клоунов.

Почему? Потому что не убояться предать близкого друга своего, Председатель орудует повсюду, не он, естественно, а его бесконечные двойники, а до самого добратся, как в компьютерных играх – до самого высшего уровня, и поскольку машина уже давно соображает быстрее человека, чего в предыдущих войнах не наблюдалось.

Око положить – грех, а слово молвить – против правды, грех вдвойне, а правды не было, и нет, сплошной Альберт с его теорией «невероятного»:

**у моего Романа с Травой,
в этих его упорядоченных структурах, построенных по законам божественной кристаллооптики, где, как минимум, никто никого не пошлёт за приветствие, и на этом летучем корабле нашей мечты, мы протащим всё остальное:**

обрывки, телеграммы, даты, страны, тачки, поезда и самолёты, коней, слонов, титястых тёток (в сугубо далианском стиле одной его картины: «Искушение св. Антония»).

**А весь наш бизнес здесь выкупила некая фирма «ALKOR», и в последних ящиках с жидким, кажется, азотом, заморожен весь этот отнюдь не самый лучший джаз, и бывший директор этой фирмы, зовут его Отто, под номером последним, и он на Марсе он хочет заморозить следующий «VIP», и заморозиться самому, и так до бесконечности, а там, глядишь подвернётся тело девушки,
дабы внезапным огнём – погасить пламень.**

Ещё немного, и сердце Фрэнка вознесётся над нами, как воздушный шар, взлетевший в стратосферу, ибо наш взорван, и лежит на дне:

Я бьюсь с тенью.

Моя любовь!

Возможно, в какой-то следующей реинкарнации ты и предстанешь миру мужчиной,

и тогда сообразишь, что Отцу нельзя говорить

«нет».

Может, мне бросить её,

Мою Любовь,

Мою Марихуану?

Вопрошаю я, мн вслед – с Самых Верхних Небес, плавно, как осенний лист, приземляется ремарка:

- А сможешь?

- Нет, Отче. Сколько мыкался по тюрьмам, - там можно б было находиться, если накуриться с утра, а так – сплошная мука. Нет, кто по зонам, - там с этим всё нормально, но только до ЗОН-то я не доезжал, обычно выпускали из залов судов, но как-то раз случилось погоня, поскольку кое-кто в Лысогорском районе Черной Дыры под названием Саратов примомнил мне тебя,

Моя Любовь.

Рейтинг ни хрена не высится, и я примеряюсь к собственной тени – сейчас я заеду ей по яйцам.

- За что? – молчит она (тёмная же, б(ПИСК)дь).

За то, что ты стал (стала) корректировать базар в своей литературе, дабы избежать конфликтов в своей частной жизни, и сразу заработал (а) основной конфликт – поскольку нас тут «все свои», то назовём этот конфликт внутренним.

Он разрешается рецептами старой китайской медицины или новых английских анекдотов: либо отстрели себе башку, либо веселись, негритянка.

Найоми, веселись, смейся, моя прекрасная леди, глядя на моё сомбреро из щипаной ондатры – такие шьют только у нас. В Мичигане.

Взгляни на мои палевые крылья, и от Шестикрылого Серафима меня отличает только то, что на данный момент тяжелый момент моего спарринга с тенью я падаю сквозь дырку в этой сцене – прямо в подвал (прямо под десятую, малопопулярную симфонию Шостоковича, - я её сейчас абсолютно не помню, поскольку слушаю Владимира Семёныча про

«Христа Распятого в половине пятого ен пустили в Буенос Айрес»).

Но когда-то было - крылышки чернели в зависимости от глубины полёта, и если не сломаю шею, то скоро на сцену – прямо через

Зал.

На самом деле за границей только ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

и греешь, и продаёт тебя все тот ж араб с рваной губой, и всё-таки не очень он любезный для дилера.

Читаю Отца Эрнста, внимаю его морским молитвам:

«Давайте напишем с вами конец света.

Он выдержал паузу.

В

натуральную величину».

И ещё:

«...Когда чувство одиночества достигало невыносимой остроты».

И последнее:

«Счастье ещё не прекратилось, а он уже тосковал по нему...».

Вот она – золотая середина отпущенного на свободу кайфа.

Такая литература – как регби, где кости ломаются, а ты встаёшь и скачешь. Хотя нет, регби – командная игра. Ринг, конечно ринг. А если уж и поле, то зелёное. Как океан.

Тут не до Гонтенбайна, Макс, извиняй. Нашу загадочную, полной мрака, света и вселенских тайн любовь я сдаю на милость глаз чужих только нынче: затрахали те, кто ни хрена не понимает,

ни в жизни, ни в литературе, ибо сейчас я сыграю мага, повелевающий собственными образами (а этого немало, ибо для того, чтобы повелевать образами, надо, как минимум, их создать), и вот он, невинный плагиат у самого

себя, ибо всю приведённую ниже литературу, выделенную, разумеется, совсем иным шрифтом, создал не я, а образ мой:

магия образа, сказал я много лет спустя, давно сойдя с орбиты, ныне число, подходящее на магической момент, пойманный Раймондом, и воспетый Великим Сальвадором:

11.11.11.

Ещё немного, и нашему МИРу останется ровно год.

- Как думаешь, рванёт? – спрашивает приободрённый Борис Абрамыч – его забавляет мысль, что МИР сгорит в огне вулканов, а мы – вечно будем пребывать нашу «пожизненку», и что у нас никогда не закончится

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Все слышали? Герой пьёт, этот немислимый старец, «лунный» ловчий, развращает команду ковчега своими немислимыми фокусами, ибо правит он – стаей небесных Гончих псов, и знает толк в охоте.

Интеллект расцветает, как сад Семирамиды, который, как известно, цвёл на крыше – пропуская тысячетонный удар в сердце, растянутый по весу на капли жидкого свинца, ты не внемлешь этой самой спорной истине – «что не делается, дескать, всё к лучшему».

Ни хрена не всё. Да и жизнь устроена так, что смерть познать нельзя, и даже успеть взглянуть на собственные мозги, по пробитому пулей-дурой зеркалу размазанные.

То есть успеть взглянуть на то, чем так туго соображал, явно не удастся, все остальные способы познания – за тем пределом, откуда могут только помахать. (Она сказал мне нахал).

Всё происходит мгновенно, как жизнь: падает боёк на капсюль, потом стоит засечь ту скорость света, что равняется – огонь, он сжигает порох, и пулька, как плевков – себе на мозжечок, и только отзвук сгорающего выстрела, - слышен в тонком эфире. Возможно, у кого-то в этот момент вздрогнуло сердце.

(нужное зачеркнуть).

Зачёркиваю, ибо со времён мыслей о таких мгновениях (есть ещё очень модное клише, называется «момент истины»), прошло время, и если нынче в зеркало и есть какой обзор, то с мыслями – побриться. Вот, к примеру:

Мы (с Борисом, он спонсирует всю экспедицию) спросили Музу (как-то):

- Ты кто?

- Я – простая девушка.

- А бабы – кто?!

Ответа не было, не было гарантий, и тем паче – уверенности в завтрашнем дне.

Выходим из запоя, ТРУБА:

Неделя комы, что называется, отходняк, и вся твоя спортивная форма – к чертям на елдаки, и в такие моменты терапия рекомендована: надо отключиться, и вспоминать то, что можно путного вспомнить.

У ПАПУАСОВ Нового Света есть такая маза: у них по шеям болтаются мешочки из бычьей кожи, в который надо по хорошим дням собирать всяку-разну хрень: иголку от кедра, камушек с горы, или чей-то скальп, а потом, взяв ноту чисто восточно-европейского, чисто овчарочьего превосходства, почитать их письма к детям, и ох(ПИСК)уеть:

«Мой дорогой (а то и возлюбленный) сын Вениту! Настало время тебе вылететь из гнезда, и стать вождём в своём коллективе, потому что ультроосновой всегда получает ту часть неприятеля, на которой больше мяса, а стало быть, дольше всех протянет, кроме того, у тебя на башке будет всех больше перьев, и ты станешь похожим на большую хищную птицу».

Гамаюн, по нашему.

Борис кивает, - я молчу, и он ловит мои мысли, гипнотизёр, б(ПИС)ля, но сейчас я пришлю мыслью про бабки, и пока ты не сообразишь, что я давно вычислил способ мышления твоего кассового аппарата.

Я с тоской вглядываюсь в бесконечную даль космоса, и вижу, что та, с которой ты мне не нужна.

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

вкушает тебя не со мной, так что там с баблом, дорогой Борис Абрамыч, а то ведь ты, по утлому еврейству твоему, умудришься поссорить меня не только с со всем этим меняющимся МИРОм, но и с травой.

А здесь, в отходняке, птичка эта пролетает, заволакивая на хвосте своём цветастом тех баб, что когда-то имел, потому что те, которых любил, оставляют на сердце рану, и воспоминания о них, особенно в компании с тобой,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

вовсе не рекомендуются: мысль твоя может заволочь во времена измен, которые начались – все сразу, и не видно им конца.

Вставляем с Борей в уши «Уши», заводим нечто нейтральное, типа «мегамикс Дурь», тот, что наваяли мои же музыканты, и понеслась:

толстухи, например, тонны трепетной плоти с крохотной (ПИСК)здой. Много их было? Вспомнил: мегатонны. И легче стало. Где? Да в космосе же. Б(ПИСК)ля.

При мысли о том, что любую секунду жизни, всех предыдущих, и всех последующих образов твоих, можно вытащить с пыльных полок «пудры и памяти», тем более – помять о толстухах.

Между тем, что (согласно Квентину), алкоголики называют просветлением, и критерием Стриндберга (любовь-ненависть) присутствует тот самый, так называемый «просак» - наиболее спорное по версиям смыслов слово, не употребляемое только в «эсперанто»,

(«увидимся в Вавилоне», сказал Старец Александру, и они таки увиделись, - в ином, чуть менее помпезном МИРе),

есть тема, что это ваще, заветный промежуток между (ПИСК)здой и, прости Борис, что вновь о наболевшем, жо(ПИСК)пой.

Так и наша с тобой жизнь, Борис Абрамыч. То день, то ночь.

7.11.2011, после поцелуя Богородицы.

Повторюсь, и думаю, Борис меня простит.

Вера – это не обязанность.

Вера – это Радость.

- Говорилось!

- И не раз, Борис Абрамыч.

Вы с Абрамовичем судитесь, рядитесь, и думаете, что бабло убережёт вас от Расплаты? Ни хера вас не пугает вселенская доктрина про то, что за всё придётся платить, не за те ставки, что сделаны и сыграны, а за намерение сделать ставку. Что до меня, твоего непосредственного командира и благодетеля, (благодаря исключительно моему таланту ориентироваться в безвоздушном пространстве, навигаторы-то кончились, да и Вселенная разбегается быстрее, чем расширяется эб(ПИСК)лишшэ моего соседа по батискафу МИР),

то я согласен с Бернардом и Бертольдом (Шоу и Брехтом), капитализм – го(ПИСК)вно.

Ну да ладно:

нам пока что неплохо репетируется перед решающей премьерой:
весь коллектив, который вождедеет тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана

не меньше моего, скоро приедет сюда, и начнётся, что называется

«Мы к вам заехали на ЧАССС»

Господи! – думаю я. Какие жалобы, я извиняюсь? Как пел нетленный Иван Семенович Барков:

«представь на мысль плачевну Трюю»!

Или

В эфир внезапно ворвалась (!!!)

Представь себя ангелом, «пор(ПИСК)хующим» по твоему счастливому дому, где тебя любят и ждут, а везде – твои афиши, диски, журналы, статьи, кассеты, склад оружия, сразу видно – в гармонии мужик.

Если бы.

Недавно был у ведьмы: она дала мне молитву Вещего Сна, и тут мне показалось, что тот сосед, что давно подал на меня в суд и сам четырежды судимый, поставил

на трубу сливного бачка специальный трясульный агрегат (явный признак переутомления), одно успокаивает, что это было давно, стало быть, ты в обществе живешь с диагнозом – безмерно, а ведь далеко не все «коллеги по цеху» - выдержали этот марафон мировоззрений – а это всё перед шоу «ГОН» в «Атриуме», меня вместе с ангелами, играющих на разнообразных инструментах, Дима ждёт, а Дима мужик подковыристый, с ним надо держать ухо в остро, и потому я открываю сезон охоты:

одеваю штаны – в четыре же ночи, иду убивать соседа.

Труба – я возвращаюсь к этой же странице, потому что давно пора кончать – давно в дороге, и всякие мысли в придачу.

Дорога нас выбирает, не мы выбираем её: вот бреду, определяю времена по пунктам приёма пушнины, их нет, и смотрят на меня с недоумением, ага, значит, перестройка кончилась, а говорят, хреново живём.

Пушнину я дарю такому же бойцу, он принимает её с тенью слёзы – ибо гораздо глубже продвинулся по вектору:

«Джентльмен, не зарекайся. Удача уплывает».

Я говорю ему: какие шлюхи были в «Интурите!» А когда по холлу проходил народный артист по имени Иосиф, так его бессменный конферансье присутствовал и здесь: он выскакивал и орал во всю свою поставленную пасть:

«Давыдыч!»

Это были времена, когда в «Яре» были лучшие на свете пирожки, я откопал всех чернокнижных поэтов за последние триста лет, и весь этот кабак с самыми высокими на свете потолками гремел, свистел, рыдал, и хохотал.

Там был ещё один аферюга из Китая, подзавёз нам массажисток, но вскоре «шум» случился: президентом всего этого закрытого мужского матерного клуба была баба Лариска, и прихватили её таки в Питере, полезла на рожон, вытащила какого-то таможенного генерала мало того в выходной, прям от бля(ПИСК)дей, да из парной – упрятал он её на восьмерик, контора умерла, пришлось упаковаться, ну, а капусту, дружище, мы не так давно всю пропили – в столице американского игорного бизнеса, в Лас-Вегасе, Лас-Вегас, (ПИСК), Лас-Вегас (ПИСК), Лас-Вегас.

«Белладжио», «Грандт», «Мираж», с одним на всех хранилищем,

«мы пьём седьмую за день,
За то, что все мы сядем,

И, может быть туда, куда хотим.
Не попить, не курнуть...

Если в воздухе будет ЧП,
Приземлюсь на китайском плаще».

Слышал, Борис Абрамыч?

«Пассажиры за ноябрь, вас вылет переносится на май».

С корешом моим, специалисту по водолазному делу и поиску кладов, Андрюхой и не хрена тут вы(ПИСК)ёбываться, что я вас всех закладываю, вы, как и

та, с которой ты мне не нужна,

в своё время выразила желание «уйти замеченной», вернее «не уйти незамеченной», прилично бабок проиграли (перед тем, как всем уйти, и лучше – незамеченными). А перед этим – пустили разовую афёрку с танкерами – река – море (если кто такое помнит). Но следующих моряков – немедленно сластали.

Мы же заложили души, да не взял никто (некоммерческий проект), так что самое время задрать ставки, и ждать знамения, толи вещего сна, толи полёта стервятника – над жёлтой Аризоной.

Он прилетает, я спрашиваю:

- Если я скажу «нет», что ты захочешь взамен?

Я говорю «да», и выхожу в прямой эфир со своим шоу: прямо передо мной королева Дании Мартретте, лётчица, верховный главнокомандующий, и при этом – премилая бабёнка, и вопрос от какого-то жирного папарацци:

- Как часто Вы встречаетесь с монаршими коллегами по королевскому долгу?

- Частенько.

«Налить Вам этой гадости?
Налейте».

Встретились. Расстались.

Но пред расставаньем у меня появилась пауза для соответствующего заявления, раз уж в седьмом раунде («предэкватор!»), кидает по уровням, как никогда:

Вот, дружище, нам негде похмелиться на пушнину, и я тебе так ничего и не сказал, потому что ты всё равно не поверишь, а может, и поверишь всему, чему угодно, потому что для тебя сейчас каждая затяжка самого хренового табака, - подарок судьбы, а для меня – ещё нет.

Почему, думаешь? Потому что мне проклятье, как дар: любая жаба у меня на ладони обрастает короной, а потому сама становится – абсолютным эксклюзивом, срывает былую, замужнюю кожу, а голос у неё, особенно перед дождичком – в четверг – мецесопрано.

Потом она кайфует на природе, у меня ж - охотничий сезон, и всё с холодными дождями.

- На кого сезон охоты? – спрашивает внезапно подоспевший Борис, он видит, что я давно разговариваю с пустотой.

- Сам сообрази, - многозначительно отвечаю я, - если пьеска эта зовётся: «Охота на (ПИСК)дарасов», а по нынешним законам – и та запрещена: страна превратилась в сплошной заповедник.

Так что зови меня отныне «Анти(ПИСК)дор», дружище, «Анти(ПИСК)дор». Сам знаешь, дружище, о ком идёт речь. И пока они процветают, мне вся эта столица союза социалистических республик – не в кайф.

И мне не подходит какая-то дикая доктрина, дескать – «победа, истина под(ПИСК)лецов».

По-моему, такое могла придумать только баба.

У нас: «Царь автосвалки – суть Аид».

«Царствие Аида», - объявил Одиссей (*), и плюнул в бездну.

Он орал:

«Мне было весело с ней!»,

и только лет через сто добавил:

« Но всё же ж стрёмновато»,

ибо время значения не имело – уплыло оно.

Уплыло время.

Я новым пламенем объят, но пламень этот - чистый яд.

А вот ТРУБА: храм в испанском Бланесе, и висят здесь на нитках святые каравеллы, их подвесили, как пропылённых кукол из того спектакля, что никогда больше не пойдёт.

Возможно, что и мы когда-нибудь обретём счастье бросить кости в это прекрасное море среди обетованных земель;

мы погрузимся к нетленным глиняным сосудам греков, римлян и арабов, усядемся, пуская пузыри, сыграем в кости, и что-нибудь споём.

Споём дельфинам, и они поймут наш ломаный язык, однако вот он, сундук с сокровищами конквистадоров, там шкатулка, на ней – семилистник, такой же, что продают в Барселоне: твоё изображение,

Моя Марихуана,

езде, где только можно, но всякие разговоры о тебе премилых продавщиц ввергают в тихий ужас, ведь ты,

Любовь Моя,

зовёшься «наркота», и за тебя сажают, какая глупость, кто и какое право имеет запрещать то, что на Земле произрастает.

Задумайтесь о том, какая сила заставила заткнуться на эту тему всех тех, кого первоначально Королева произвела в Рыцари, и Джона, и Стинга, и Оззи, и Мика, и даже – Кита.

Так что портреты твои есть, а ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

почти везде должна скрываться от «аутодафе», хотя, тебя сорвут и спалят так и так, - что с любовью, что бЭз.

Я арендую тачку, мчу в Фигейрас, хочу продать своё шоу, но в какой-то момент тяжёлая рука моей тени стучит по затылку, как будто она на заднем сидении – не вздумай, потому что твоё шоу – это как первая любовь, утопленная в море дешёвого вина (рупь семнадцать, называется «шафран»).

Спасибо, (ПИСК), спасибо, (ПИСК), спасибо, (ПИСК), спасибо.

Скоро загонят, как зелёную траву, обвинят во всех грехах – смертных и бессмертных;

а дальше, всё, как у Ганса Христиана: Боря отдаст все свои деньги, чтобы стать космонавтом,

а что до остальных, так травят на тоже самое, только на блага, типа туалетную бумагу – больше бумаги, чище жо(ПИСК)па, а на совесть им давно уже наплевать, а дара никогда не было – так зачем им жить?

Или вот, феномен синематографа: «Водный мир», герой, к тому ж мутант, продал бабу, порезал того, кому продал (а тот даже не успел присунуть) и остается до сих пор героем.

Где справедливость?

(Спрашиваю я в беспокойных мыслях своих вечно мятежного Бориса спустя много лет после того, как нас взорвали на орбите. Может мне переметнуться к Абрамовичу. (В зал.) Нет, ни за что.)

Труба:

Здесь «зарубёж», но хоть – по делу: самый север Швеции, театральный «бенуале», я в жюри (от России), отель «Nord Kolotten», где в услуги входят олени и собачьи упряжки, любые снегоходы, а пятьдесят граммов самого хренового коньяку стоят семьдесят баксов – я об этом ничего не знаю, потому что поят меня два премилых старичка, литературные агенты президента ЮНИСЕФ и ректора английского университета по имени Питер Устинов (Петя по-нашему), человека, сыгравшего Нерона и написавшего «Крамнегел» («Иностранная литература» за 72 год, я тогда и прочёл эту великую книгу), Мэтр собирается сыграть в Женеве Дали, изобразить тот его последний день, когда ему привозят новую Гала – на восемьдесят лет моложе, и многие критики считают эту мою пьесу лучшей, знали бы они, какими кошмарами меня за неё награждал САМ.

Так что я пью коньяк, и ношусь Ботническому заливу на «ямахе», как Василий Иваныч – на четвёрке вороных с «максимом» на задах, мне-то что, я своё уже отбазарил, а потом –

Труба,

вытряхиваюсь на пару лет назад – в вольный город Гётеборг, где Олег Палыч (он тоже член нашей, саратовской мафии), заказывает мне пьесу по мотивам «Господ Головлёвых» Михаила Ефграфыча, - он желает сыграть Иуду, но я выписываю

для него иудиного отца – у Михаило Ефграфыча затаивается явная тяга к «барковиаде», а мы, Олег Палыч (говорю я своему именитому земляку, ему нынче исполняется шестьдесят, и мы, всем нашим космическим экипажем, желаем ему доброго здоровья, правда, Борис?),

впервые за всю русскую историю живём практически без цензуры, так чего нам теперь?

Правда, к моменту разговора в Гётеборге, я повестуху не читал, но взял аванс, так что пришлось вникнуть в суть вопроса: дело не в Иуде, а в Отце.

Так что предмет моей гордости, это компиляция из четырёх барковских строф, соединённых воедино, и вложенных в уста персонажу, который по всем статьям предполагался, но в оригинале не было его:

«Скажи, как можно в свете быть,
И не иметь желаньев вреднях,
И неугодно ль в ад сойтить,
И перееть там тени смертных,
Где вместо завесов висящих,
Вкруг храма всё висять муде...»

Висять, висять, висять. И всё – вкруг Храма.

Да, да, где-то я откопал, что и сам Салтыков – Щедрин, а, стало быть, и его любимый персонаж – Отца Иуды, обожали Баркова.

Насмешка зла.

Опять труба –

где бесконечное сейчас, и сопрано с «Дарк сайдс оф зе», будь проклята эта тоска. Благословенна эта тоска, когда уже нет больше слёз, они кончились, даже не здесь – их нет везде, где процветаешь ты.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Я прусь по Вселенной, как загнанный лось, чтобы нарваться самому – на бронзовую пулю, которую выпустит по тебе твоя собственная тень – ты взлетишь с медью в башке, надо всем этим миром, который бился с тобой – тебе в нём никогда не было места, ты ему мешал своими подвываниями – и всё на темную сторону жёлтой Луны, под которой родился, под сны с которой – и подохнешь.

Я стою посреди белой степи, в нетопленном ангаре, в мороз под сорок, и точку, точку себе эту пулю – она идеальной формы, называется «Блондо», и прошибает она – промеж рогов – только звон стоит, да благодатный хруст: кончено кино.

Моё сердце рвётся к тебе,

Моя Любовь –

я пролетаю сквозь «кондуктор», и попадаю во время, когда там, прямо с ГПЗ, который казахам построили япошки – за свои же деньги, ты кочевала на плотках по Эмбе – до самого до Каспия – по апрельской весне, по чистой степи, полной жёлтых тюльпанов, где даже этот завод смотрелся, как стартовая площадка для полётов на Юпитер – слушать голоса тех китов, что уже отдали свои души проклятым япошкам и безбожным норвежцам, которые низводят глупостью утроб величие своих бессмертных предков;

там ещё не было тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

но ты началась оттуда – из-под того оврага, куда с утра до вечера ходили кайфовать сайгаки, и у нас еще не хватало ума их пощадить – кто ж знал, что настанут времена, и все будет продано китайцам – и дичь, и газ, и нефть, но когда-то здесь властвовали мы, и вы, местные жители, летите на своём мотоцикле с люлькой, в которой сидит несчастный, как в последней колыбели, почти что цинковой, да только не герой он, и потому конец его будет бесславлен, но, чёрт возьми, с моего холма – довольно красив, и они «мчат зигзагами», идеальная мишень, и руки тянуться к «перу», о оно, соответственно к бумаге, ибо такой момент во Вселенной не может не быть воспетым, на такое диво всегда найдётся свой поэт;

за вами, ребята, в который раз заходит винтокрылая машина, с нашими же товарищами, тоже не лучше, чем, я, приехавший на своём ЗИЛу без кузова, и мой китайский «АК» лежит за пять метров – что не дотянуться, и эти не сообразят, отчего я посередине этой пустыни в красных трусах, да с лампасами: красный цветок, дураки! (Но это было гораздо до того, как свернулся кольцами – железный Каа, прямо под очи Джозефа Рерьяда, который где-то там нюхал прерии перед королевским кофе).

Я вспоминаю то, что вляпалось в память, как красная клякса: вот равнодушная смерть, верхом на МИ-24, в который лётный состав, весь, как один убит тобой,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

в хорошем смысле слова и собственными бабами;

шарит ПТУРсами, по моим же конкурентам, но спецом мимо: настоящая охота, и хочется верить, что летуны впряглись за землячка, а посему я даю им отмашку этим объединяющим и христиан и мусульман изобретением: моим задроченным, но вечным, как МИР, основным гаджетом двадцатого столетия - автоматом Калашникова. (Здесь основной девиз трудящихся – «без АКМ не сплю, ни ем»).

За это зеленое поле, где тебя – хватит с избытком и воли и неволи, если только перестать продавать тебя, как самую честную шлюху, познав которую, винторогие сайгаки скачут до небес, призывая самок к соитию.

Это – мой колодец, я его официальный хозяин. Поэтому я в красных трусах, я выстаиваю седьмой раунд с собственной тенью в процессе производства – заворачиваю себе изоленту на пальцы, как бинт на запястье перед тем, как выйти на ринг – они стёрлись в кровь о твои бесчисленных зелёные головы,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

и кто сравнит тебя с какой-то гидрой, тот немедленно обосрётся.

Называются такие периоды в жизни – чистым изобилием, а потом, бывает, что труба (добро сплывает):

я покупаю-таки тебя не полстакана, как кроил вначале, а ровно стакан, как это нынче модно в рекламе инцестов, ибо ровно век назад, или ровно столько, сколько осталось до скончания этого Века;

и бреду бодрым шагом, ибо с утра у меня была твоя микроскопическая доза, и я познал какую-то новую, хорошо забытую структуру: это то, что называется: не зарекайся.

Потому что было в царствии Аида такое место, где милые сёстры усаживают на электрический стул, и спрашивают, ну что, вырвать тебе глотку, кашалот?!

За рекой, в тени деревьев, Отец Эрнст.

Где она, та мысль, с которой ты простился с этим светом, прежде чем навеки попасть в царство снов, как говорят отцы-настоятели, ибо ты сделал всё правильно – ох, как правильно.

Я бреду за тобой,

Моя Любовь,

с планшеткой по пустыне, (ЗИЛ спалился), проклиная судьбу – мне кажется, она могла быть и другая.

Борис Абрамыч, проснись, ты ж, б(ПИСК)ля, на вахте!

Вот, слушай, чо скажу:

говорят, что эволюция – это случай, и голливудские сценаристы спалили наспех другую модель – типа, мы теперь такие развитые, что сами себя моделируем.

На хрена вы тогда лазаете по церквам, друзья мои?

Причем тут жизнь? Коль вся любовь – в удачный час, без лишних просьб, умно отколотой булавки – Марина Ивановна вам сообщила, прежде чем отправится в Европу – к её ледникам.

Труба, Борис:

Наш барабанщик (Длинный) снимает на камеру в ритме Саттриани бас гитариста (Бигимота), изготавливающего «джойнт», - но вот я поднимаю глаза, и вижу, что все эти слова - простой набор латинских текстов, ибо я забыл перевести шрифт,

но я уверен - расшифруй весь этот набор как следует, то есть - предайся соблазну веры в чудеса, и все пророчества налицо - сбываются, - и все эти беды от тебя,

Моя Любовь.

Вдобавок – через трубу, длина которой, разумеется (конечно же) тринадцать метров. Ровно. Это моя дюжина, и я маюсь,

Любовь Моя,

маюсь, маюсь, маюсь. От страха потерять ту, с которой ты мне не нужна, потому что, когда я останусь наедине с тобой,

Моя Марихуана,

ты либо спасёшь, либо убьёшь меня, и то и другое - благо, ибо такой выход - чистая линия судьбы, которая всегда одна – «на всех понятная».

Я сохраняю тебя в своём бортовом ящике, и тут вижу, что сегодня, вдобавок, ещё и понедельник - я не верю той, с которой ты мне не нужна, я не верю никому, даже себе - особенно в последнее время, когда вытягивать себя за уши из болота все, как говорят практикантки, "проблематичней".

Надо принять всё, как есть, и выйти из чужой системы координат, надо освободиться, удалить с листа сознания ненужные слова, и все эти страхи за кого-то - в конце концов, пора подумать о себе, то есть о нас, правда,

Любовь Моя?

Ибо когда возникает кто-то ещё, то беседа неминуема, а её времена прошли - умерли те, кто её затевали, всему своё время, возьму своё время, московские жучки тащатся по особому - и кто-то всучает тебя,

Моя Любовь,

под видом лучшего голландского сорта - почему-то с русским названием. Которое есть – единственное имя.

Впрочем, каждое имя бывает единственным – в разные времена.

Нынче время не лучшее: я убиваюсь по периферийным притонам, разбиваю рожи, в друзьях у меня – рыжий чёрт, который пребывал наркобароном, однако ж началась война с Чечней, и братки его подрезали – из столицы вроде бы и России, а еле ноги унёс (он умер от туберкулёза), и нынче ты,

Моя Любовь,

Моля Марихуана,

дешёвая бандитская шлюха, лёгкая и ветреная - тебя хорошо иметь в дороге, и ты приходишь - сука городская, я спрашиваю: чья ты сильнее, и неужели даже ты продаёшься - хотя продаёшься ты демонстративно, и не утереться этим фактом нельзя.

- Да кто?

- Да обе. Они друг без друга ни хрена не катят, все в этом мире лесбиянки, - и женщины, и травы.

Труба.

Москва.

Настаёт момент, когда разыскивают не мусора, а импресарио.

И ты вновь катишь мимо того места, где когда-то паслись лучшие тётки – теперь его, как «старую Таганку», валишь на Лубянку – а там – каждый подвал, как родной.

В недрах бессмертной столицы, нет ни одного места, где б я, как тот помойный кот, не пометил территорию.

Только вот, помойка – бриллиантовая (с алмазными,б(ПИСК)ля, (ПИСК)здами).

Но код этой комбинации знаю я один (вернее, догадываюсь).

Поэтому – пробраться обратно, на этот раз – с полной ставкой и с теми, в кого веру не утратил – это уж слишком;

мне, как два пальца прищепить – даже в моём возрасте, ежели новые зубы и не вырастают, то за эту самую пушнину – новый, конечно, геморрой (сука любовь);

Поиметь тебя – всю – и сразу целиком.

Для этого надобно всего лишь слегка обогнать время (проплыть быстрее этих самых далианских часов, которые если кто и оживил, так это, всего-навсего – Бригада Ангелов).

Ты слышал, Борис Абрамыч, до чего дошёл современный язык, самое сильное его достижение называется:

«Приятный удар»,

В другой транскрипции это называется

«Мудо(ПИСК)ёбище,
но об этом – раунде в пятнадцатом, глядишь, накинут трёшник, а с другой стороны, - протянешь подольше, хоть и в состоянии хранической драки с собственной судьбой, она, как тень твоя,

«покуришь план,
Идешь на бан...»

Я с тоской смотрю в иллюминатор, ведь автор данных бессмертных клише – вон та, юная девчонка, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

весь этот миг, пока мы тут летаем – колотит шифером мальчишке по башке, за то, что он признался в любви другой девочке мы все застряли в 98-м, когда моей возрождённой бабушке, урождённой графине Ртищевой, было всего пять – пять – пять.

Что, не въезжаешь?

Так что в этот Новый Год, я наряжаюсь в свои парадные доспехи – Черный плащ с красным подбоем, серебристые «уши» «Техникс» Чёрный пояс – а при нём сертификат, подписанный одним жадным до смерти узбеком – у него до сих пор все зубы золотые, хотя и воздух есть, чтоб их вообще не было, раз Мастер – но он и вправду боец, хоть и в самом легком весе, и тоже – с тенью собственной, да только разница между нами в том – что он свою тень обожает, а я всё стараюсь её обмануть – обманываюсь сам, потом сижу на жопе, зализываю вены, но встаю – он бы тоже встал, но позже – восстанавливаюсь – я быстрее.

Труба.

И далее – абзац, и воспоминание о празднике какого-то святого Йоргена, а со временем – Антония,

и вот я уже стою с бензопилой, дёргаю, раскручиваю, ору:

- Люди! А ведь я был прав, когда говорил: если сенатор Альберт проиграет, быть войне.
- И в той бутылке, что приплыла по океану Великому Комбинатору, году в пятидесятом, был Саддам, хоть Герой его и не разглядел: думал, что там Виссарионыч, и вот, дождались: ковбойская ракета захерачила прямо по какой-то заколдованной шумерской пустыне:

это был сон одного мстителя, с которым герой моей Одиссеи знался косвенно (весьма):

ему приснилось, что он летит над ночным Багдадом, Багдадом Небесным, на ковче самолёте, со свитком: благой вести о кончине героя Джахада, и там, вместо короля Иордании Хусейна, потомка пророка Махаммада, пребывал даже не Саддам, хоть он трижды Хусейн, и недавно четвертован агентами «Массада», именно потому, что закосил под хитрого Ясера;

ибо в свитке пребывало имя Доди «аль», и этого было достаточно, чтобы ему, «залётному» мстителю, снести его башку, вместе с чалмой.

Труба,

– и основной конфликт, тот, что называется: сам с собою, да ещё и «тихо» - внутренний конфликт.

Кто эти люди на экране? Некий Чак написал о себе книгу, где признаётся в том, что калымил киллером, и Джордж сказал в каком-то интервью – если это правда, то потрясающая, если нет – это ещё интересней.

Ни хрена себе – признание.

Для меня твёрдая истина, признанию равносильная: «Мир» погибнет от того, что мы, мужчины, не уберегли Мерлин от того, что её затрахали, а потом отравили «братки», то есть президент с министром юстиции, да и заколбасили обоих в манере английского мстителя Миледи;

Леди Ди от того, что её загнали рокеры с этим черножопым (правда потом выясняется, что у неё до Доди был какой-то хирург из Пакистана, и вела она себя просто неприлично);

должна быть третья, и это будет – явный перебор, а если сделать какое либо предположение, - не дай Бог Шиннот, лысая певица, воспетая Эженом, и из-за его дурацкой фамилии даже драматурги думают, что он – румын, и имеет какое-то отношение к тому происшествию на Днестре, когда Великому Комбинатору румынские же погранцы навалили физдюлей, отняли золото и отправили управлять какими-то домами.

Дальше – мои мультимедийные крылья, белое и черное, и глядя на собственное изображение в компьютере, я начинаю загоняться в грех, и сожалеть о собственной судьбе: если бы сделал оба крыла белыми, то вспорхнул бы, и, возможно, был бы сбит ракетой подземелье – воздух,

если б чёрными – рухнул бы вниз, и погряз во грехе – вместе со всеми теми, кого уважаю по жизни, а тем более, по смерти;

но я признал эстетский вариант:

Шахматное поле – модель Вселенной.

Художник спросил:

- Ну, как тебе?

Нормально. Если поле – черное – белое, белое – черное, то крылья могут быть только черно-белыми, и никакими другими.

Так что приходится кувыряться в этом безвоздушном пространстве буквально на грани – белого и чёрного, черного и белого, разрезая брюхом эту тонкую грань, которая – острее бритвы, и её не видно: от того и боль.

Так что – труба, труба, труба.

Борис, видел голливудский кинес под названием «Мумия»?

Там мёртвый от страха «копатель» в красной тюбетейке предлагает умертвлённому Жрецу амулеты всех религий, но когда он предъявляет звезду Давида, и читает молитву на иврите, то его оставляют в живых – язык рабов, говорит мумия.

Ты что же, не веришь в реинкарнацию, Борис? Но фараон же знал, что попавшаяся ему на пути возрождения полуслепая американская библиотечкараша – его возрожденная любовь?

Ты знаешь, что означает эта загадочная формулировка: схватить девчонку, и свалить, дорогой Борис Абрамыч?

Ты хватал и сваливал?

- Бывало.

- Отлично, значит тебе знаком этот будоражащий разряд ожидания, вон, глянь в оконце, там моя девчонка, ей сейчас пять, потом я скакну прямо на длину трубы, в ней – тринадцать измерений, по одному- не метр, сегодня третьего октября 2011 года ей исполнилось восемнадцать, я хочу жениться на ней, и свалить, наконец, как Френсис Чичестер, - на яхте в НИКУДА.

- С ней?

- Пока ей не насто(ПИСК)ебёт, это для меня – бесконечное плавние есть вечный кайф, для неё-то – нет.

- Мы на орбите, - грустно констатирует Борис, они, евреи, умные.

- В том-то и х(ПИСК)уй, - говорю я, командир нашего МИРа, и делаю запись в бортовом журнале:

Труба.

Берег Гоа – место райского отдохновения на Земле, но какой-то мудака с НТВ снимает этот мир из-под «полы», и народ хлынул сюда из некогда спокойного Багдада. Появились люди с проблемами, и создали проблему основную: когда-нибудь и здесь всё начнётся сначала.

Так что я вновь ныряю в трубу, и перехожу на тот твой сорт,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

что хорошо любить с Найоми, под огромным Сердцем Фрэнка Синатры, что чертит в небе маленький реактивный самолёт.

Вот и оно, Найоми! По-настоящему современное искусство: здесь есть всё, ибо построено – на космическом поиске нужной музыки, зафиксированной на время, и Боря подтвердит.

Включаем, - Жени Шаден, знаешь этого гарного парня с Европы – плюс.

Тут какая-то мразь, прямо под руку:

- Молодой человек!

Молодой?! Это вы душу, что ль, имеете мою.

Нет, не случилось, значит, добро победило, нет, стоп, глаза наверх – смотри, это была шутка Председателя, он просто решил усыпить нашу бдительность,

так что рано мы завели с тобой “Flight of the rat”, и откупорили единственную бутылку на этом острове, да, да, Найоми, всё вокруг уже пылает, и хакеры обламывают файлы;

он таки пронзает сердце Ангела, и на стреле (смотри), на этой стреле, натянутой, как самая тонкая струна, вот-вот готовая к обрыву, звучит – любовь.

Кто, я? Ты думаешь, сомбреро из щипаной ондатры не бывает?! Да не ондатра это, девушка, а морской калан, и когда Аляска была нашим востоком, а не вашим западом, и когда Катка завезла в Поволжье немцев, и подобным «имбридингом» заколбасила на земле самую хитрую породу, шкура этого зверька (его у нас зовут «морской бобёр») ценилась в двадцать раз больше, чем соболь.

Нет, моя шоколадная детка, никакой я не душегуб, просто я достиг такой степени самосозерцания, что легко становлюсь невидимым, особенно после такого количества стрессов, да, и бабы тут – на первом месте, потому что, вот Роберт твой, наверное знает.

Вот – я тот самый Екатерининский мужик, предки которого – всё с этой стороны этого ледового побоища, что с этой – Олега (френы) в латах, убиваемые собственными генсеками.

Что до меня – то я Блакаман добрый, мастер пранаямы, моя Найоми.

Моя стрела - копьё амура,
(Энциклопедия ангелов, стр. “Амуры”),
и вышел я со стороны Памира, где прячется джинн, потом завис над Сохо, где скоро умрёт последний Художник (уже умер), я хочу увидеть мистера Фрэнка Синатру на его репетиции с пятнадцатилетней надеждой всей Америки, что играет на гитаре, мистером Джоржем Бенсоном, на волне которого мы не перестали верить в паруса, и какое-то воспоминание о Вере, Надежде и Любви,

увидел времена, когда мы собирались курить гашиш и рожать детей, увидел, как они давно прошли, потом – извините, летим на «Боингах» сквозь пару небоскрёбов,
и вот мы здесь, с Борисом, набираем прану, и есть два варианта выхода моей Вселенской энергии:

это на выдохе смести всех и вся – они разлетятся, как пыль, а есть другая метла, вот слушай, детка:

моя голова – это чердак, можно сказать голубятня, Раджнеш рекомендовал разгонять обезьян, ну так мы здесь – сами обезьяны, просто мои обезьяны паслись на мухоморах, а обезьяны Ошо – на конопле да индийских (кашмирских) поганках.

Так что в моём варианте – это голубятня, я гоняю голубей, внизу подъезжают лимузины, летают самолёты, трахаются тёлки, и пусть там даже всемирный карнавал, и кругом одни лесбиянки –

мою голубятню сие не тревожит, потому что мои птицы выше и сильнее соседских – так вот, голуби моя белые – это мысли мои крылатые, смотри – сердце Фрэнка – это просто стая голубей, а облако чертит центральный – он летит и плачет от счастья не смотря на явные перегрузки – вот он заходит в крутое пике, но под градусом – это нижний овал Великого Сердца.

А все ваши президенты – педики какие-то, а ковбои перевелись сразу, как немцы придумали проволоку,

правда был один, артист и дока в лошадях, а когда к нему кто-то из толпы обратился, так он сделал вид, что не слышит.

Кстати, здесь, кажется, самая середина моего боя с тенью, сейчас я махну мечом, и пространство рухнет в корзину старухи Путаны, как ржавая фотография, лопнувшая от лютой стужи, как головка блока моего боевого ЗИЛа – в казахских степях.

В профессиональном боксе это называется:

«ЭКВАТОР».

Я убиваю словом, потому что, как бы я не выдавал его за сущее враньё.

Слово, оно, как приговор:

пару дней назад поймали, наконец, Садама, и самая большая ошибка янки в том, что его не пристрелили сразу – он теперь круче графа Монтекристо: нынче в столетие авиации, начинается Эпоха Шахида – ковбои сделали черножопым подарок, которого те не ожидали, - воспели новый ореол, в столетие Дали – вернули моду на усы, подвитые багдадским фиником.

Спустя определённый «исторический период», поймали и мятежного полковника Каддафи, глянь, Борис, в иллюминатор, да не в этот – здесь я тоскую по моей невесте, которая согласилась на премьеру фильма под названием «Уравнение Шрёдингера», стать моей женой (это отчаянный поступок с моей орбиты), и нам нужны деньги на монтаж, ты хоть представляешь, что это ваще за кино? Это круче, чем у нас на станции, когда мы с прошлого тысячелетия не можем разобраться, - живы мы или по-настоящему мертвы, потому как, ежели мы с Борисом призраки, отчего ж не избавляемс от губящих душу страстей, у него – к баблу,

у меня, к той, с которой ты не нужна.

Моя любовь.

Каддафи поволокли, от(ПИСК)здили, и вот она – пуля в лоб. Кто бы мог подумать! И это все после того, как президент Франции, этот Людовик – Кардинал – Наполеон, в белье, наверное, в горошек, не задолжал ему семь червонцев лимонесов Эвро, а потом этот бедуин, жертвующий (вавший)

удобствами ради, так сказать, престижа, и вовсе не намекнул ему присматривать за Карлой, а та – возьми, да и разродись.

В Париже поговаривают, что отец ребёнка – тот самый мятежный полковник, которого, в стиле разгневанного изменой Великого Петра, распяли в «далианском» стиле – на правое и левое яйцо.

Раунд восьмой

- Первый сорт, говорю я Борису, первый сорт, но мог бы быть и высший, стало быть, дадим мёртвую петлю – в память о Фрэнке, вычертим сердце на орбите, - дадим волю кайфу, всё равно связи нет.

Домой-то хочется, Борис ты мой? Абрамыч? А знаешь, у тебя лицо такой необыкновенной красоты, что за него дают три штуки баксов (так сказал Серджио Леоне, сейчас таких КИНОВ, как «Хороший, Плохой, Злой уж не снимут, сказывается долгий период без войны, мысли начинают чахнуть)

Старыми, старыми, разумеется, купюрами, которые тогда стоили золота, и теперь не стоят ни хрена.

А позволь спросить, драгой ты мой Борис Абрамыч, много ли ситуаций в твоей жизни было, когда тебя спасал не

Случай,
Бог изобретатель,

А само Спасение
Предназначалось лично тебе,

И потому выстроено было – в качестве пролога и эпилога, в соответствии с самой историей.

- Да, - уверенно отвечает Борис. – Тротил закладывали в тачку, стреляли снайперы, всё такое.

- Да нет, я не о том, - не унимаюсь.

Я пытаюсь завести твою мысль тончайшей материей эйфории, а ты опять – за бабки.

Вот, слушай, и внимай:

Только что из начальников службы освоения скважин глубокого эксплуатационного бурения был разжалован в участковые геологи, и попер на передовую курить с мастерами и бурильщиками тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана

Зашёл на буровую платформу поприветствовать друг друга дальше, как щас помню, бурила шестого разряда по имени Шерхан, весь лексикон которого состоял из трёх звуков

«Ёб(ПИСК)ано в горло»,

выудил из-под каски косяк с тобой,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

Мы поставили «кочергу» на «аркан», бригада замерла

(был спуск – подъём бурового инструмента, то есть процесс встал, и вся округа знала, почему)

Мы дунули, мне было предложено «погонять концы», то есть не утратить квалификацию повелителя основного из гигантских процессов в технократии Земли, я засовываю руку в рукавицу, что лежит на лебёдке, и до меня со скоростью, обгоняющий Свет, доходит то, что обгоняет всё – Мысль.

О том, что только что я получил верную смерть – это был укус скорпиона по весне, он сидел в рукавице, вынимаю руку – да это ещё и самка, да ещё с детёнышами.

Машинально уничтожаю всю семью, на платформе ни хрена не слышно, но все видели и поняли, что произошло, так как ты думаешь, Борис Абрамыч, помер я тогда или нет?

- Думаю, нет, - открыто заявляет Борис Абрамыч.

- А как ты догадался?

Хотя да, ты ж еврей, а вы оху(ПИСК)енно умные, раз купили все постшумерские цивилизации, и придумали ислам (Есть версия, что Моисей Придумал Массад, хоть и не взял меч, а взял – посох)

Да, я не умер тогда, хотя, согласно теории вероятности Эйнштейна, ни хрена не выходило в пользу моего вороного скакуна по имени Магнат. Просто в километре от нас стояли разведчики, у них был фирменный комплект для пустыни с противоядием от укуса скорпионов, - случайно и в единственном экземпляре, от него торкает, как от морфия, там это мухой вычислили, кто-то заначил ампулу, и целый год её не могли найти, меня привезли, прикинь, нашлась.

Понял теперь? Есть разница между тем, что тебе заминировали Мёрина, и ты от страха записался в космонавты, и тем, что называется Божественным Провидением.

А вот ещё, был случай: высадился я в 97-м, когда писал вторую часть ГОНа, на необитаемый остров, под Шумейкой, на базе моего друга, господина Полковника, с двумя ГОНчими псами, отцом и сыном, Жураем и Ревуном (отец охотился, сыночек, «Рёва» – ни хрена).

Охочусь я себе, неделю, вторую, сварил ушицы, она подтухла, готовить лень, траванулся, и чувствую – помираю.

Как думаешь, Борис, что там с теорией вероятности магистра всей вашей несметной синагоги?

Отчего ж я не помер?

Борису плохо, у бизнесменов так всегда – когда что-то не вписывается в их схематичную систему измышлений, у них начинает скакать давление.

Ответ прост,

(тут я целую его в счастливую макушку).

- Накануне полковник привёз рыбаков, они пили, отрывались, смущали мой покой, но выдали информацию, которая меня впоследствии спасла: на острове росла кровохлёбка (трава такая), корни которой, ежели их крепко заварить, спасают от поноса, и заварил, и зацементировался как бы изнутри: у зенитчиков это называется «угол упреждения».

Борис молчит.

Я спрашиваю на правах командира, - у меня достаточно строгий, и совсем не панибратский тон, как будто я только что повешенному неприятелю говорю “вольно”.

Вот так всегда, - думаю я, командир станции «МИР». - Тут работы невпроворот, а он - “есться”. Бортовой компьютер накрылся тем самым местом, на котором сидит теоретический фазан Ивана Семёныча Баркова (никогда он не писал этих стихов, это мы слегка приврали, но в первый и последний раз),

а так же о котором сидит, пилит лобзиком голую бабу из 6 мм фанеры бывший зицпредседатель СНГ, пом. секретаря сов. безопасности, бывший еврей, бывший рубаха-парень, Боря. Он сидит и мечтает.

На самом деле,

Любовь Моя,

Моя Марихуана,

самое тяжелое – борьба с искушениями.

В гражданской жизни основное искушение – это когда ты, раскачиваясь на небесных кольцах, смотришь вниз, и каркаешь себе:

Боже! До чего ж интересна городская жизнь. Она переполнена соблазнами...

(в этом месте мизансцены ОН качается на двух верёвках над городскими куполами, и видит всю эту городскую жизнь насквозь, и это, напоминая, седьмое измерение, Борис)

Это – твой текст давности, описанию не поддавшейся, и в тот момент, когда ты его писал, ты никаких особых искушений не испытывал – ты их имел не глядя, и идиотическая черта всех оптимистов планеты – это думы про то, что лучшее – конечно впереди.

Возможно, именно на таких агентах вращается планета (сам такой), на правда одна, хоть она, в данной транскрипции, слегка псевдонаучная:

энергия, высвобождающаяся после преодоления подобных искушений равна тому Юпитеру, что поглотил водородную бомбу (уже взорвавшуюся, и напоминая это глобальную разруху).

Итак, искушение, над которым порхают наши небесные кольца, и всевидящее ОКО Дали прослеживает, за каждым нашим шагом, как кино Гасса (кто въехал, фамилия его – Ван Сент):

Хороший кайф, ужасные мысли.

С другой стороны: ангел Света: он смотрит в иллюминатор, справа, разумеется: а что такое, в сущности это самое искушение? Ты ж уже загнался, и всё дальнейшее действие будет не в кайф. А не дай Бог, что-то не так.

Толи кто-то грубо себя поведёт, и его придётся гасить табуреткой (а так оно и будет);

А на мусоров – денег нет зато представь на мысль: как ты потом себя заважаешь, когда помчишься реализовывать свою энергию в

Песнь Любви,

Моей Любви.

Моей Марихуане.

Глянь, Борис, к нам опять в гости парни из соседнего «отсека»:

А этот, с низу, с козьей мордой, в иллюминаторе слева, ломится в душу, скотина, гасит – этой же монетой, да ещё на сцене – произведение, созданное этим гениальным Педиком, которого всю жизнь подозревали в связи с Великим Сальвадором, но тот был брезглив: у него стоял только на Гала.

А она его миллионы в пользу «Супер Стар», но пел там Ян – так что железную русскую бабусю просто разыграли – во тётка была!

- Ну, что ты здесь сидишь, - говорит Ангел Тьмы.

Ты и так на краю, а поди, попробуй, созерцай искушение таковым, какое оно есть, - то есть выставь тебя сейчас голым, как св. Антоний на полотнах что Сальвадора Дали – испанца, что Макса Эрнста – с голой жопой, а тут – нормальный поволжский расклад – если за полштуки (всё равно в четыре раза дешевле, чем в столице, но не рвутся они туда, народ там злой – я так и охренел);

возьмите хотя бы Людвига Вана, вот он написал свою лучшую музыку, когда знал что ОНА его ждёт, а коляска застряла в грязи, и он никогда её больше не увидит, разве что в суде, и не услышит вовсе,

Он был искушаем в высшем смысле этого слова, потому что его личная драма, как это пошло не звучит, вылилась в звуки чистой боли, которая – высшая сфера и есть.

Святой Антоний, на самом деле тот, что набирает сложный мобильный номер женского телефона, в народе называемый: «кривой», и попадет на номер другой, а потом – совсем другие цифры, и ты спрашиваешь себя: эта ненависть – и есть та самая любовь, которой так бояться выдавшие виды алкоголики и психопаты, которым есть, что вспомнить, и помнить будут их:

я прерываю этот звонок, потому что чувствую и знаю: он может стать смертельным, и я напрасно хвастался, что смогу выдрать из сердца эту стрелу, отравленную всеми ядами этого мира: моя боль заходит со стороны кипящего Солнца, как вражий штурмовик:

Вот так, Борис.

А тут – чистая техника, никто не требует ничего взамен – обмен энергиями, как верно выразилась та, с которой она тебе не нужна,

Твоя Любовь,

Твоя Марихуана.

Однако и конкурс на лик этого святого был объявлен в честь кинофикации романа Мопассана «Милый Друг».

То есть той самой литературы, которая по молодости нашей была самая искушающая – видаков не было, а к ним – порнухи на немецком, военном языке,

мы могли б и не познать тайны группового секса, ежели б не прогресс: чисто технический.

Тупеет нация. Тупеет.

Нет правды. И не то, что она была одна, её просто нет, потому что она, Святая Правда, та, с которой приходят догматы – у них у всех одинаковые лица,

Ломает свое светлое лицо об одно обстоятельство, всегда кажущееся самым важным:

каким образом в том самом месте, которое вы называете адом, или, как выразился тут недавно Одиссей Хитрожопый «царствие Аида», проводят время лучшие из нас, раз бессмертие – не проклятие. А дар.

К тому же Божий.

Так что к догматам (во-первых – Эммануилу Сведенборгу, который всегда являлся к нам в барокамеру с Борисом в образе полосатой пчелы, что жужжит во Спасение);

Мы можем высказать без страха: сначала помри, а потом рассказывай.

Тут опять подключается тот ангел, что в книге «Советы Христианину на каждый день» предписан на четвёртый день (а как раз четвёртое число);

То есть рассказывает тебе про себя, и предупреждает, что как раз сегодня тебя будут искушать, и точно:

опять этот козлорогий заигрывает с твоим личным пространством, (пусть будет так, в противном случае он может очаровать мою заблудшую душу), хотя нет, ни хрена:

ты видел его, Борис?

Смотри по фронту нашего космического махолёта, был такой лётчик на земле, дважды герой, и фамилия его была:

Алексей Шиуков, и он, в окружении сухумских пионеров, почти взлетел, а про это сняли фильм – еврей с грузином, и получилось то, о чём мы думать не желаем: у нас не может быть подобной катастрофы, потому что мы давно летим – мы мистики, и уверены, что если у соседа из кармана загавкала собака, то мы склоняемся предположить, что там мобильный телефон – но наши предки были не глупее нас, хоть и решили бы, что тьявкает собака.

Так что и демоны наши – носят шмотки, соответственно с грядущей катастрофой – она глобальная, как любое средство коммуникации, если забыть о душах, склонных к моментальным передвижениям, они рассчитывают улучшить качество своей «эфирной» жизни, нежели умалить рассказы о ней.

**Демон красив, раз должен брать изыском и лоском, и вот они,
последствия: искушения нарастают, как снежный ком, и на некоторое
время Ангел Чёрный прикидывается Ангелом Белым -**

**с чёрными закрылками, и хрен их разберёт, формулировки путаются,
одно твёрдо знаешь:**

**ты должен был уйти в антракте – тут вообще ничего такого нет – что за
грех, раз в пост – воюют на востоке;**

**но антракта нет, и совесть чиста, но ты преодолеваешь искушение
вырваться из греха – ровно наполовину, ибо ровно наполовину и
получишь то, чего желал, пуская энергию, высвободившуюся от
невстречи с грехом.**

«Гляди в глаза, и говори, когда кого и где».

На эти греховные строки, где каждая строфа – стихи

Моей Любви,

Моей Марихуане,

траве, которая растёт из земли, и за которую положена решётка.

**А там, тебя, по идее, должен посетить поп, и помахать тебе кадилом –
крепись, братуха.**

Тюремные попы – народ особенный.

А мы – вперёд с гармонью.

Труба:

Молитва.

**Прости меня, о Великодушный Господь, что сразу не прогнал черта, и не
взглянул, какими страшными буквами пишу Тебе Гимн.**

**Благодарю Тебя за подарок, равному которому
нет и не будет, ибо понял я наконец, что за счастье пребывать под Небом
Твоим.**

**Я понял, что такое любовь, я спал до сих пор, но во сне готовился воздать
Тебе.**

**Сила этой любви воистину безгранична, ибо дана она Ангелом Твоим,
Господи.**

Я уже и не надеялся, что когда-нибудь познаю Твой Мир, Господи. Однако же стал познавать Его, в тот самый момент, когда совсем перестал на этой надеяться, и бился с тоской из последних сил.

Я знаю, что ты, в конце концов спасешь нас, Грешных и нет, но пощади детей наших - они невинны, виноваты мы, ибо не ведаем, что творим.

Пощади Россию, ибо не было на Земле места, более умытого слезами и кровью.

Слава тебе, Господи!!!

Труба:

проговорив сие, я вспомнил, что уже давно закончил роман с тенью (любая драка – это всё равно любовь, ибо рано или поздно приходит раскаянье), но не могу поставить точку.

Уселся в «лотос», жду знака, знака нет, а время-то ушло, теперь вспоминаю, что в лотосе сижу все предыдущие и последующие жизни: достигаю, б(ПИСК)ля, высокого мастерства, собираюсь раскатать мозги, как Бернард Шоу – ныряя в душу собственному персонажу, капитану Шотоверу, и проорать в ту грань, где не понять, где океан небесный, где океан небесный, где морской:

«Я был в тысячу раз счастливей вас всех у себя на капитанском мостике...»

Моя тень принимает облик тех часов, что только висели на стене, и показывали стабильное, неподвижное время – идеал догмы:

сейчас я покажу тебе мой главный самопальный ката, дорогой Борис, который ты не найдёшь ни в одном боевом справочнике мира, где жесткое советское каратэ перетекает в ваше жидовское – вечное ни то ни сё.

Вот, например, вёл я в Москве курс самообороны исключительно для знаменитых женщин (первой ученицей была Лолита, Борис, задумайся об этом), который сводился к умению стрелять накоротке из многозарядного пневматического пистолета WARNIMG, находясь в автомобиле. Стрелять, заметь, я их учил с левой руки, потому как пистолет всегда должен лежать в кармане твоей, водительской двери, вот если бы я давал курс того же самого в моём любимом Токио, или в твоём любимом Лондоне, тогда бы нужно было стрелять с правой, ну, догадался же, не разочаровывай меня, Борис!

Ну, ты ж, мой дорогой сосед по экипажу, в этом сечёшь, раз таскаешь с собой свою девятимиллиметровую «BERETTA».

- То о чём?

- Я о том, на какой почве возникает антисемитизм, за это гуманитарное открытие я всего лишь потребую тебя бросить курить

Мою Любовь,

Мою Марихуану.

- Почему?! – конвульсирует Борис Абрамыч.

- Мне самому мало.

Так вот, были там по обмену опытом ваши, еврейские специалисты по «схватке насмерть», так они сначала обучали своих несчастных клиентов, как высвободиться из-под ремня безопасности.

- То есть?! – пытается усыпить мою бдительность Борис, он думает, как поиметь секрет врагов антисемитов, и продолжать курить

Мою Любовь,

Мою Марихуану.

- То есть вылезти из-под него в рекордный отрезок времени. Я предложил им оптимальный способ освободиться от ремня безопасности.

- Какой? – не понимает Борис.

Я понижаю голос до самых таинственных тембров.

- Надо отстегнуть ремень.

А на счёт антисемитов я те и так расскажу:

Не далее, как вчера, спустя примерно десять лет с того момента, как мы покинули орбиту, а именно: 12.11.11. от Рождества Христова, в МАСС МЕДИА заползла запись переговоров Обамы с Саркози.

(смотри, Борис, редактор подчеркнул обе эти фамилии красным, мы работаем в устаревшей версии, когда на слуху были Л. Джонсон и Де Голль),

следующего, буквально, содержания:

САРКОЗИ

с этим мудо(ПИСК)звоном Нитаньяху невозможно работать.

ОБАМА

тебе-то что, брат мусульманин, а мне приходится с этой мордой жидовской практически каждый день. Мишель буквально изошла на говно такого же,

б(ПИСК)ля, цвета, как она сама, кстати, как эта, ну, бывшая джагеровская шлюха? Дочку, говорят, родила? А знаешь, кстати, что этот маза фака премьер министр Израиля говорит при всём его народе? Что ты разбомбил Ливию и сдал Каддафи потому как ты его семисит лимонов нашей, американской зелени задолжал, а не за то, что он сказал, что б ты получше следил за своей Памеллой, или как её там.

САРКОЗИ

Карлой.

ОБАМА

Ну да, Карлой.

Беседа была зафиксирована на сходняке «восьмёрки», что до меня, Борис Абрамыч, то я лишний раз доказал тебе наличие у себя дара тактического пророчества, мне сейчас, честно говоря, насрать, что я в другой жизни возникну кустом

Моей Любви,

Моей Марихуаны,

который потом сам же искурю, а ситуацию в международной сфере я точно предсказал, я даже помню Черчилля на Англо-Бурской войне, когда он сказал своему, вновь прибывшему офицеру: «Гот демет, ты не успел разгрузить проститутток, па уже ранен. Хоть не в жо(ПИСК)пу?»

Чувствую, настаёт депрессия,

Мне играть в рулетку – скука смертная, а уж тем более – заниматься созерцанием вашей, лондонской капусты.

Ты будешь выдавать паёк, иди мне пытать тебя электричеством? Его и так нету ни ху(ПИСК)я.

Труба, Борис.

Здесь – сказка сказок, до боли похожая на правду:

в те далекие времена, когда полиция звалась милиция, приходит какой-то сраный мусор, и говорит мне: а что это у вас тут за кусты растут?

- А что за кусты, дедушка?

- Те самые, за которой в этой поганой стране придумали дурацкую статью 228, то есть ежли ты, мнучек, сорвал вот такую шишку.

(показываю)

то всякому (ПИСК)дору в форме и погонах возможно тебя обшмонять, и посадить. У Гаррика «С» песенка есть: тебе влепят, дескать, восьмерик за какой-то косяк, а прокурору будет в это время нищтяк. С твоей девкой. О чём я? Я, я – я – я.

(разносится эхо)

- О статье за коноплю, дедуля. Ту, что дают за

Твою Любовь,

Твою Марихуану.

Всё, конец сказке. И мы с тобой, удаляющиеся с золотым ключом Счастья, прорывая полотно Дали, то его место, где оживают велосипедисты с камнями на головах. Уж кто, а Ян Гибсон, автор самой верной его автобиографии, явно не ошибся: –

ЭЛ – ЭС – ДЭ.

Борис, иди, смешайся в интерьере интернета с бодрой массой.

Я-то в этом деле тёмный, хоть и зачинатель интернет литературы, как говорят мои автобиографы. Ну а ты – наверняка «в контакте». Это ж нормально. А я как персонаж Феллини – натуральный псих. Со справкой, не забудь.

- А это что?

- А это я нас(ПИСК)сал в банку, Борис Абрамыч, и бросил туда бычок. Пора бы уж понять, что я – потомственный аристократ, и поступаю и точно так же, как поступали мои великие предки.

С Борисом истЭрика. Ему кажется, что всё это уже было, у него де жа вю. Ему не кажется. Это происходит каждый божий день, к тому же – в невесомости.

Глядим в иллюминатор.

Рождество Христово, накануне большой драки новой, третьей тысячи с тех пор, как попы стали собирать капусту на Имени Твоём, Иисус.

Кстати, о «настроении питейном», - оно у меня уже последние два года, и мужики плавая в невесомости, подрались недавно из-за бутылки шампанского, которое этот летчик космонавт Талгат, мать его, СНГ, (ах, это

– я и сесть, пардон, пардон) потерял на прошлый Новый год, а через год опять нашел. Собирался усосать втихаря, но шампанское (нех(ПИСК)уёвое, между прочим), разлетелась по всей станции, экипаж, побросав в невесомость собственные фаллосы (они ж в материальных телах – дрочат (как выражается нынешняя молодёжь – «пакают»), с утра до вечера на брудершафт, бросились ловить ртами бесценную жидкость. Чего греха таить, я тоже сглотнул капли две.

Сразу окривел, и стал орать, «что все меня продали», попросил экипаж пожелать мне удачи, в ответ услышал проклятье, и только поэтому не вывалился в открытый космос, - вернулся охлаждать жажду мщения – и всё из-за этой американской астронавтки, её нет с нами, ибо выпихнули в открытый космос, её звали «Райт», то есть она думала, что всегда права. Ну, разве можно бабу так называть?

Но Боря плачет – он от неё, прям, приторчал.

Тем более обидно: эту бабу, предпоследнюю на должности секретаря какой-то безопасности, или государственного секретаря, выкинули по ошибке, потому что хавки не хватало на ту бабусю, что была перед ней – зовут её Мадлен, фамилия – Олбрайт – вон она летает, мы перепутали ей нарочно, потому что я, с перепою-то забыл, что знаменитый рукопашный боец Боше-До тоже с такой фамилией только пишется по-другому, так что вовсе она ему не маманя. Хоть и высказалась против второй «бури в пустыне», ну да здесь всё понятно – тогда вами командовал немец, теперь – какой-то лох, как две капли – Эйзенхауэр.

Борис, ты помнишь всю эту забавную (до дрожи) космическую историю? (Спейс хистори, е(ПИСК)бёна мать). Что, не можешь дальше слушать? А ты воспринимай её, как книгу, которую невозможно прочитать, - к ней надо искать какие-нибудь подходы, изыскивать способы прочесть её. А? Как думаешь, сколько мы ещё будем вертеться на этой еб(ПИСК)аной орбите?

Так что полетела мулатка, которую дрючить и дрючить – экипажем, а бабуся-то осталась, и плачет – потому что с той, тоже крупной государственной чиновницей, только черно(ПИСК)жопой, полетел зоопсихолог со всеми тварями - по паре (самим жрать нечего), а там был её любимый котяра, между нами, мне тоже нравился, но у меня на кошек аллергия, так что это теперь тот самый конфуцианский кот, которого нет, но где-то он присутствует – космос велик, и в каком виде там кто болтается – получает душа дополнительный разбег, ежели плоть отсоединяется, как ступень у старомодных космолётов, нам неизвестно.

(между прочим, Борис Абрамыч, как минуло с тех пор, где мы с тобой беседуем, пара котов уже «реинкарникнулось» (к боблу ведь, на халяву мы

не сможем дать нашей мифологии расчувствоваться) – в обратном, заметь, миропорядке: сначала, Маррс, чистокровный британец, охотник и царь дикого острова, и его сын, Зевс, еб(ПИСК)арь и обжора.

Зоопсихолога же самого отправили по той причине, что он – не Конрад, ибо Конрад сказал:

- Ни разу не видел одновременно умной и красивой суки.

И я, прям, как истый Франц, побрел к трапу. Ну, это так, к делу не относится. Спасло нас то, что друзья - ботаники засадили пару кустов

Моей Любви,

Моей Марихуаны,

(индийской конопли), - как видно, для себя, думали, мы тут совсем уж лохи.

Первый разнюхал, конечно, Талгат, он как раз из чуйских мест, сам на мопеде за пылью гонял. Зад, бывало, медом вымажет, и носится с голой жопой по душистым травам. Один раз его менты на двух “Явах” поприржали, и говорят, ты чего это, мальчик, с голой жопой, да она у тебя какая-то совсем зеленая?

Ты, мальчик, не нарко ли диллер?

Но наш Талгат тоже парень не промах, дёрнул, по газам, и был таков, - он же весь был к этому моменту зеленой пылью покрыт, его хрен от природы отличишь, к тому же менты были дальтониками, - им вообще все красным казалось, под советский червонец, так что они с горя взяли, и сами тебя накурились,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

То есть – сорту первого.

Теперь у нас целая оранжерея: семян собрали, и посеяли. Нехорошо, конечно, дым из всех щелей станции «МИР» идет, эфирные создания не отплывают в безвоздушное пространство, прососались, наслаждаются, суки, нашей коноплей, так про нас же все забыли, мы хоть кайфонец напоследок.

К тому же бурбулятор, - прям подарок из космоса. Мы только люк открыли, его к нам и всосало. Вот радости то было! Каждый увидел свое будущее, и

возрадовался - оно было прекрасно, мы будем болтаться по родной орбите вечно, мы никогда не умрем, и наше безумное существование и будет наш ад, а потому что мы (с ума от всего этого можно сойти!) и есть его частица, вместе со всеми потрохами.

Выходит, мы давно уже все умерли, и нами даже пытался подтереться какой-то облезлый чёрт, правда очень большой, и представился Председателем, но мы-то ему по рогам-то настучали - у нас на счет этого не ржавеет - только сунься, тварь инопланетная, изо всех щелей повылазим, глаз на жопу натянем, морду в жопу превратим, в натуре.

(А реплика была основная – «скосо(ПИСК)дился?)

Правда, Борис, ведь мы – команда! Славь Серафима Саровского, Борис, и нам воздасца!

Что, сан не позволяет? Чего ж так радикально, Данте воспел Аполлона, хоть и весь его ад сидит на доктрине, что нет веры иной, кроме во Христа. И ничего.

А та, которую я никак не могу дождаться, моя реинкарнированная бабушка, ваще, знаешь что сказала? Довела, так сказать, до сведения: она примерно с того возраста, как разбила башку шифером этому ёб(ПИСЕ)аному мальчику, которой в чём-то там кому-то там признался, знала, что попадёт в Ад. А когда выросла – призналась, что она – сам Дьявол (Председатель). Я даже заснял это признание на камеру – звук на записался, она (он) даже это предусмотрел (а). Тут до меня и дошло – это ж правда. Она ж еб(ПИСК)ёт в сети баб, как мужик, только виртуально, а какая на х(ПИСК)уй разница? Как говорил герой «Поднятой целины» Макар Нагульнов – меньше шансов схватить трип(ПИСК)пер.

Мир фатален. Так что – если мы до сих пор летаем, то судьба наша такая – учить самолёты.

Врывается информация: Израиль мочит палестинцев, они договорились с ковбоями, и всем вся эта игра, как грится, в лом, и в во всём мире, оказывается, одни антисемиты, на самом деле неохота столько платить за бензин – да кому?!

Всем, только не нам, заслуженным, б(ПИСК)ля, нефтяникам.

А теперь кругом война – а у меня среди всех нелевых ксив – самая правдивая не одна, а даже две:

ТРУБА

здесь Франкфурт, (б(ПИСК)ля) и всё на Майне – всемирный книжный форум, куда меня принесло – задрать сто тысяч «Э», поскольку мировая общественность признала: мой диск лучший вот в этом самом «МИРе», называется: «Новый

мультимедийный жанровый синтез на CD», роман – остров – театр «ГОН» (правда, там, в «Атриуме», Дима ещё не сказал – действительно, странное название, поясните, что это за проект?

Я поясняю, что это за проект, двум директрисам этого самого форума, а собрались они лишь только потому, что я, прикупив накануне тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

в «Красных фонарях» у какого-то марокканского засранца (прямо напротив ЖД вокзала), убился с утраца, и пригрозил им собрать всю русскоговорящую прессу – меня проводят чердаками, поят коньяком, улыбаются, но денег не дают.

Чую, плакали мои сто штук за лучшую мультимедийную книгу. Она настолько хороша (не текст, а книга – новый станок Гутенберга, забыл как его там звали), что все охреневают – дескать, ребята, вы настолько обогнали время, что попали в другое пространство.

Да, дорогая, здесь ты всё ж покруче, чем в Марселе, или мне так показалось, но нарко, (ПИСК), диллер столь фамильярен, что я прицеливаюсь ему в его паскудную челюсть, ну не сяду ж в центре своей этнической родине за этого мафиозного черножопого, будь он здесь двадцать раз в авторитете – все эти потуги зарубежных наркокланов выглядеть хозяевами мира, на фоне того, что твориться у нас, прости Отец Эрнст, «В Мичегане», то есть по русским деревням городского типа – просто детский сад.

Так или иначе – пара миллионов проживает, и большинство из них – плохо соображают с детства, потому как контузии, коммерческие и прочие ларьки (и риски), со всеми вытекающими отсюда криминальными последствиями, сейчас ещё ничего – нынче задарма друг другу в рожу не харкнет, а вот во времена моей мятежной юности – полверсты вперёд – назад, и в дамки – из каждой дыры какой-нибудь уродец, а за ним – коллектив с разнообразнейшим арсеналом – от напильников до поджигов, а научились делать с барабаном – слесарили ребята.

Возвращаюсь в Hotel Frankfurt am Main yam burler hof tel o 6927 39 6 0, (гостиницу*, включаю ящик, бросаю тело на тахту: там четыре пидора (квартет), поют в своё же отражение на луже – только вверх ногами, - новое искусство, новый способ воплощения, короче, новое всё, номинация «новация».

Вот там, откуда я пытался вырваться пораньше, задарили крохотного фокса, в награду за повестуху: «о настоящем фокстерьере», который в Германии возымела вдруг успех, но его ж недельного не вывести – надо оформлять кучу документов.

Да и на кармане была

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

А в «отстойнике» вполне респектабельную японскую пару перетрясли буквально до трусов, а я всё думал, согревая телом тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

что когда-нибудь я сам поставлю на сцене «Современника» Божественную Комедию», и всё у нас будет ништяк: Данте сыграет Алла Борисовна Пугачёва, Вергилия, а во втором акте – Беатриче, - Галина Борисовна Волчек, на седьмом уровне Ада в паровозном кузове, в отсеке для угля Роман Григорьевич Виктюк протащит эшелон с котлами Пинтера, Мрожека, Беккета, Ионеско, Жене, короче, всех драматургов абсурда.

Как думаешь, Борис, не согрешу я? То есть как «за что», думаешь, не за что? Да кто они такие? Этим пацанам удалось повысить интеллект старушке Европе. Я сам когда-то свернул с узкой тропы добродетели, курнул тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

и перестал быть соц. реалистом в обнимку с гранёным.

Но главный кошмар после всего этого Франкфурта на Майне случился по прилёту в Москву, и здесь,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

были ещё какие-то строки, но я немедленно вымарываю их, потому что то, что здесь было – никого не касается.

На хрена мы сами изобретаем себе все эти любовные проблемы, все эти треугольники, квадраты и ромбододекаидры (игры в массовый, так казать, повальный секс – где сам чёрт не разберёт.

«Очаровательна?»

Не так как вы.

Причудница».

Ну почему мы не можем балдеть по морям, как вольные дельфины, рвём сердца, пускаем кровь, кишки прессуем, а то и вовседохнем то поврозь, а то попеременно – те тоже трахаются хорами, и даже – вид на вид, но никогда, еб(ПИСК)ёна мать не конфликтуют! Во всяком случае, мы этих конфликтов не видим.

Первое, что напрашивается – вода.

Но ведь и у людей было нечто подобное – в песках Месопотамии, но эти заветные рецепты нынче утрачены: тут янки дали разгуляться местным «гоблинам», и все эти меры по уничтожению старой истины, «как жить, с кем быть, что пить», строго продуманы – проекты проплачены на года вперёд, а заодно план «ню-барбаросса», как весь мир ассимилировать в ковбоев: проволоку отмените, дураки. Тогда надо будет опять гоняться за скотом, постреливая вверх, выбивать бизонов и странствующих голубей:

впрочем, на хрена – тут уже скотами объявили всех, кто заплыл за этот долбанный буёк. Звёздно, (ПИСК), полосатый.

Однако ж даже янки не познали основной вопрос, как его, как его... бытия?

Тот, что так и не успели перевести с шумерского на русский – спалили, падлы, Книгу Перемен, да только не китайских (тоже, между прочим, тексты для идеального воплощения в мультимедиа), а именно:

почему это любая женщина может прикинуться лесбиянкой, а вот мужчина (ПИСК)дором – не очень, ежели, конечно, кто с «яйцами» (чисто театральный термин, между прочим.)

И вот ещё – отчего,

Любовь Моя,

Моя Марихуана,

ты кроешь, кроешь, да так, что та, с которой ты мне не нужна, уходит в своеобразный транс: её всё кажется, что вся правда на её стороне, та самая, которая, по мнению Владимира Семёныча, «одна на всех понятная», а по мнению Великого Сальвадора – «и сесть самая настоящая ложь».

За единственным ответом на все известные вопросы, через трубу ныряю в театр:

оркестр играет психоделический рок, похожий на драйв Джо Сатриани, и только его, того, кто в девяносто первом придумал убойнейшую вещицу под названием «экстремист»: белая гитара - соло, и тот, кто на неё выводит свои бесподобные аккорды, переживает за свою болгарскую деревню, которую отымели турки – это совсем не то счастье, что обещает среднее ДО:

этот гитарист недавно испытал тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

только для, того чтобы решить – станет он без тебя великой звездой, или нет, но пока что – здоровье дороже, и он говорит мне то, что я только что вымарал: что говорят мои ангелы, знаем только мы.

Что он – не Саттриани.

Приходит тот, кто играет на басу и без которого любой оркестр, как говорил Учитель – как без штанов, со своей бесподобной басгитарой – уж он-то соображает, и говорит то, что далее – везде, но мои демоны застилают мне глаза, и мне мерещится предательство.

Измена,

Любовь Моя.

Измена, б(ПИСК)ля, измена, б(ПИСК)ля, измена, б(ПИСК)ля, измена.

Подтягиваются барабаны – их набор – плоды чистого суеверия того, кто на них играет: здесь собралось Великое трио, и мы

Любим Тебя,

Моя Марихуана,

– вчетвером.

Я оставляю оркестр для того, чтобы через трубу вернуться ко зрелищу, однако попадаю в тоже пространство, однако в иное время:

В свою немислимую одиссею, где я – в числе гребцов «Нового Ковчега»:

уже потом, на это текст была написана музыка, когда часы Дали ожили и поплыли, а сквозь скважину этих часов падал человек – Великий Сальвадор назвал это – «Вокзал в Препиньяне», я был на этом вокзале спустя много лет, когда впервые увидел эти картины, и сразу после того, как мой Ангел, выбивающий из бесконечных небес эти четыре ноты : Соль, Ре, Ля, Ми, одарил меня морем слёз, потому что как только я услышал это, то мгновенно понял: никакая боль не лишит нас веры в то, что нам достался пик этой самой Свободы, о которой мало кто знает.

Но знаем мы с тобой,

Моя Любовь,

Моя Марихуана.

Помнится, я на бесконечное время погрузился в единовластный экстаз («я на десять тыщ рванул, как на пятьсот»), я видел это плывущее время, я шёл за ним, оно назвало мне срок, когда откроются Врата, и мы увидим того, кто столько раз спасал нас – от собственной тени, потому что, всходя на крест, он предупреждал нас: не вздумайте свернуть с того пути, который я указал вам – я не дам вам этого сделать, я спасу вас, только верьте, верьте, чёрт бы вас не видал, что вы созданы для свободы, а свобода – ваше счастье и есть, насладитесь им, спаситесь, и тысячи душ спасутся вокруг вас!!!

ТРУБА:

Спасаемся. Бежим. Падаем. Встаём. «Отдав концы, не помираем нао всем».

- Я как-то завернул тебя, моя любовь, в пару водолазных костюмов, чтоб не пахла так, отчего сатанеют менты, и раскладываю тебя в зелёных рюкзака с тем, чтобы дальше, пересев в другой самолёт, распихнуть в пару оккупационных чемоданов, нарядившись так, чтобы не подумали шмонять, и риск такого путешествия по выработывания дальнейшего покоя, сравним только с прыжком в ночи – без парашюта, вернее, вместо парашюта – всё тот же рюкзак Луи де Фюнеса в фильме про Фантомаса.
- ?
- Но это потом, а пока - вахтовый рейс, и все прекрасно знают, что у меня за груз, потому что здесь – все свои, и если стукачи находятся, то всегда молчат. Почти.

Мне хочется оттянуть последующий миг, ибо он чреват стрессом:

Тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

пришлось скинуть в бездну, а потом преобразить всю эту небесную клаустрофобию со стюардессой, как с принцессой (Нинкой звали), потому что знаю – меня в конечном пункте толи встретят, то ли нет, но выбор сделан – я прощался с тобой, как с той красоткой, что в разгар событий изменила:

по частям – в унитаз, правда, на высоте, куда не залетают птицы, но я прошу тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

вернись, ты всегда возвращаешься, ты залетаешь в моё жадное лоно, как Симуург Феникс – никакая это не птица, ибо надежда – мужского пола, на баб надёги нет.

В аэропорту по непонятной причине не встретили (никто не виноват), но где-то там в потайном кармане трусов нашлась твоя,

Любовь Моя,

зачатка, и музыка взыграла, которую любил, хуже, чем бабу, сочинил её Джордж Бенсон, и звалась она: «Динорах, Динорах», потом я искал её ещё лет десять, потом нашёл и постепенно охладел -

я прогоняю времени ровно столько, чтобы успеть расплатиться за грехи, их нет, но «МИР» наш так устроен, что нынче за прямой наезд сажают в тюрьму, и уже не скажешь: выбирай оружие, засранец, потому что тот свистнет понятых, а без тебя ШОУ не состоится – оно твое, и без тебя никто не сможет состыковать музыкантов, артистов, красавиц и уродов, и всё это мироздание – театр – идеальная модель вселенной, ибо это её вселенская модель.

Вникнуть в эту структуру невозможно без тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

потому что только с тобой можно сквозь эти пыльные щели той самой дюймовой доски, что срубили если не в тридцать шестом, то хотя бы в шестьдесят первом: я был здесь и герцогом, и карабасом, я рвал эту фальшь изнутри, как мог, и артисты вроде бы на это велись, но когда мне на глотку наступала моя тень,

заслоняя посеребрённый лик – с разноцветными крылами – правое, разумеется, белое, левое – чёрное, то случилось непоправимое:

«МИР» окончательно превратился в шахматную доску, а вот в шахматы с судьбой играть, с утра до вечера вкушая тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

Это всё равно, что учить язык дельфинов.

Дата, подпись.

Труба.

Шахматная доска, которая ровно через тринадцать дней засветиться на сером экране, я выволоку из штанов дирижерскую палочку,

здесь - моё шоу, это верно так же, как то, что со мной ты – я правой от водительского сидения ляжкой ощущаю тебя – ты юна и прекрасна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

ибо срублена – в апреле, так что надо бы заглянуть в твой гороскоп, а потом забыть его – всё равно ты такая, какой я тебя захочу.

Мои персонажи оживают, и двигаются в такт той музыке, что я им назначил: у меня они вышибают чистую слезу, и я вспоминаю тебя, в соответствии с европейской формулой стерилизации (чистый интеллект), однако с российским опытом жизни в деревне, хоть она и трижды чего-то там столица:

от тебя исходил аромат тех мест, что облюбили степные хохлухи.

Труба

– антракт, буквально на секунду, некое «предложение от чистой литературы», правда, со многими экранизациями, а именно:

- На данный момент, что вам приходит в ту самую голову, не которую Вы ещё не выкурили, а ту, которую Вы себе ещё не отстрелили? - спрашивает Председатель прокурорским тоном, расстёгивает молнию со скоростью света, а потом уж,

пожалуйте и гром небесный над царством земным: слетают в шляхе-Москве золотые купола над ветхозаветным Кремлём, о, я помню, как сейчас,

Моя Любовь:

посёлок Жаворонки Московской области, в особняке по адресу Берёзовая 9, на котором теперь прибита таблица:

«здесь покоится Крючок, фокстерьер без родословной, хоть и была она у него, да вся вышла – последних искурили тараканов, не то что бы эту поганую породу декламировать».

Я стоял во время того урагана, что снёс купола, с двумя ведьмами, и «Боинг 747» казался рядом с этой молнией обыкновенной зелёной мухой в этом вселенском пожаре, что виден теперь в иллюминатор, дорогой Борис. (Я плачу).

Наше бесконечное «нечто», под именем «настоящее», не всегда стоящее, но всегда наше, уходит с каждым щелчком, сопровождаемым вспышкой: оно мгновенно превращается в прошлое, хоть оно и на слуху:

я помню эхо шагов, когда взбирался по лестнице, расписанной образами Михаила Афанасьевича, и за мной немедленно вышел орущий котяра без уха – играл он Бегемота, или это был сам Бегемот, но это теперь воспоминание, как ты там у себя в офисах не мышковал. Дорогой Борис Абрамыч.

Труба

– опять криминал, и это – далеко не чтиво, как рожу по утрам не умывай.

Проходит ровно столько времени, чтобы вспомнить всю свою жизнь, но доходит, почему ж так гладко вспоминалось только после того, как понимаю - я лечу ровно столько, чтоб разглядеть в ночи собственный столб, и вот удар, я сижу, и думаю: не проколотился бы я по молодости в этих любимых и ненавистных единоборствах, хрен бы я восстановил дыхание после такого удара, после которого рёбрышки пощелкались, как перепревшие семечки - твои,

Любовь Моя,

Моя Марихуана,

было и такое: два КАМАЗа заняли дорогу.

Трамплин – в преисподнюю! – ору. Но чувствую – живой. Значит, не сейчас, и я молю того, к кому каждый пытается пробраться – на единственную исповедь: не сейчас, Господи!

Труба, как вода - в той песне про воду.

По ней плывёт, запечатан в бутылку, ящик с проектами, и, глядя на весь этот колоссальный труд, я вспоминаю, сколько было меж нами любви, не зря какой-то советский поэт в своё время спрогнозировал:

«стали просто зёмлёй, травой».

Это про нас, солдат Вселенной, а можно, как в Коране: «небеса стал дымом».

Кроме того, в этом, самом затяжном из раундов, (пятнадцать на два не делится, и, как ни крути, чего-то там «пройдя наполовину, я оказался», и т.д., всё, как у Божественного Данте),

в самый раз найти секунданта, который, в случае чего, сорвал бы белые трусы с красотки, и объявил: дотянешь до последнего раунда, и выйдет САМ - здесь правил нет, и вся эта свора демонов, играющих в тень, расстаралась забрать волю, силы, и всю эту невыносимую лёгкость бытия, действуя там, откуда не ждёшь.

Труба –

какое-то утро, кажется сегодняшнее, надо спросить у Бориса: Бориса нет, он вновь купил себе тайну телепортации, и свалил, как сифилитик, по частям;

я с ужасающей отчётливостью понимаю, что всё могло быть иначе, если бы тогда я на всё плюнул и куда-то там поехал, ах, да, в объятиях этой шлюхи – Москвы, и тогда у тебя было бы побольше времени, что бы взять, как положено у нас, у деревенских – сразу и всю, но нет, я не поехал, я возил тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

чемоданами – из конца в конец, только ради того, чтоб зашвырнуть его на полку в каком-нибудь дорогостоящем притоне, ни о чем, хотя бы некоторое время, не думать, и спокойно наблюдать, как тебя на(ПИСК)ёбывают, точно рассчитывая предел, до которого можно, на за который – нельзя.

Но через некоторое время, по другой весне, я понимаю, что иначе быть не могло, возможно, тогда, и был твой шанс, но ты не захотел им воспользоваться – а если б ты им воспользовался, то это был и не ты, потому что вся твоя жизнь – и есть сплошной, чистый, воздух, который был есть и будет.

Тяжелее взбираться, но Вершина всегда одинакова, несколько квадратных метров, ради которых ставят всё, что есть, и блефуют на то, чего нет и быть не может.

Есть вариант, - для простаков, есть, для (ПИСК)нутых, и не потому что они отшибленные – во всю дурь, а потому что судьба у них такая: не надо на неё роптать, и враньё, что мы вытягиваем карту – даже если ты всю жизнь, только и делал, что ошибался, – это был ты, и твоё место в этой игре всегда самое выгодное, в противном случае ты проиграл, но и проигрыш просчитан, потому что если бы только и делали, что выигрывали, мир бы перевернулся в сторону чистого света, и мы бы сгорели в лоне чистой любви.

Мы смотримся, как в том староанглийском зеркале Льюиса, вместе с его незабвенной Алисой:

у него прессконференции, восторженные девочки, заграница – у меня травмы, физические и душевные, и постоянный восторг от неизбежного будущего нашего: вот шарахнет по-настоящему, тогда, типа, посмотрим, кто свой шанс использовал, а кто – нет, и кто из нас – настоящий фаталист, хоть и я не помню той мысли, ради которой сейчас бросился к бортовому ящику: а записать я хотел:

Православный рок, правосторонний бокс.

Я бьюсь с тенью.

Меняю стойку на левостороннюю – то есть вполне естественную для правши, «я – в зеркале» становится левшой, а что до тени, так ни хрена, я могу продумать всю картину дальнейшего боя, ей этого не надо – она моя, и не тратит времени даром, она фильтрует демонов, ибо не все сюда годятся, нужны самые спортивные.

Слышь, Борис, я, кажется понял, как мне её нае(ПИСК)бать.

- Кого? – Борис оглядывается, и производит в невесомости кульбит, решив, что нас - таки много.

- Свою тень.

- Как?

- Надо сбить её с собственного ритма, и заставить работать, как радар, между прочим, тот же самый русский изобретатель, что продал Бушу «Стэлс», теперь шантажирует Пентагон, потому как придумал радар, видящий его же «невидимку». Круто, да? Твоя мохнатая рука бизнесмена не помахала этому проекту? Нет? А что нет? Давай, настраивай рацию.

Всякому искушению, даже самым пошлым образом проигнорированному, немедленно нужна компенсация – и вот она, полная потеря формы, хреновая водка, сосед по «клетке», и тень вырастает в степень – сейчас она меня просто будет бить, возможно, руками, приходится выигрывать хотя бы по очкам, тем самым наказав «ближнего» (самого ближнего, ближе не бывает*), и если это бой (ничего в этом нового нет, «бой с тенью» - самая старая формула боя изо всех, что есть),

то он – твой враг, а с врагами – сражаться положено, раз уж ты такой набожный – за Веру.

Труба –

я сижу в неизвестном баре в неизвестной стране, и толкую с кем – неизвестно, да и на каком языке – не помню - но понятно – о чём, то есть о том, что представляешь нынче ты,

Моя Любовь.

Моя Марихуана,

твоя музыка не нуждается в словах, тут итак всё ясно.

То есть составляю «критериальный» прогноз на счастье всеобщее: берег моря, пальмочка, текила, золотые фишки, фиксы золотые (они снова вошли в моду, что до меня, так и не выходили вовсе);

водные лыжи, и никакой вражды за идею – плевать нам на неё, гляньте в стальную стену станции «МИР», о которую собирались давеча башку себе разбить: тень исчезла, счастье наступило, ан нет, присмотрелись – вот она, тень моя, просто солнце в зените, и мы опять – часы солнечные, как в жёлтой пустыне, среди белых тюльпанов, по апрельской весне – осинового колья, да и не мы это, а воспоминания о нас, если кому есть, что вспомнить (о нас).

В этом восьмом, «затяжном» раунде, дошёл, наконец, смысл этого довольно долгого спектакля, то в ринге, то в клетке, (а всё едино – работаем на публику),

и настанет время, когда мы увлечёмся настолько, что перепутаем: кто с какой стороны.

И это совсем не та клетка, в которую я тыкаюсь небритой харей, когда решаю вернуться – дверца захлопнулась, а я разучился жить в неволе.

Это - конкретный барьер между мной и тобой,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Труба –

Очередной крестовый поход на столицу предстоит осуществить спокойно, с холодным сердцем, душить врагов, пленных не брать, и в тоже время быть в меру великодушным,

а пока,

Любовь Моя,

ты дорогая, до такой степени, что на жратву не остаётся, а потому я пью бессмертник, чтоб до смерти не пропасть, и доказываю местному бизнесу, что вся философия их успеха, его, так сказать, ореол, - это большое количество нимфеток, без мозгов, но со страстями, и всякими неформальными уклонами.

Труба:

инвестор, он действительно позвонит по трубе, но чуть позже, а может он вообще не позвонит, но шоу продолжается, и поэтому позвонит кто-нибудь другой, а если нет - я сам позвоню, говорю я громко, в ящике - тот самый эпизод, что сочинил я как-то с танцовщицей - татаркой, в которую я был смолоду влюблён, прошли времена, это были времена танго,

Любовь Моя,

а это было в Ялте, я пьяный в сраку бегал по набережной прямо в акваланге за старомодной чернобровой шлюхой, и даже хлопнул по помпону какому-то не нашему матросу - здравствуйте, метр - вот "Калипсо", в там, на линии горизонта, - стада горбатых китов, но почему Калипсо, командор, а не, скажем, Пенелопа?

Что за дела, как это Одиссей Хитрожопый не смог тормознуть на этом немыслимом острове Гомера, где царил одна, а остальные – тоже тридцать три, как ангелы Сиддхартха, – слегка ассистировали? Где она, вечная любовь, отчего в этом мире измены, и на хера он такой нужен, если здесь – сплошные измены, и чистая боль, где старший!

Самого мне на этот раз не покажут, ещё какой-то раунд – из не последних, и в этот раз нокаута не будет, - я понимаю тайну мастерства:

если ты сможешь сделать финт собственной тени, да так, что б та повелась, - ты Великий Боец.

Эта тень слегка отклонилась, и я успеваю прощупать её время, потому, что свалить её самому невозможно, - значит, свалился сам.

Башку он себе тоже рубит сам – то есть его двойник, да ещё в зеркале.

Короче, Борис!

Нам нужен Председатель, без него не разобраться, потому что, пока ты тут наслаждаешься невесомостью, Абрамович тебя просто грабит,

Труба.

Самое изящное изобретение двадцатого века – телевизор! Он – мой друг и собеседник, а недавно по каналу Россия, уже слетев с орбиты, мне какие-то две стильные волыны в морских костюмчиках, и без трусов, транслировали так в наглуую, что прямо – в слух:

Рыжая

(Белой). Он больше не может сочинять на борту нашего прекрасного корабля. Сделай его опять несчастным.

Белая (Рыжей).

Да, но я ему уже дала.

Давно?

Давно.

ТРУБА.

Вначале – вроде ничего, когда ещё хотя бы виден свет – даже с той стороны туннеля, откуда мы с Борей начали свой путь в эту длинную пустоту;

а потом – тот самый агрегат, который моя страна создала себе, как памятник:

«ЗАЗ», или, кто сходу не врубается: «ЗАПОРОЖЕЦ».

Меня тут недавно одна московская девушка спросила, с надеждой, что скажу «не было этого».

(«Было – не было», это пьеса во многих картинах, где престарелый режиссёр порнокино разбирается со своей подругой: фээсбешница она, или не очень).

- У тебя что, был «запорожец»?

- Ещё как был, детка. Это был «Ушастый», без ушей, они были оторваны при въезде в гараж, куда мои выжлецы – братья, Гобой с Жураем, стащили мне как-то чёрных котов со всей округи;

при виде этой машины дрожала вся столица, б(ПИСК)ля, Поволжья, потому что тормозов у неё не было, был ручник – на правое заднее, но тормозить приходилось бордюрами, сугробами, скоростями;

в эту машину усаживалось столько баб, что их вместе нельзя было выставить на Большую Сосачью, бывшую Казачью,

что до казаков, то не раз катался со мной в этой машине знаменитый саратовский казачий атаман Николай Ремардович Каракулько, звали которого промеж себя – «Е(писк)БАНЬКО», и всё потому, что не было у него в этой жизни никаких видимых препятствий, вот, например, сидим у меня дома, выпиваем: тут он вынимает свой «ТТ», начинает палить, следом – я вынимаю «наган», тоже палить начинаю;

А вот, как-то мчимся по «Ленина», сначала за шлюхами – которые убегают в жёлтом такси,

(тут мы немного отвлечёмся, и вспомним интересные клише в устах злодеев Стивена, отца всех «ноль-ноль седьмых»:

«Мне так и не удалось организовать Вам интересную смерть»,

и

«интеллект удачливого преступника сильнее любого другого»).

Гонимся, потом стрельба, потом мусора, потом – охота.

А что там была за печка! Единожды я к ней прислонился голой задницей (было и такое, это в «Кадиллаке» легко, в «ЗАЗ» - всегда непросто, ибо здесь нет никаких гарантий), так вот, взгляни, Борис ты мой, в иллюминатор

(это было, как только он взошёл на борт, и при нём была ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана, да такая, которую можно купить за деньги, - уверен, что кроме нас, здесь присутствующих, никто не имел такого удовольствия – пыхнуть на орбите, а потом с орбиты сорваться), так до сих пор остался шрам, - вот, взгляни,

на правом полушарии, война нарисовала свою страшную гримасу, и, как сказал бессмертный Вильям в двенадцатой, кажется, ночи:

«Ни один сводник не превзойдёт славу храброго человека»,

и если нас всё-таки схоронят в общем могиле под названием «МИР», как выразился как-то Михал Михалыч, «постреливая вверх», то это - не претензия на общество Амадеуса – у нас своя могила, правда, Боря?

И тут я, к ужасу своему вспоминаю, что есть у нас тут ещё один Борис, почётный пенсионер, и я за него даже как-то проголосовал, правда, мысленно, и заморозили его под номером

«13»,

так что я мухой размораживаю его, для того, чтобы задать один единственный вопрос:

а скажите, дедушка, вы когда-нибудь говорили Раисе, пардон, Наине:

- Я хочу бежать за тобой по пляжу, слизывая соль с твоих плеч?

А он мне возьми, да и скажи:

- Талгат, я узнал тебя! У вас под номером один едет замороженный Владимир Ильич, разморозьте его, и выкиньте (извините, это всё-таки бывший президент, хоть и на пенсии, так что любая цензура здесь, согласно поправке, неприменима), на х(ПИСК)уй, иначе Россия ни хрена не возродиться. Ау(ПИСК)дерзейн.

Во, какие дела у нас творятся, а я, как последний русский, бьюсь с тенью.

В единственное окно: летит рядом с нашей станцией «МИР», хоть у него водительская дверь не открывается, но на рулевом сидении – я, молодой, счастливый, и без тормозов – у этой машины ровно месяц включалась только задняя скорость, так я ездил задом.

Это, брателло, чистая литература, можно сказать – синематограф, а вот то, что наша единственная баба на борту отослана мной – в безвоздушное пространство, и всё за то, что уничтожила посевы твои,

Моя Любовь,

та зацвела в чьём-то там скафандре, как вечный знак из семени – жизни бесконечной, и без суеты,

Моя Марихуана, -

это чистая правда, и потомки нас рассудят, потому что пока:

я спаррингую в нужном режиме.

Шоколадка моя!

Сегодня я пред тобой не натурально, а в виде вложенного в пластмассовую бутылку из-под барбулятора пергамента, ибо я знаю, что если ты в этом океане вод её выловишь.

Если моральная смерть Джо Формена (а для него этот нокаут был на тот момент смертелен, неважно, что он остался жив), была predetermined каким-то сраным колдуном какого-то чекунатого диктатора в леопардовой пилотке (Мапуту),

то моё забвение – во тьме небес, и мне плевать на грядущую ломку, уж тебя-то я разыщу на краю того света,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

А что, б(ПИСК)ля, не predetermined?!

Все предсказано пророками, и Титаник, с этими летящими по обе стороны планеты «SOS», и судьба того субъекта, что догадался не взойти на борт, - суть корабля была предсказана, – Али сдал под конец, потому что сглазил Джо с помощью личного колдуна Мапуту.

На хрена великанам какие-то инструкции, как прочесть эту огромную книгу, ведь он великан! – высказался как-то в анналах своей библиотеки Великий Мистификатор – Хорхе Луис Борхес.

Кому было суждено, тот не отвертится, и все эти теории на счёт кармы – враньё, ни хрена мы её не ткачи, уже соткали – не сможешь, не встанешь, а сможешь – встанешь, да только смог – не смог – явно не ты.

А эти лихие братки – что они сделали с Мерлин! Да не Менсоном, хотя у него тоже ничего – говорят, дал отсосать двум полицейским, те теперь просят по семьдесят штук комиссионных – вот, всё ваше сраное правосудие, как сказал в запаре Аль Пачино “для всех”.

Не, тех захерачил какой-то герой Дюма.

И всё из-за бабы. Где-нибудь служил, а её привезли на передовую.

Что до Де Ниры этой вашей, милая Найоми, то я совсем не против педиков – у них восторженные глаза и квадратные уши, я люблю их с каждым днём сильней. С каждой последующей секундой.

Прощай, моя шоколадная красавица. Ивановские москвички и череповецкие мулатки – тоже ничего.

Россия, Найоми? Или Германия? – все рыцари были там, но их утопили в России – большим количеством крестьян.

Россия - это большая равнина, по которой носится лихой человек - согласно Антону Палычу.

(Борис! Ты где? Вон она – внизу. Вернее то, что от неё осталось, ну ни хрена, мы возродимся, и засадим поля коноплём, при нынешнем уровне радиации динозавры будут жрать её как папоротник, и всё начнётся сначала – планета, вон она, крутится в ночи, значит мы вернёмся.)

Россия - это единственная страна в мире, где мужчины сами себе делают массаж простаты, потому что больше некому.

- Ой, а как?

- А вот так детка, смотри на меня, и следи за последовательностью моих движений:

Ну? Способен на такое Де Ниро твой?

Да нет, просто здесь, в Калифорнии у вас черножопый сидит на педике, а кругом все равно - одни евреи, разгуливают в своих ермолайках, и сам Председатель им не судья.

Кстати, о присяжных: я сочиняю ПРОЦЕСС.

Дорогому Францу Кафке, вместе с его детскими кошмарами такое и не снилось.

Раунд девятый

Летим с Борисом на «МИРе», тут, в буквальном смысле, потрянуло, вспомнилось, стоял я как-то недалеко от Тенерифа на якоре, была хорошая погода, я дремал, вдруг такая же ху(ПИСК)йня, как сейчас (Борису нужен

пендель, что б он отправился в кокпит и сверил компасА, но мы обходимся бЭз него, - здесь все свои), так о чём я?!

- О Тенерифе, - отзывается Борис, подёргиваясь в невесомости в ритме незабвенной румбы, переходящей в звёздное танго.

- А, ну вот, оказалось, горбатый кит хлобыстнул хвостом о якорный канат, однако рыло-то я высунул, а там – этот ваш жидовский авианосец «Джордж Буш Старший», прям по нам – чуть своим богопротивным рылом, аккурат по «миделю», стало быть, не пропахал.

_____ Однако, возвращаемся на курс.

Знаешь уравнение Эрвина Шрёдингера, Борис Абрамыч? ты ж наверняка мех. мат кончал, где, в МГУ?

Это – уравнение квантовой волны, замурованной в пространстве одного автомобиля, в свою очередь замурованной в гараже, замурованной в доме, который в свою очередь превращён в декорацию для съёмок респектабельного порно.

Да и удар хвостом по канату: у строящегося корабля, на котором я скоро пойду от мыса Рока – по Северной Атлантике, до Тенерифа, а потом прямо по экватору, грядёт – в нашем прекрасном будущем, когда мы с тобой откинемся с орбиты (на забывай – в пятнадцатираундовом поединке «экватора» быть не может, но может там скостят трёшник на «орбите», и «экватор» мы давно проплыли, тогда готовься к эвакуации, поехали грабить периферийные сберкассы);

далее идём: от Кабе Верде (у меня там подруга креолка, зовут Рикарда), до Дороги Бимини, я хочу отстроить дом Отца Эрнста, его спалили.

Борис, ты знаешь, что такое « замурованный «Альфа Ромео» (его замуровали демоны два слоя красного кирпича, но я этой стеной пренебрегаю, мчу к известной артистке (Татьяне Друбич), доказывать приоритеты моего метода киносъемки.

А у ней аптечный бизнес, а я, как дурак, на четвертом этаже жаворонковского особняка, среди десятков тысяч беличьих кистей Сальвадора, уже установил циркулярку, - чтоб, значит, секс – так секс – кинематограф, это, видишь ли, не игра, а жизнь со смертью – пора, сестрёнка, пора.

Вокруг летают братки - вот Боря, вот Вова, вот какой-то мужик в водолазном костюме - его тут вообще не было.

Я ничему не удивляюсь. Я понимаю, что «оторваться» с тем самым эффектом, на который рассчитывал, мне не удастся.

А потом вспоминаю, что приходит это воспоминание – на грани катаклизмов, и в каком-то из предыдущих раундов, (а их прошло больше чем осталось), до сих пор к нам в «МИР» бойцов победить свою тень никому не удавалось, и, думаю, не удастся.

Я заигрываю с этим обстоятельством ровно до тех пор, пока мне не скажут – иди, себе, капитан «Хитрожопого Одиссея», мастурбируй – как в последний раз.

А вот как только это обстоятельство наступит, так и конец - а я уже не хочу, да и нельзя мне - я ж командир корабля, набитого дебилами, - им уже все равно, они привыкли, они смирились, они перестали верить в себя, а я верю, потому что как-то раз вбил себе в голову - самое главное - верить в себя (а верить надо в Бога).

Потому что Бог создал воду, а она несёт в себе всю информацию о Вселенной.

«Над тобою не задумывается, что ты такое», - сказал Антуан де Сент. Экзюпери. Человек, мечтавший, чтобы его могилу не нашли, но нашли-таки, растащили на челюсти и пломбы.

Поскольку мы все – из воды, то и купаемся во плоти своей – как дети.

Вода помнит всё. Она сдаст нас Всевышнему, когда, он задумает искупаться в Океане.

Моисей молитвами раздвигал воды моря,

Иисус по ней ходил, она держала его,

Профессор Масару изучал её под микроскопом: Экклезиаст, Экклезиаст!

Мы смотрим вниз, и видим, что на Земле больше нет такой воды, куда нельзя было бы войти дважды.

На такое была способна лишь та, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

Когда прошлась босыми пятками по льду, который как-то взял, растаял, и уплыл.

Однако, Борис, нам тут нельзя грустить не на секунду – толкнулся в борт, полетел в соседний отсек. Гляжу, вылетает Талгат, а я, командир, ни чего другого не нашел, как сказать - ты откуда? Он выдержал чисто Мхатовскую паузу. Говорит - от Вали.

От какой, спрашиваю Вали? Врываюсь в отсек, смотрю - Валя. Куда ее теперь? Хороший финал для женщины – космонавта - не каждой бабуся удастся так эффектно отдать конец - что б кончить в столетний юбилей, да и в последний раз.

Обмотали красным флагом с серпом и молотом - “СССР”, и отправили в пространство. Подышали из бурбулятора,

Моей Марихуаны

(у них как всегда ни хрена нет, им скоро на пенсию, и они бояться за репутацию, представляете, Валя, как и Уитни, пыталась протащить через космическую, б(ПИСК)ля, таможду

Мою Любовь.

Да и чуть сам все не перемерли - от страха - тут она распаяется из ящика, и начинает носиться за станцией – как Наташка Варлей в «Мосфильмовском» “Вие”. Стукалась во все места, безобразно хохотала, говорила, что первые космонавтки на дороге не валяются (как и народные артистки), и, мол сейчас я вас туда—сюда.

Потом это чудачье просверлило дырку в открытый космос, как средство от триппера, и начало всё подразделение пихать туда – все, как один вне очереди, - все ж, блин, герои и пионеры.

Теперь половина без хренов, языков, пальцев, а те, кто не успел – абсолютно деморализованы: они смотрят вниз на то, что там осталось – пирамиды Хеопса и Майя, да письменные прогнозы какого-то япошки, что пятнадцатого мая третьего года третьей тысячи, при её конкретном размене, где имя Создателя ваще не упоминается, начнётся какое-то там возмездие и мыслят: ладно на равнине, но ведь индейцы – то есть те, кого наши бледнолицые братья называют их до сих пор, потому что не знали географии, и решили, что грабят Индостан,

на хрена такого нагородили: и всё предсказали, да и нельзя было перетаскивать мумии под вспышки аппаратов.

Древний город Чичен – Ица! Двадцать залётных драконов, а пирамиды – послание Богам.

Я боюсь, что команду разопрёт, и она возомнит себя, - и нам сразу же будет суждено погибнуть, то есть мы – последние из тех, кто сбежал от Расплаты

Двадцать третьего декабря две тысячи двенадцатого года, как сказали Ацтеки, а не те, кто правил бал, спокойствие, только спокойствие (смотри в дату бортового журнала, Борис. Те строки писались, как только мы начали с тобой наш орбитальный полёт, тогда это было актуально, а нынче – ни хрена.

Сегодня двадцать первое декабря двенадцатого года, нам плохо видно, что внизу, но за нами что-то не летят, так что мы с тобой – космические ЗЭКи. Как в кино с Вином Дизелем).

К тому же вернуться должно двадцать – «на лодках без весёл», а я – тринадцатый, так что ждём семерых, баб отправили, ибо рожать детей они не могут – в космосе научный факт, да и рубки в экипаже, сам я их же и зачинщик, ибо бабы здешние – мои, сам метрику смотрел – ту, что предписана Пророком.

Так что, Боря, постой пока на шухере: я сочиняю про

трубу,

что лежит в месте, известном мне одном.

- Что за труба?

- Ты охренел, Борис. Моя труба – это не смена измерения. Это – смена пространства во времени, так что никакого риска. Ныряй.

Нырнул.

Спросил:

- Вот, например, какого, спрашивается, хрена?

Англичане в 1999 откупили часть всенародного фестиваля «Золотая маска» (за весьма скромную, надо сказать, сумму), и навезли в Россию какой-то левой драматургии, и всё про героин.

(Тут я обнаруживаю, что беседую с собой всё-таки я один, а Борис Абрамыч растворился и вернулся на борт «МИРа»).

А потом и наши зассыхи подсустились – играю на сцене «Ленкома» бесконечную пьесу под названием

«Москва – открытые ворота»,

читаю текст, и в который раз понимаю – хуже нет баб, борющихся за свои права. С кем они борются? Какие-то слова про «тяжелаяк», которого не знают, да героин, которого не видели, какой-то непонятный язык с неизвестным сленгом – зачем?

Меня просят сыграть с текстом в руках (таковая техника постановки пьесы, придумана в центре Юджина О, Нила в Коннектикуте, его директором Джорджем Уайтом, и перехвачена нашими режиссёрами, начиная с 1988-го года),

я играю подряд с тремя разными великолепными партнёршами и ныне знаменитыми актрисами, три куса из забытых пьес, так и не ставших знаменитыми драматургов одного с актрисами пола, игра прекрасна, пьеса ужасна, мы с трудом выговариваем слова, которые, должно быть, означают воздействие твоё

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

фестиваль заканчивается, подходит директор Ленкома, завёт в артисты.

С удовольствием, но не могу. Мы с Борис Абрамычем подписали обязательство: заботиться о «МИРе».

Труба:

Я показываю сыну
«SUPERSTAR», и его настораживает, что Иуда – чёрный.

Я, да простят меня служители «от культа», говорю ему: да пусть хоть ходящий фаллос: с надписью «ИКС, «ИГРЕК», и ещё какая-то х(ПИСК)ня, похожая на

английскую «N» с чаплиновским котелком, это же и есть – та самая революционная режиссура, которой нет и больше не будет.

Смотри на нас – мы, последние хиппи, и ты – единственный, кому я доверяю запечатлеть эти мысли, когда сгораю к котле, стараясь приучить свою душу и тело терпеть любую температуру, даже адского огня;

А вот, послушай, сынок – ария Марии Магдалины, и самый первый фильм, который снял в моей жизни, я заканчивал именно этой музыкой, - если ты поймёшь меня сейчас, то будешь добрее, чем был я, ибо мне в твоём возрасте некому было это сказать.

И вот ещё, только не говори своей маме: я всю жизнь ставил тебе удар, и ты вырос генетическим бойцом: если тебе вдруг понравилась крутая тётка, то первым делом выстегни её телохранителя, хотя бы одного – остальные не сунуться, и скажи бархатным голосом, ибо волнение, даже любовное, тут не при чём:

«Сим сим – откройся» – она тебя поймёт, ибо на языке неофитов это означает:

«Этот человек зря тратит ваши деньги, мадам, и пусть он теперь не играет на чужом поле».

Можешь даже после этого не разряжать ему пистолет в башку, тебя посадят, а он уже обосрался, ибо промахнуться ты не можешь – я тебя учил.

Я пересказываю историю Борису уже после того, как перестал изменять тебе,

Моя Любовь,

Моя Марихуана.

Ибо сегодня я поменял приоритеты: та, с которой ты мне не нужна, совсем не та, что прежде.

Потому что настанет момент, когда я закончу писать эти строки, но мыслить на эту тему рановато:

в первых строках этого немислимого боя с позиции среднестатистического обывателя, и совершенно естественного с позиции профессионального бокса, что английского, что тайского, я думал, что профинтую до конца, но я устал, дышалки нет, хоть и ты и стимулируешь к победе,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

но нервная система – ни в (ПИСК)зду, ни в Красную, как грится, армию.

Хотя, с другой стороны, никто из зоотерапевтов так и не смог объяснить что такое – нервная система.

Но, как было сказано в шоу Тайры Бенкс «Топ модель по-американски»,
«вокруг неё слишком много чернокожих».

Двенадцатый, «роковой» раунд ещё не наступил, к тому же одному Отце Небесному с ликом Отца Хема (он боксёр) известно, доберусь я до руки рефери, аль нет.

Моя тень быстрее принаравливается к моим финтам, чем я успеваю их изобретать – по ходу боя, само собой, ей не приходится напрягаться, она – это я сам, с другой стороны, мы Звезды видим по отражениям, так что в нашей системе зеркал, кто здесь главный, а, стало быть, кто кого на((ПИСК)ебёт, никому неизвестно.

Это бесконечное мастерство битвы восходит ко всем немислимым Высотам Проникновения, так что мы берём с моей тенью Меч.

- Откуда Он у тебя? - спрашивает Борис, протягивая руки, но я Его ему держать не дам.

- Это длинная история, но могу рассказать вкратце, - это моё Семейное Оружие, хранившиеся в Семье со Вреён моего именитого предка, короля викингов Родвальда, могилу которого раскопали те, кто не должен был этого делать: он был похоронен в своей сороковесельной ладье, в золотом шлеме, с тем самым мечом, который сейчас находится в моей руке, и ты никогда не поймешь, мой боевой еврей, в какой руке я держу его: я одинаково хорошо владею обеими, ты же видишь по три раза в сутки, что я чищу зубы двумя щётками одновременно!

Борис, ты как?

Труба.

Первопрестрольный праздник Архангела Гавриила,

Любовь Моя,

вот он оказывается, мой главный ангел, а я всё думал - Григорий Победоносец, но на самом то деле - решительно и оба.

Все осенние патриархи съехались в Меньшиковскую башню - ту самую, которая давно меня приняла в своё лоно - и это настоящий Знак, ибо лик Спасителя сиял над золотыми шапками этих почтенных стариков, делающих свой обряд на полном серьёзе - значит веруют;

потом схлопотал от ведьмы, меня исцеляющей, такой удар, на который способны только китайские мастера (даже в «студенческом меридиане» в году этак семьдесят восьмом писали, что Великий Брюс скончался от такого удара - на самом деле он помер на тайской шлюхе - от передозы, своего удара он так и не пропустил, мастера не нашлось - он пришёл, как водится, от бабы);

я сижу в синем халате, пишу эти строки тебе,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

ибо тебя сегодня была последняя капля - остальная на стенках того сосуда, откуда периодически выскакивает джин - нынче он лыбится, до пределов, отмеренных природой.

Грядёт новое шоу ГОН, и я спокоен: ангелы пишут такую музыку, от которой содрогнуться небеса, пока они - каждый на своём облаке, но скоро они соберутся, дабы сыграть реквием по моей безумной любви к той, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

денег нет, все предлагают бартер, однако после очередного нырка в

трубу,

становится ясно: я бреду с двумя мешками гидропушины, я промок, пьяненький, но смотрю орлом, потому что то были времена давние, и в этой стране все были равны (почти все), душа моя не больна, ибо если бы при этом больна была душа моя, я бы не секунду не раздумываясь, отправился бы сейчас во тьму, смело разгребая себе этими мешками утлый лёд: и смерть прекрасна, когда оно несёт лишь избавление;

на самом деле это – и есть та самая тонкая, как лёд, нить жизни, грозящей минимальным перевесом в сторону смерти:

она держит меня по весне, как грань бытия.

Ничто не спасёт тебя в этом МИРе, когда твоя рана – всякий раз неизлечима, ибо дяденька ты – впечатлительный, как тот клоун, что падает в обморок всякий раз, при виде одного и того же рубля – получатся бесконечный восторг.

Надежды дяденек питают, Боря. Надежды.

Недавно та, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

узнав, что я как-то превысил самооборону (в два раза), и за то пребывал в местечке под Тоцком, в народе называемом «Дизель», с надеждой в голосе осведомилась на счёт увеличивающихся шансов увидеться в Аду.

- Собралась в Ад? – спросил её я. - Ты хочешь продолжать видеться дальше?

Она себе его как-то уж больно натурально представляет, безо всяких расчётов на иллюзию. Ты как думаешь, Борис Абрамыч.

Джон Апдайк в своих «Иствикских ведьмах» создал для Председателя хороший монолог, который потом гениально воплотил Джек Николсон.

Чем Бог думал, когда создавал женщину?

Самая-то первая, Лилит, была ещё большей курвой, которой после оказалась Ева, мать матерей её мать.

Сматываемся из этого измерения, Борис.

Так что вот он, кувырок в иное измерение: Одиссея, друг мой, Одиссея, в ней почти всё о созвездии Гончих Псов, давай, Борис, рули туда:

Не говорилось только о самом Муррзе – том объекте магического реализма, над которым бьются все, кому не лень.

Все началось с того, что вожак нашей ГОНЧЕЙ стаи, звали которого Журай, объединившись с мятежным духом своего родного брата Гобоя, сгоревшего в семимесячном возрасте от интритита, и мы слез море пролили по нём, ибо уже в семь месяцев гонял, как сивый мерин, и даже как-то сожрал целиком подраненную слегка козу (подранили, потому что сперва подумали, что это

по лесу скачет голая баба, или ведьма – того лучше, поиметь такую – лишний грех замолить).

Так вот, Журай натуральный, с Гобоем покойным, повторимся, мятежным духом его, ибо сказано нам было раз и навсегда Патрекеем – нельзя душой привязываться к ГОНчим, ибо это расходная собака – с ей надобно всякий раз прощаться навсегда, как только та в лес уходит, (а мы взяли, и полюбили его, как родного сына, да и Журая взяли уже после того, как Гобой сгорел, а ровно через восемь лет сгорел и Журай, за этот самый грех, о котором речь ниже*);

Две наши собачки, два русских пегих выжлеца – видимый и невидимый, приволокли на грудь Одиссея (*), когда тот, разбившись предварительно на ушастом «Запорожце» (ЗАЗ*), вернее, безухом, потому что оба уха уже давно оторвали, ЗАЗ, у которого никогда и нигде не сыскать тормозов, поэтому тормозили из него то правой, то левыми ногами;

Приволокли на грудь Одиссея (*) двадцать три (23) черных кота, ибо хотели сделать ему приятное, а проснувшись, Одиссей (*) чуть не сошел с ума, ибо был с перепоею, и решил, что вокруг не дохлые черные коты, а в груди у него вместо пламенного мотора – белая «белка».

С тех пор объединенный кошачий дух тех котов помойных, что положили свои жизни (фактически*), чтобы сделать приятное (*), что едва не привело к его физическому и моральному, утреннему аутодафе (сушняк*)

С тех пор Муррзик и ГОНяет нашу ГОНчую стаю, как хочет, и где хочет, приговаривая:

ТРУБА,

и вот, кстати, сугубое объяснение всему этому процессу, в народе называемого «литературное творчество».

И все изыскания на этом пути разбиваются о чистую физику: мы не можем разбить «МИР» на какое-то количество измерений, даже если когда-нибудь поймём, не точные координаты страны под названием НИРВАНА,

Где в изобилии произрастаешь ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

где вечно новый год, который никогда не последний, на который

«так и прёт, так и прёт»,

как пел DJ Смычкин, сегодня, 14.11.11, скончавшийся в возрасте 75 лет в питерском метро, слышь, Борис, он, говорят, сводил винил ещё в блокадном Ленинграде,

пахнет оливье и мандаринами: где её искать, найти и рухнуть в этот колодец, чтобы не свихнуться от того, что есть в этом мире любовь, но нет там долгожданного покоя.

Мы тащим этот «МИР» на себе, как Иисус, брат, учитель и Бог, пронёс его в одиночку, «МИР» мчит, МИРы крутя, и мы, закидывая бутылку с письмом, из измерения в измерение, заносимся в своих мечтах и мыслях вместе с правдой, которую себе избрали:

у каждого она своя, и спорить с этим бесполезно, однако вот оно, мгновение истины, если не сказать уже по фене. (Что-то про «МОМЕНТ»).

Закидываем:

ТРУБА,

нет, это ещё не смена «ПЛАНА», это – чистый вымысел, который - реальная жизнь:

- Встань и иди, - слышен голос.

- Сиди и не рыпайся – третий,

- Забирай и раздай, четвертый,

и дальше – если ты – пока ещё жертва, то принеси её былым Богам, которые, как пишут сугубые догматы, давно низложены, и даже в американской энциклопедии «Ангелов» - их нет.

Если ты победитель – то принеси в жертву тех, кого считаешь врагами, - ты ж, бПИСК)ля, православный, пока из тебя из самого не выдолбили чучело.

Так что следующее, самое лучшее измерение из тех, о которых говорили большевики (правда, Борис Абрамыч?!)

Называется «Шоколадная Найоми», и пусть мне кто-нибудь скажет, что возникший из небытия командир станции МИР, в драном тельнике и

сомбреро, отороченном средневожским бобром, не производит впечатления, ведь он – невидим, имя его, как и Одиссея Хитрожопого, -

НИКТО.

Этот НИКТО закольцован в орбиту под «Болеро» Мориса Ровеля, сыграет одну из служанок Калипсо, где Хитрожопый Одиссей скажет ей:

ОДИССЕЙ
(Хитрожопый)

Ты никогда не станешь ничьей роковой любовью, – распугаешь дичь.

ТРУБА:

Звонит Шакиллер (я переименовал его, глядя в глаза директору моего вселенского театра),

раскручивается на десятку - рекламная компания, техосмотр, бензин, гондоны, но раунд продолжается и возникает, с твоей помощью,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

паренёк всё ещё скачет, но у него проблемы. Курилка картонная.

Он проигрывает только тогда, когда приходит демон, островитянами называемый Огненным Псом.

наступает это самое – никогда – в – никуда, навстречу НЕЧТО, за которым мужики и бабы скачут мимо Храмов по ведьмам с обгоревшими лицами: избавь, избавь, избавь, избавь...

И раскалятся ножи, ставятся отметины, разлетаются обрывки фотографий - манда отдельно, голова отдельно, и гаснет свет – («тонут звуки», так, кажется), типа:

- Продать душу за «десятку», лишь бы избавил от мук. Кому? (Стучу по трубке). Алло, барышня! Председателю! Дёшево? Когда как.

Бабы инвесторов смотрят эфир 1-го (ПИСК)дерального канала РФ, и заявляют, что я публично назвал их дураками, хотя сказано было: есть меценаты, как правило это люди. которые не хотят показаться глупее, чем они есть на самом деле.

Когда назвал центрального, назовём его академик, меня заподозрили в антисемитизме, когда я не назвал всех остальных – источник финансирования нового искусства немедленно прекратился, и я подумываю о старом, проверенном способе, - при наличии стартового капитала – страховка баржи с нефтью, при отсутствии оногo: ограбление какого-нибудь ростовщика (твоего, разумеется, соотечественника. Борис Абрамыч, давай подъёмных, я знаю, где на Чукотке твой судебный неприятель зарыл золотые гири, - он упражнялся с ними в тундре, на чередe приливов и отливов:

мы наедем в масках из колготок, ещё сохранившей аромат той, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

со всеми атрибутами грубого налёта, можно даже списать это на грядущую череду налётов, начертав кровью:

«ПРИВЕТ УЧАСТНИКАМ ПОГРОМА!!!»

Потом опять – нырок в трубу - лёгкая чернота - в Рио надо лететь в Феврале - на карнавал, а что до этого Бог знает, значит билеты в Рио - это путёвка вверх, прямо над розовыми облаками, я сойду на Острове Мечты (называется Пакита, там собираются все ох(ПИСК)увшие от чувственных эксцессов индивиды, и там я брошу свои кости (олд бонззз).

Только вот тень никак не реагирует на мои удары – она прозрачна, как и я сам – мой огонь разгорается, и тьма пожирает его – нет тут добра и зла.

«Этот, в красном трусняке, ещё дергается», - говорит беспристрастный рефери, свесив ноги с облака не сказать, что «в форме дракона», а самого дракон, только самки, которая только что, как пишут в сухих комментариях зоологических журналов, «благополучно избежала спаривания».

Может, он рассчитывает на пятое дыхание? – дадим ему его, - вещают в небесах.

Иду в нокдаун, - срывает с дороги, лечу на столб, бьюсь о него, рву провода, бак пробивает, бензин вытекает, прям под электрические искры (в какое-то мгновение я услышал, как лопалось четыре колеса), думаю, сейчас я плавно загорюсь, и медленно сгорю, а дыханья всё нет, чувствую, рёбра застряли в лёгких, и легче здохнуть быстро, чем принимать такую перспективу, что называется, с оттягом, б(ПИСК)ля, с оттягом, б(ПИСК)ля, с оттягом.

Однако чувствую – не здохну, прыжок этот станет затяжным.

Тут происходит какой-то внезапный рывок, который протаскивает меня через весь ринг – прямо по диагонали, с Севера на Юг сначала через всё, что вообще бывает, сразу (имеются в виду решительно все виды «иллюзорного хаджа», вплоть до хождений к Матери Марии, она живёт в горах Мексики, у моего ангела, что играет на басовых струнах, и зовут которого Бигимот, там папа – профессор экологии);

Потом сам ринг он останавливается над пропастью – ты ж как бильярдный шар, б(ПИСК)ля летишь, ибо вся эта

Любовь к Тебе,

Моя Марихуана,

индугируется играми в чистое искусство: это железное алиби совершенно не отрабатывается в мирских судах, и порой приходится сидеть – получается, что по благу, ибо любой жизненный цикл есть определённый опыт, вплоть до игр в очевидные истины (всё уже выс(ПИСК)рали до нас, и какими способами тебя имели наши праотцы,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

известно только динозаврам, да нам, здесь, сейчас, ждущим кайф (под одноимённую тему «Слейдз») Председателя: настоящие мастера познают МИР сквозь призму всего того, чем только в этой жизни травятся – всегда находятся люди, открыто заявляющие, что они тебя никогда не полюбят,

Моя Любовь,

но тут недавно одна женщина сказала (бухгалтер):

- А вот манаги б я выпила.

Сидим на берегу реки, воду подступает к жилищу, ждём Председателя, и смотрю на себя в зеркало: навьючено столько, что там, за известным только нашей компании пределом: волшебник Изумрудного Города (Гудвин), в другой транскрипции – «Блакаман Добрый, Продавец Чудес», образ рассказанный бабушкой Габриеля Гарсия Маркеса, второго человека в джунглях Магического Реализма.

Так что ты,

Моя Марихуана,

собранный в деревнях окрестных, где Волга простирается аж до самого Ровного места на Земле (Ровное так и называется), сваренный в молоке контрафактной коровы, которой в младенчестве её эти же самые люди (мы то есть, смертные мира всего, безотчетные аферисты) дали отсосать, и едва не погибли (при этом);

приготовленная под фарами броневика, в котором кучей свалено нарезное оружие – и что самое приятное, государство его держать пока ещё разрешает, а мы как раз те самые люди, которые, если что – сразу в бой, потому что война с собственной тенью – суть наша.

Вот такая будешь ты,

Моя Любовь

– в пятнадцатом раунде (если он настанет, ходят слухи, если продержусь двенадцать, то впаяют ещё, как минимум «трёшник» нас с Борисом на предполётной брифинге об этом предупредили),

ты должна, наконец убить меня, а если не захочешь, и намешаю немислимых сортов неведомых растений, и всё только для того, чтобы увидеть лик Отца Небесного, - то есть Отца Хемингуэя, и спросить, - можно к тебе, Отче Наш?

Крыше дальше уже ехать некуда.

Как тому коту Муррзу, который на старости лет стал настолько в себе уверен, что растолкал все эти тридцать шипящих харь, в(ПИСК)еб стюардессу с первого этажа (Муся), взобрался на подловку, и помер: даже мой знаменитый на всю округу, последний выжлец Глебовской стаи Журай делал вид, что его не замечает, но сгорел раньше

Любовь Моя,

есть под Москвой особнячок, где я на четвёртом этаже разделал целый бар, то там завалилась – ни хрена подобного. Не оказалось там.

Моей Марихуаны.

Пора бы заканчивать – дышалки не хватает, и потом – всему приходит конец.

Труба,

и всё тот же раунд, а какой- не помню вдыхаю, выдыхаю, воспылаю, успеваю выскочить, потом уж и вскочить:

тень вдохнуть не даёт, так египтяне узнали о железном оружии своих первых врагов – те не брали пленных, они выходили, и умирали.

Модель Вселенной - не киты с черепахами, Бог их вовсе не изуродовал, просто "а сколько преданных сердец уже сгубило суесловье";
это - мусорка, в ней собаки, на ней - коты, над ними - голуби, над ними воробьи, и все друг на друга серют.

Нет. Полная задница, братки, хотя, если рассмотреть этот интерьер в профиль - те же яйца, только снизу.

Для дяденек с одержимым взглядом утлое представление о Вселенной – чисто материальное, и материальными методами Иисус демонстрировал своё могущество, ибо оживший труп – это тоже материя, однако, по «блакамании» Габриэля Гарсия бросаются на тех, кто вернул ту жизнь, под которой мы подразумеваем бытие (которое, по взгляду мракобесов, определяет сознание, и т.д.)

На самом деле планеты населены душами (я лично знал это до того, как решил воплотить на сцене «Божественную комедию»), и самые красивые песни – на их земле, не скажу какой, ибо туда сразу наскочат норвежцы со своими Гарпунами, да Анасис к Берегам Перу – с певицей Машей на золотом очке его многотонной «Кристины», но до грека у Маши пребывал, по-моему, англичанин, и звали его Уинстн.

Глянь, Борис!

Какие-то космические колонисты, какая-то фигня – на самом деле всё начнётся сызнава, а к планетам полетят души тех, кто здесь уже поотблевался, и всё собственной участью, всё остальное – от лукавого.

Как думаешь, был Нил Амстронг на Луне, или всё это – кино – про уникальный дар Стенли Кубрика еб(ПИСК)ать мозги трудящимся?

- Думаю, не был, - отвечает скептически настроенный Борис.

Не было никаких Американцев на Луне – Амстронг – это вообще, негр на трубе, а не космонавт – не надо нас дурить.

- А я вот знаю, что был,- резонно, по-немецки возражаю я.

- Откуда?

- Видел. Я запеленговал также передачу на борт «Аполлона 17», что, если ещё раз одна рожа хоть раз здесь появится, пустим на землю бациллу усиленной педерастии, у вас, де, и так одни (ПИСК)дарасы, судя по эфиру, а тут – (ПИСК)дарасы будут все.

Гляжу на самого себя в монитор (мы тут порой порнуху снимаем, в этом призрачном ВСЁ) – ещё прыгаю. Надо же.

Мексиканец, живущий в Германии, сказал, что если вас поселить в капсулу и прицепить к скорости расширяющейся Вселенной, то можно обогнать Свет. Вот, думаю, сейчас я дематериализуюсь, и уйду от собственной тени.

Энергия нулевой точки, если ее раздавить – суть электромагнитная радиация, бывающая всегда – короче, никакого противоречия с теорией Эйнштейна, решившего как-то тормознуть время, и поселиться на Острове Раза (это недалеко от Рио – у этого еврея губа не дура), и подрабатывать смотрителем маяка.

Однако вот основной вопрос – специально для тех, кто образован, и действует по велению души: а если так разопрёт, что я сам буду, в соответствии с вашей самой смелой научной теорией, лететь быстрее собственной мысли, которая быстрее света, как там быть с мироустройством, которое постоянно показывают по телеку: вот парламент, не помню чей, и кто-то кого-то обязательно хлещет по е(ПИСК)бальнику, или мне просто везёт – здесь Эйнштейн с его теорией вероятностей ЕЙ отдыхает.

Бывающая Всегда – вот определение жизни, и мне плевать, где я в это время нахожусь, - главное, что это – я.

Я начинаю впаривать очки Борису, должно быть, чтоб разжаловать Богов:

- Дивись, Борис, в фехтовании на саблях всего три основных защиты, расписанной по странным номерам, а киосисин-каи блоков не на много больше (показываю).

Гедан – бараи, аке уке, сото уке, шуто уке, аге – уке, всё,

Секу на тень, удалось ли мне напугать её своей неповторимой техникой ката, к тому же – в невесомости, но она повторяет движения в точности за мной, и мне мерещится, что она меня хоть немного, но опережает, а в ринге это самое «немного» - и есть победа, или смерть.

Тогда,

Прощай,

Моя Любовь.

Та самая, в объятиях которой я приму гибель этого МИРа, как подарок судьбы.

Та, с которой ты мне не нужна.

Моя Марихуана.

Как знать, коль скоро.

Волшебный снег одной подушки

Озарит Аврора.

А пока – летим. И давно уже сорвались с орбиты.

Какой-то умник говорит, что если бы мы выросли в условиях невесомости, то и ноги не нужны, которые, волка кормят.

Придурок. Концы всегда нужны, хоть мы и отправили одну астронавтку, с криком «Веселись, негритянка!»

Ибо я ещё прыгаю, стараясь опередить собственную тень (Великий Али успевал запрыгнуть в койку, пока загорался Свет его Звезды), и ты попала с okazji – от бандюка с кошачьими глазами.

Кстати, об Али.

Норман Мейлер – тот, кто написал «Нагие и мёртвые», (мы студентами в библиотеке как-то с корешом, попивая портвейн «72», читали этот роман), сказал с экрана: в Заире, за два дня до 30 октября года 1974, Муххамед ходил на консультацию к личному колдуну Мапуту, и тот предрёк:

- Проиграет Джо, и устроит ему это – женщина с трясущимися руками.

- Ты уже рассказывал.

- А ты послушай ещё раз – история-то про бокс, а нас здесь двое:

Джо проиграл, и отправился в «тяжелаяк» на два года, Али провёл после этого – двадцать два боя, и это были его не лучшие бои.

А потом мой кореш, призрачный и прозрачный, манёхо пояснил:

- Он, наверное, поэтому получил свою болезнь Паркинсона.

Ну, конечно. Всё возвращается.
А потому: бой с тенью – лучший бой.
Если что и вернётся – то к самому себе, и пенять не на кого.

Главное – не «провалится» – здесь нет видимого сопротивления – противник холоден и прозрачен – а значит, непобедим – это твой демон, он видит тебя насквозь, он копирует тебя, но у него есть резерв – он видит твои глаза, а ты его – нет.

Мы называем демонов по-разному, кто «сушилка», кто «парилка», кто «Алеф», кто «Глюкало», но я зову тенью, далее -

ТРУБА,

и когда на свет на выходе только начинает появляться, какой-нибудь очередной кретин, который застолбит какую-нибудь новую партию и что-нибудь скажет, тут не спасаешь даже ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана.

Тень пожухла и наступает рассвет.

Значит, я на верном пути.

Распиливаюсь, воскрешаю: попросят ещё раз показать, и то не поверят: так устроены мозги, или что там у них за вещество такое.

По отдельности – ещё туда-сюда, а вот в комплекте – ни хрена.

Я смотрю на своё же творение, вот оно: бесконечное шахматное поле, На чёрном квадрате восседает Ангел тьмы, не белом – Ангел Света, кручу башкой, потому что перестаю различать – свет или тьма меня просвещает, сколько дерзновенного в таких формулировках – они грубы, как чёрная правда, и светлы, как сладкая ложь – во Спасение.

А посему я выхожу на сцену, водружаю себе по белому и чёрному крылу, и ору: вот же оно, зерно этой грёбаной истины – оно у меня в кармане, как бы мы не упражнялись в этих синтезах жанров, тем самым жанры бесконечно стилизуя, как не распиливай горшки моего степного «Мерседеса» (ЗИЛ 130), то есть не воплощали то, о чём молчат до сих пор те, кто не хочет показаться идиотом: без решительной модернизации не обойтись, иначе вы выродитесь, как стая белых крыс – на ограниченном пространстве с подогревом, да ещё – с кормами, надо

быть в форме, и периодически срываться от общего марша к чему-то там тому, что лучшее, конечно, впереди,

и вновь - труба – «324», и дальше – тот самый театр, та самая сцена, которая в данный момент могла мной располагать – ванна, в которой сварились столько Великих Мастурбаторов, и окончательное развенчание Экклезиаста, ибо вода здесь – горячая и стоячая, и столько Элвисов пропарилось в этом адском огнive, слегка этак мастурбируя – что у них баб, не было?

В этой скорлупе без тебя нельзя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

ибо я здесь варюсь уже тысячу лет, я путешествую в этом стакане с бурей под именем Хитрожопого Одиссея, сказавшего циклопу Полифену, что имя его –

НИКТО.

Как сказано в последнем сценарии с одной жопастой итальянкой звали её - Софи:

«мне всегда радостно воскресный день, ибо о нём я начинаю думать в понедельник».

Явно выдуманное клише, и придумал его сценарист с петлёй на шее, прямо как герой пера в отечественной мультипликации,

Любовь Моя.

Моя Марихуана.

Идеальные образы: за любым движущимся объектом мы наблюдаем со слезами восторга:

– у них нет души, и они убирают со своего пути тех, кто их придумал: несправедливо, когда кому-то приходится доказывать, что всё это – грядущее золото, которое уже блестит, но нет того ювелира, чтоб поставить пробу: единственный, кто может ниспослать автограф, это Великий Сальвадор, и он его присылает: изделие продаётся с аукциона, и называется

«Булька»:

это такое приспособление, через которое тебя можно курить, тебя заваривать, запаривать,

Моя Марихуана, (можно даже пополам с махрой), и микрогильотинкой откусывать сигары «Уинстн».

(Сэр Черчилль, выкуривавший ящики сигар, как-то высказался: если Адольф спрятался в Аду, то я заключу контракт с Сатаной. Никто же не думал, что инженер Гильотен окажется настолько изобретательным, что окажет человечеству услугу не хуже генерала Калашникова, придумка уж больно хороша, - автомат на шарнирах, и топор на сваях, выходит не только этот герой английского сопротивления заключил контракт с Сатаной, потому как тоже угодил в Ад, а куда ж ему ещё за такую дипломатию?).

Труба:

Вопрос:

правда то, что о нём говорят, или все эти афиши, которыми обклеен город – это опять – не он?

- Сколько? – спрашивают они, прекрасно понимая, что все оставшиеся зубы у меня – свои.
- Не унижайте себя, - говорю я, – потом держу ровно такую паузу, чтоб вспотела рядом стоящая горилла (или две, или три, пока три.) – Малыми гонорарами. Вы же профессионал.

Профессионал.

Опять труба.

Ну, да, периферийная тюрьма, поимка, наколка на правой руке этого взрослого опера, потом прогулка в браслетах прямо перед изумлёнными школьницами – они в белых рубашках, в галстучках, – а тут – гляньте.

Слышу голос какой-то училки – симпатичный.

Кто симпатичней – опер или я, уже не слышно – голоса уходят, как это сладкое слово – «свобода».

Тогда ты ещё была со мной, ибо я ровно вечность ходил вокруг того места, где меня должны были поймать, но потом ты, как тот пляжный образ с картины Дали, заметался и растворился, и Слава Богу – тебя,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

со мной не было, потому что если бы тебя у меня нашли – век воли не видать, за тебя, сажают, а тебя потом – сжигают – что в лёгкие, что в воздух, и ты выпускаешь в небеса свои последние образы, или в ментовское нутро – и не страшно им? Воздух-то месить.

А когда меня выпускали – через сотню лет, не меньше, ибо я за это время уже успел перевоплотиться в НЕЧТО, которое посещало СИЗО подышать тобой –

Моя Марихуана,

опер вывел подышать, и сказал: я сразу понял, что ты не при делах.

И я сказал его тогда поднял, соответственно имиджу. Он – обработан моим светлым ангелом.

Опять труба

– я пролетаю вперед ногами, потому что вошел туда – в кульбите, и вижу – я там, где тебя нет,

Моя Любовь,

и быть не может – это были те времена, когда средства массовой информации о тебе не доложили с голубого экрана, и тем самым пробудили к тебе, любимой, всенародный интерес:

сначала, думаю, дизбат (в народе – дизель), потом понимаю – ни хрена, всё тот же лагерь, только пионерский, в котором есть внутренний распорядок, а интересующимся отвечают: физдишь, косой, здесь больше пятнашки не дают.

Сюда из своих стерильных сред попадают мальчишки к тем мальчишкам, кто попал сюда из среды не стерильной. Здесь меряются кулаками и писями (хренами это назвать не поворачивается).

Здесь было две любви: бокс и сеансы массового гипноза, и тобой,

Моя Марихуана,

в этих местах если и пахло, ты твоего аромата не знали.

Здесь я вдруг открыл в себе дар повелевать людскими снами, и всё получалось: в наш барак ходили все, вплоть до начальника лагеря, заснуть под моей рукой и увидеть синее море и китов – вот когда всё это, черт возьми, началось, но быстро кончилось:

Позже вызвали специалиста, и он сказал: мальчик, мозговая кора не созрела, можешь не справиться, то есть...

Труба

Интервью, сначала мотивировка, так что можно её и не вспоминать, а дальше - спрашивают, что это такое – ваша музыка, и способны ли вы вообще, сообразать.

Конечно способен, ясный х(ПИСК)й на ясной поляне.

Потому что моя музыка, это, как правило, сочинение по мотивам, ибо сам я не музыкант, и музыку не сочиняю, хоть и дирижирую оркестром, вон, Ден Калинский, знаменитый Виолончелист – рокер, в «Атриуме», во время прямого, б(ПИСК)ля, эфира, увидев впервые мои пассы, так просто ох(ПИСК)уел, и это видно, когда просматриваешь запись, не помню в какой серии нашего бесконечно сеанса массового, б(ПИСК)ля, гипноза, прям с орбиты.

Борис Абрамыч одно время пытался открутить мне башку, пока я, под влиянием космических веществ, или как ещё её называют истые космонавты, «химки», спал в невесомости и видел ту, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

пытаюсь отобразить мой образ,

однако бывает, что является с неба та самая комбинация звуков, которыми кроешь исключительно ты,

Моя Марихуана,

предвестником Валькирии, является, разумеется, одноимённая увертюра Вагнера, и тогда со мной происходит то, что бывает раз в жизни, и жизнью моих – как слез моих, по тебе.

И я выхожу, наконец, на берег той реки, где все мы, когда-нибудь, снова заживём, как люди, и за базар придётся отвечать, потому, что на всех будет только один лес, а рядом – река, где воды, как всходы твои...

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Мой «Алеф» - моя ТРУБА – я вывожу её как можно выше, пусть это будет вертикаль, мне плевать на то, вернусь я, или нет, ты собралась прильнуть к моим губам, но ты показываешь зубы:

- Как ты могла?! – ору. – Спуститься с горных пастбищ, к таким кормам. И тут же узнаю неровное дыхание «государственного человека», в народе справедливо зовущегося ни кем иным, как мусором, и вспоминаю собственную мысль – да брось ты, друг, бывало и похуже.

И точно – вот мусорочек слышит твой аромат, вот он лезет под правое сидение, и выносит тебя в своих настёганных о невинные хлебальники клешнях (встречаются, конечно, и виновные, но здесь их нет, здесь – чистый воздух), и у него в руках ты –

Моя Любовь

– на лице его – неопиcуемый восторг.

Но разве это – отношения? Для него ты – товар, он никогда не полюбит тебя, так, как я, но меня ведут к «сараю», и там сидит верзила в краповой беретке – видать, командировочный, и смотрит на меня, как на родного – кто-то уже тебя поимел, да ещё как, - окривел весь, видно хлебный ему денёк.

Я смотрю на него, и думаю – а ведь сказать ему:

я ж своих же старых друзей отправил туда, где, в натуре, лежит та самая труба «кондуктор» 324, через которую, можно было ходить во времена и пространства, но я отстрелю тебе всё, что хочешь из твоего же табельного оружия, которое ты столь беспечно повесил себе на яйца, да ещё приоткрыл кобуру, потому что я знаю место, где собираются орлы охладить себе кровь, и там друг друга мочат натурально, со взведённым курком – зато учишься сразу и на всю жизнь,

я проделаю все это задарма, если ты действительно знаешь, что такое Алеф – единая точка, и на моей афише всегда есть это прекрасное клише:

«Там будет всё».

но давай послушай – я попробую тебе всё это разъяснить – мысленно – взгляд во взгляд.

Я молчу, потому что объяснять ему в лом: он окривел до такой степени, что забыл тебя,

Любовь Моя,

он забирает то, что ему не принадлежит, и ты,

Моя Марихуана,

по невиданным, но писанным законам этого ёб(ПИСК)аного «МИРа», переключёвываешь к нему в бардачок – в заначку «департамента».

Та самая трава, которую я ждал, прошедшая все шмоны и кордоны, которую скосили старые друзья там, где началась наша с тобой любовь, и тебя привезли – именно оттуда, но время распорядилось тобой бездарно, как никогда: тут посоветались, а потом решали, сколько тебя должно быть у меня – тебя тянет на трёшник, либо тышш баксов, либо столько же лет, ибо жизнь вне свободы исчисляется другими временами.

Я исчезаю – ровно настолько вперёд, или назад – какая разница, меня просто нет, ребята, я исчез, пока вы плевали на свои намастурбированные клешни, в ожидании, повторяюсь, как пели «Слэйды», кайфа.

Источник наслаждения остался у вас, но для вас он – мнимый источник, ибо много лет тому я нырял в этот колодец Нирваны, а рядом стоял Учитель, и херачил меня по пяткам своим колючим хоссу – и мне ничего не стоит превратить вас в серых крыс, а

Мою Любовь

в ваших руках: в верную вашу смерть, ибо силы наши неравны, ребята, я добрый, а вы – злые, я всю жизнь раздавал, всё, что было, тем, кому это было надо – конечно, пацанам, ведь я оттуда, и знаю, что такое – с детства на нервах,

а вы у них все это отнимали, так что моя правда – она Святая, и «одна на всех понятная», как спел Поэт, а кто вы такие – сами знаете, только воли нет признаться, по совести, так надо отстрелить себе башку.

И вот он раскладывает пакет – там ни анаши (прости за сленг,

Моя Любовь,

Моя Марихуана),

глянь вокруг – нету понятых, и мы один на один: эта ситуация совсем другая, ни ему нельзя расслабляться, ни мне – я знаю, кто он, он знает – кто я, но оба мы вовремя соображаем – лучше разойтись, и мы расходимся, каждый в своём роде мастер.

Битвы с собственной тенью.

Наш спарринг с ней – сплошная драма – гляньте, скачет человек, выписывает немислимые «ката», он пробует менять стили каратэ, которых тысячи, основоположник каждого считает свой стиль лучшим, вон «годзи-рю» Мастера Ямагуши, - хороший стиль, Тот, что признан «самым» жёстким – «кио-ки-шин-кай», придуманный Фунакоши и Аямой, там, правда не бьют в башку руками, и потому мастера этого стиля сразу можно узнать по характерной стойке, но это обстоятельство только взвинчивает темп – тень копирует бойца, и получается, что она этим правилам не изменяет.

Потом всё то же каратэ, только стиль помягче, скажем, «ШУТО –КАН», на и это не катит, - после рубки на мечах, секирах, палицах, и много чего ещё, все эти стили, заканчивающиеся на «КАН» и «РЮ» мою тень не впечатляют.

Боец решает уйти в чистое «кунк-фу», скажем, «богомол», - здесь есть шанс провалить неприятеля его же энергией, но энергия – бойца, и потому валится он сам, но вместе с тенью.

Не хватило сил для того рывка, что мог закончить этот раунд, но фишка в том, что в этом поединке имеет смысл продержаться все двенадцать (повторяю, если продержишься двенадцать, то три, как минимум, накинута),

и быстрая победа, как и поражение, чревато «зазеркальем», ибо ставки сделаны там, где заказывался бой, исход всегда известен,

а что дальше – не ведает никто, ибо рефери – есть Некто, и он не ошибётся, подводя итог.

На этой сцене хоть сгори, а потом воскресни – толпа воспримет это, как мультимедийный фокус, так что пора отринуть мысли о судьбе, у неё нет вариантов, и выход, хоть единственный, но есть.

Драматургия абсурда, б(ПИСК)ля, абсурда, б(ПИСК)ля абсурда.

Театр – на выживание. Впереди – занавес из бардового бархата, и как только отшлёпают положенные аплодисменты, придётся, как говорят в Одессе, «делать рекогнасцировочку».

ТРУБА:

костры инквизиции, «стреляют, прыгают, с ума сойти».

Моя любовь!

Меня привяжут к последнему столбу, святые парни – палачи, они ещё честней, чем девушки, ибо выбирают добровольно, тем самым смывая с себя любой грех, тем паче, инквизиционный.

У ног моих уложат твоих ароматных ветвей, и обкуренный тобой,

Моя Марихуана,

полуденный карлик в красном колпаке, - без прорезей для глаз, поднесёт свой красивейший факел:

я исчезну, потому что им – не по зубам моё брненное тело, а ты наполнишь эту сцену своими бесконечными парами – пусть, как говорится, «под кумаром приторчат»,

Моей Любви,

Моей Марихуаны.

И ты сгоришь, как святая Жанна, и спалят тебя, как и её, чьим-то именем, а Вера её была – безупречна.

Я помню всё. И в этом падении – всегда на взлёте, я песнь тебе пою.

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Настаёт осень, дождь замерзает – на лету, вода мертвоет, как битый селезень, что ещё не упал, но уже умер.

Я греюсь в тундре под двумя паяльными лампами в своём вигваме, молюсь богам, мою золотишко, на «жигули» уже намыл – осталось только с(ПИСК)здить.

Со мной – мои верные доги, Норд и Лорд, родные братья, потомственные бойцы с тиграми, обожающие род человеческий, но до определенных норм поведения, я взял их у Запашного, пока ещё двух «пацанов», заморозивших на новый, праздничный, 2010 год восемь амурских тигров, надеюсь, ещё не родилось.

У них хоть и гладкая шерсть, но они не мёрзнут, потому как назван Севером и потомственным аристократом, а мы на севере. Мы в советской тундре.

У меня – две двадцатилитровых канистры с хорошим, медицинским спиртом, чтоб промывать, стало быть, самородки, борьба с искушением достигла апогея: зелёный змий объял меня своими тугими кольцами, дичи нет, у собак война с каким-то залётным «шатуном» (медведь, так и не раскояфовавшийся в берлоге), и от фатального исхода никто не гарантирован, ни я, ни псы, ни сам медведь, а он, признаться – здоровее не бывает, собрался, видно, помирать, и терять ему – не хера.

Все дальнейшие перспективы не кажутся стоящими того, чтоб каждое утро похмеляться, борясь с головной болью, остаётся самое радикальное средство от перхоти, придуманное французами:

за нашу встречу, доктор Гильотен, за нашу встречу. Мой чёрный человек. Председатель, так сказать, собрания кардиналов.

Кидая в космос последнюю мысль про то, что вот мне, мол едва за двадцать, я на университетской практике, сам выбрал себе судьбу, - на этот раз ни в одну геологическую партию двух собак, которые прилично жрут, не дают дебоширить, но при этом порой самостоятельно охотятся, ни хера не пригласили, только – в одного, и в тундру. (Они, например, обожали работать по утке, откуда это у них было, до сих пор понять не могу, ибо предки их – ГОНяли копытную дичь, а с «голосом», без «голоса», не ведомо, дог, это ж всё-таки не ГОНчая, хотя я видел русских пегих выжлецов в холке – под восемьдесят, «дожий» минимум, а максимума, как и у русских псовых борзых – нет, чем выше, тем лучше).

С чувством, как назвал его О. Генри, «злобного удовлетворения», я подумал, что только возрождённая любовь достойна воплощения, и встречу я её не здесь, и что я уже два месяца не видел никого, кроме проезжающих оленеводов, за которыми ГОНяются мои собаки, и от того они стали объезжать мою стоянку,

я беру последний стакан огненной воды, сливаю внутрь, сижу, молчу, смотрю в туман, жду мыслей – их нет, кроме одной, но она разворачивается в стойкую перспективу:

не будет глаз, нечем будет созерцать этот МИР, и когда настанет время, мы встретимся с тобой, Отец Эрнст, мы пройдемся по тому каменному мосту, о котором я когда-нибудь узнаю: он соединяет времена.

Там твои поля,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

Дом с белой колоннадой, берег океана, стая королевских догов, пара лошадей, треснем по стаканчику, и пойдём себе «верхами», взойдём на борт небесной «Пилар», а ежели всплывёт какая вражья субмарина, дабы смутить покой на нашем острове Свободы и Любви, закидаем её гранатами.

Я взвожу курки, и принимаю соответствующую позу, но мои верные псы, мои друзья и братья, столько раз спасавшие мне жизнь, когда я, активно дожидаясь совершеннолетия, мыкался по городским окраинам в поисках той, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

Норд, эта стокилограммовая гора мышц в мышастой шкуре с белыми подпалинами на груди и лапах, напряжённо смотрит мне в глаза, его родной брат бьёт лапой по спине, - я выдыхаю, спуская курки, высовываю из яранги сизый нос, вижу оленью упряжку, а в ней – мой кореш Федя, кажется, везёт закуску.

Что ж, любой пришлый охотник всё равно хуже местного, и надо сказать, собаки в этот раз так и не покусились на его оленей, видно решили, что я решил застрелиться из-за их невежливого отношения к самим оленеводам, что ж сделаешь, я вожу своих великолепных псов по геологическим партиям с пятнадцатилетнего возраста, они обучены лагерь охранять, их учили этому два полукрова, лайки и овчарки, Атом и Бой, Бой и Атом.

А путешественник – круче отшельника, правда, Борис Абрамыч? Тем более – космический. Это я тебе рассказываю про территорию, некогда контролируемую Абрамовичем, забыл, простите, имя отчество, но уж точно – не Адольфыч. Извини, я вот знаю твоё имя отчество, а фамилия твоя – засекречена, а то ведь в суд подашь на того, кто рассекретит твою настоящую фамилию, ты ж хитрый, прям сценарий абсурда про тебя не напиши, вот про меня же Лёха Слаповский написал, «Я – не я», называется, он даже хапнул за этот роман какую-то премию, но «Букера» не дали. Не дали «Букера». И ничего.

А тому, кто верит по-настоящему, думаю, не нужно Вознесение, как главное доказательства Божественного Происхождения, ибо все мы тут – божественного происхождения, раз под Богом ходим, а Спаситель – им и останется, даже если кому-то и придёт в голову изыскать его останки – в Земле.

Все мы – ангелы, хоть и молимся на Божественные Лики, они срисованы с лучших из нас, хоть в «МИРУ» и принято считать, что интеллектом обладают,

как правило, уроды, а все, у кого в порядке морда с жопой – годятся для рекламы боксёрских трусов и лошадиных задов (укладывается в единый стиль, что самое обидное).

Я вывожу главную формулу бойца, который ещё не овладел мастерством боя с собственной тенью, но рано или поздно любой воин подступает к этой заветной черте – разобраться с собой, ибо МИР в его понимании себя не оправдал, и как тут недавно выразилась девушка по имени Рената, повторим реплику Владимира Владимировича Маяковского, которую он проронил, впервые посетив испанскую корриду:

«этой планете можно поставить ноль».

Я говорю сыну: когда ты находишься в сообществе волков, а именно по волчьим законам существует наша криминальная провинция, то может быть, пару раз ты и сорвёшь свою золотую фишку, но настанет момент, когда явится какой-нибудь черножопый, и тебе придётся выбрать – или атаковать самому, или потом всю жизнь срать кровью – от ненависти к себе, потому что постарался избежать боя;

так что, пожалуйста, найди свой стиль сам, но имей в заглавнике пару – тройку вариантов.

Мой рефери считает:

Ичи, ни, сан, ши, го, роко, кати, куи, дю.

Мало ведь, кто знает, что это было в родной России за движение, под названием:

КАРАТЭ.

У тебя, Борис, были бабки, а у меня – ворованные тачки, да тренерская деятельность – какие только рожи сюда не приходили дробить друг другу кости – и я вспоминаю эти времена с содроганием:

Идеология «восьмидесятых» - полноконтактные бои по правилам, девяностых – тоже самое, только «без правил», татами сменилось на универсальный ринг, а теперь – «восьмиугольник», и побеждают здесь – вольные борцы, «вольники», здесь я не специалист, да и тень моя – тоже.

Я захожу в зал, то здесь, то за кордоном, и читаю лекции о современной драматургии, плюс восточная пластика, однако - это так, для души, потому что с Ботнического залива уже грузится абсолютно левый бартер, где во гробе, уложена мешками ты, зелёная трава, и уложили тебя туда братки из Амстердама, ребята, это диво!

Трижды мы позволяли себе подобную акцию, был грех, но зато был (и есть, дай Бог ему здоровья), знакомый генерал однако, Вовой его звать, пребывал как-то «ЗАМПОТЕХОМ» во времена войны в Абхазии, так они там «ГАЗ-24» вывезли на каком-то транспортном самолёте в количестве ста, и ему после этого предложили уволиться из армии, мировой мужик, дай Бог ему здоровья.

Труба,

Возвращение на орбиту, братание с Борис Абрамычем, мне полагалось свидание, с той, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

я поймел его с избытком, ты-то как?

О да, Вильям отдыхает, потому что «быть» – то на что-то надо, у него был «ГЛОБУС»

а у нас с Борисом – «МИР», разбираем мотонарты в местечке «Ёк-Мок» (самая северная точка Швеции), где за одно, на кинофестивале кажут моё кино с названьем «Воспоминания об имиджах», да, собственно, этим универсальным сценарием мы украшаем финал каждого из раундов, ибо последнее измерение, так сказать, седьмое – это как раз то, что капитан Шотовер назвал «Седьмой степенью самосозерцания», и которого собрался достичь столетний Бернад:

он достиг его, однако, прыгая через овраг (этот мощный старик мог практически всё), кажется, повредил себе седьмой позвонок, прощальным звонком явившийся, однако старик не мог не отнестись к своей смерти с юмором.

Вот и мы, колдуем, как можем: чукчам (саамам) там положена на мотонарты скидка, и весь этот хлам вывозился под видом декорации к спектаклю, в общем, если капнуть – то на два пожизненных, но ведь это всё – чистый бред, Борис, выключай своё устройство, ибо я сочиняю, тебя здесь нет, да и станции «МИР» - нету ни хрена, - оглянись, если есть чем и зачем.

Что, не въехал?

Молись за меня, я воспел тебя, как классного парня, щедро жертвующего на различные культурные проекты. Правда, Борис?

А ты знаешь, что ж такое – настоящая жертва «за искусство»?

Нет, дорогой, не деньги, хотя Великий Фрэнк жертвовал пацанам не то говно, за которым ты сейчас полез – закрой лопату, раньше надо было думать, в начале боя, теперь иные времена, и одной «лопатой» ты явно не отделаешься, здесь, на нашей давно уже сбившейся с курса станции, эта твоя бумага не согдится.

И даже если бы сейчас к нам с небес, преодолев морскую толщу, упал нормальный сельмаг со свежими бля(ПИСК)дями за прилавком, чтоб «все в передничках», «отважных и т.д.» и нас предупредили, что все мы скоро издохнем, «эти сведенья верны», но надо отдать всё, ты бы пренебрёг посмертным удовольствием, потому что ты никогда не отдашь ВСЁ.

Вот я тут со своими ангелами записал альбомчик в старой, доброй Англии, и пригласил попеть вокалом ту, с которой мне не нужна,

Моя Любовь.

Моя Марихуана.

и, как профессионал, я не мог пожертвовать таким случаем, чтоб мой оркестр не заиграл, во всю, как говорят братишки «плановые»,

«дурь».

А по сему пришлось накачивать им энергию желания, моё дирижёрство в этом и заключается, когда у меня не было силы даруемой Отцом Небесным (целители называют это состояние «перекрыты чакры», хотя, что ж такое «чакра» толком так никто не объяснил), оркестр играл в манере питья ху(ПИСК)ёвого кофия: безо всякого удовольствия, даже те моменты, на которых, вроде, всегда поднималось настроение.

Труба:

И далее измерение новое, как хорошо забытое старое:

“...А премудрый Сид Ахмет говорит, обращаясь к своему перу:

“Здесь, на этом крючке и медной проволоке, ты и будешь висеть, перо мое, не знаю, хорошо или же дурно очиненное, и ты будешь жить здесь века и века, если только какие-нибудь дерзновенные и злочестивые сочинители не снимут тебя, дабы осквернить. Однако, прежде нежели они к тебе прикоснутся, предостереги их и произнеси как можно внушительнее...»

Дальше, дорогой Борис Абрамыч, всемирная история развивалась согласно, не раз упоминаемой мной в космическом полёте теоремы «Реверса» В. Дженибекова (а с виду – русское лицо, скажи, коллега-космонавт!)

Гомер, “Одиссея”, Песнь седьмая, что начинается словами:

**“Так Одиссей богоравный, в бедах постоянный,
молился...”**

Продолжается так:

**“... Десять носившихся дней по волнам, на десятый
наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где
Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, живет. И Приют
Благосклонно
Дав мне, богиня моя угощала, кормила, хотела
Мне наконец даровать и бессмертье, и вечную младость....”**

**К вашему берегу меня многошумные ветры и море;
Гибели б мне не избежать, когда б на утесистый берег
Был я волною, скалами его отшибаемый, кинут....”**

- И ты, пальма, тоже

В садах сих чужестранка, - тихо сказал я, а потом вспомнил, что он просто повторил возглас короля Абдар-Рахманом, тосковавшем по востоку в садах Русафы.

Это тень искушает меня.

Так что я оставляю своего Героя, и возвращаюсь к своей несравненной Найоми.

И, в который раз ускользнув от её разящего «Шуто» (ладонь ребром), я перестаю сочинять, и вспоминаю, как же оно было на самом деле:

Мир снов, Найоми, мир снов (я тут малость вздремнул).

Я видел всю нашу компанию, всех тех, кто сам себя в небытие отправил, ибо небытие наше – то самое сознание, с которым мы давно уже простились.

Найоми! Если кто спросит, что это за вурдалак окружил тебя своей заботой, ответь, что это тот самый снежный барс (ирбис) который гонялся за тобой по московскому зоопарку, где ты никогда не была (это тогда, в девяностых, когда я только затевался это написать, а теперь вон оно что, сама приехала, однако, будем выдерживать порядок повествования, иначе мы ульём слезами не только сюжет, но и мысли о сюжете), и перед тобой та самая русско-

немецкая горилла (самЭц), которая взбесилась, когда узнала, что тебе на нее наплевать – у тебя Роберт де Ниро, б(ПИСК)ля, де Ниро, б(ПИСК)ля, де Ниро.

А теперь немного жестикуляции: правой рукой я как будто вытаскиваю Фердинанда, как бы из памятных недр;

Но все заканчивается жестом кубинского солдата, когда на Кубе были сначала ваши, а уже тогда был «наш человек», знаешь почему?

Смотри на точку, в которую сейчас попал летчик, вспахивающий Небесное Сердце Фрэнка Синатры– с любовью.

Потому что как-то именно там, на Кубе я выиграл когда-то «абсолютку», и моим соперником был двухметровый негритос, у которого бандаж (намудник) встал ребром на правое яйцо, помнишь, Фердинанд?

(Это я себе.)

Вставай и слушай! Этот негритос прыгал, как жаба на сковородке, меня, разумеется, дисквалифицировали, даже команды подрались, каратэ есть каратэ, хоть в тот раз – так называемое «неполноконтактное», на самом деле из-за этих «неполных, дозированных» контактов это- самый травматический вид спорта, ибо когда я почувствовал, что меня засуживают, я отправил соперника в нокаут, тем самым – победив его, а кто из нас какой чемпион, кто истинный, а кто – фиктивный, решат потомки.

Но главное, потом меня в ночном Карибском море (слышь, Борис) сбросили прямо на спину горбатого кита (возможно, я встречаюсь с ним, когда на борту «Одиссея Хитрожопого» будет спать и видеть сны Та, с которой Ты мне не нужна,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

(но пусть ты будешь всегда) – во время нереста, - в полнолуние, когда со дна всплывают русалки;

потому что это было моё последнее желание перед тем боем, после которого меня хоть и дисквалифицировали, но я победил, потому что достаточно было вписать тому негритосу по чану, как он перестал бы соображать, но я не сделал этого – меня уже держали за руки и за ноги.

Что за картинки на истерзанном теле?

А разве ты не слушала старика Арриана, бесстрастного Арриана, когда он рассказывал всему свету:

«И когда Александра Двурогого, как звали его (уже гораздо позже того момента, как умер бесстрастный Арриан);
начали поджимать свои же братки,
он сказал:

«пусть каждый снимет панцирь и сосчитает раны, у кого их больше, чем у меня, пусть выйдет им говорит».

Я был там, детка: накануне спалили того Пророка, что сказал:

«Увидимся в Вавилоне».

(Горел он сам, а мои были почести).

Тогда Фердинанда я звал Аристотелем, ибо мои предки с Запада сожрали Рим чуть позже: им достались бани и гетеры, но тогда Фердинанда звали просто Цезарь, сейчас в России так зовут каждую собаку,

так что я решил его переименовать.

- В кого?

- Да хоть в Роберта твоего. Забыла? Какой-то американский итальянец, его недавно обвинили в сутенёрстве. Могу назвать Туборг, но у бутылки форма хуже, даже если ее ваяли вуяристы, а я их стреляю из окна – в свободное время, вон один возник, заснять, как мы тут раскуриваем с тобой

Мою Любовь,

Мою Марихуану,

проклятый папарацци, раздвинь свои шоколадные ноги и покажи ему от туда кукишь, пусть в последний раз улыбнётся – его снимают:

перед вами карабин «Сайга» 7,62 на 39, АК с пулемётным стволом, я выбирал эту штуку из большого числа стволов, оптика неприхотлива - 3,5, бах, боже мой, опять в бега, в этом проклятом мире человеческая жизнь не стоит ни чего, а жизнь какого-нибудь подонка стоит моей свободы – вот от чего столько несправедливостей в этом мире.

- Доверься мне, девочка, ибо кто не знал неволи, тот не поймёт: на воле - что?

Пусть гниёт, этот жирный фашист с балалайкой,

и имею право на все вокруг, потому что мне ещё младенцем волчицы давали, и зовут меня, прямо как в репертуаре чёрного Джона: он ещё в пятнадцатилетнем возрасте подыгрывал Фрэнку – на своей прекрасной гитаре (и это был «Гиббсон»)

«Дитя Природы!» (Англ)

(«В натуре Бой»).

Спустилась ночь, а лётчик всё летает, и думает себе:

Боже! Мог ли я думать, сидя взаперти, как интересна городская жизнь! Особенно ночью...

Люди расходятся с мест своего дневного конторского пребывания, завернувшись во что-то герметическое, и бредут, бредут друг к другу в гости... Заправившись в кашне Ё чешут справлять праздники. Как интересно! Они спешат сожрать каждый свою селедку под шубой, и у каждого хреновенького мужичка есть своя хреновенькая бабеночка, никто ни на ком не женат, и у всех Ё счастливые компромиссы. И все друг друга понимают с полуслова. Что ты будешь делать! Как хорошо там, где меня нет! Сиди здесь, как прыщ на плющихе, как дятел... Который досиделся Ё спятил. Арест есть арест, хоть и домашний! Опять стихи. Запрещенный в моей ситуации жанр.

Кстати, мы никогда друг друга не понимали. Ни-ког-да. Мы всегда бродили каждый по своим проводам. И надо же им было пересечься именно в тот момент, когда до сих пор каждый умудрялся не влезать в дела другого! Что мы могли хорошего сказать друг другу? Да ничего. Мы вообще друг другу ничего не могли сказать, потому что любое слово тут же вызывало

протест. Тут же... Так что...Если поразмыслить... Это столкновение было неизбежно... Но остался-то все равно

Я!

о все-таки интересна городская жизнь! Она переполнена соблазнами. Весь город пестрит хорошенькими цесарочками, у каждой имеется своя однокомнатная квартирка, со своим идеальным порядком. Вот они бродят, каждая по своим четырем квадратным метрам, сдувая пылиночки с крохотного телека какой-нибудь узкоглазой салют-компании, которые им дарят на дни рождения, да новые года какие-нибудь сраные начальнички... Директора, вице-президенты, референты и просто... Нет, не просто... Рядовые клерки Ё не в счет. Пусть пока дрочат, а там Ё посмотрим. Не заслужили пока... Цыпленочка в духовочке... Ну, там всякие прибамбасы Ё рыбка, то, се... Какой-нибудь эффектный напиток. Обговоренный заранее... Какая-нибудь итальянская газировка в бутылке из-под шампанского. Или фирменный самогон. Белая лошадь. О! Пусть будет «Белая лошадь». Любимый напиток Фрэнка. Ну, и белье, лапочка, не жидись на бельишке Ё лиши себя чего угодно, только не трусов, пусть у тебя будет прокладка без крылышек Ё на хрена они тебе, крылышки, ты же не ангелица, чтоб на них летать, купи себе пояс и чулочки... Все, тогда этот дебил Ё твой и на следующий праздник он тебе задарит еще что-нибудь. В худшем случае Ё конфеты, в лучшем Ё утюг или чайник... Господи, убожество... И любовь эта ваша Ё убогая... С вас можно комиксы рисовать, господа... Если бы... Если бы... Не художественный вкус тех, кто за вами молча наблюдает... Можно же что-то дорисовать... Скажем Ё какой-нибудь засранный спекулянт, прежде чем стянуть с себя кальсоны... Поговорит с ней... О видах на новые конфликты.

А под утро...

А под утро мы с Борис Абрамычем, с трудом преодолевая рутину невесомости, подплыли к зеркалу, и диву дались: да мы выглядем, как две порнозвезды на пенсии! Ни чуть не хуже.

Раунд десятый

Сегодня впервые открыл глаза - или так мне показалось, и сразу забыл сон праведный, который накануне мне явился. Потом опять - я увидел всю комбинацию с двенадцатью стульями, - оказывается там не было никаких бриллиантов. А тот хитрый старичок над Кисой просто пошутил - на строительство ЦДКЖ в Москве, где нынче еврейский театр Вадика, деньги выделило государство, и правда - за столь короткий срок такую дуру построить невозможно. Так что напрасно Киса порезал глотку Великому Комбинатору, и напрасно издал крик простреленной на вылет волчицы.

Слышь, Борис? Ты, в конце концов, приобретёшь хоть одно моё гуманитарное открытие, а то ведь я всё продам Абрамовичу, вот он, сидит, у себя на яхте в сухую дробит из экономии не быть растерзанным инвесторами, и не знает, где скрывается его основной конкурент по бизнесу ВАЩЕ, как тот Городулинский прожект, под бойким «глумовским» пером переродившись под прожект. На всякого мудреца довольно простоты, правда, Абрамыч?

Чего ты сморщился? Да не Абрамович, а Абрамыч, тебе послышалось. Да послышалось, я тебе говорю. Ты что, ревнуешь? Но ведь время такое тревожное, Боря. Всяка тварь должна делиться с соседней, чем Бог пошлёт, или летать, как птица, а у нас вокруг – ледяная чернота космоса. Давай, тащи заначку.

Борис уплыл в соседний отсек за тобой,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

А с ним уплыл его баритональный тенор.

Судьба с нами порой вытворяет такие хреновины, от которых в последствии многие косеют.

А, Борис?

**Улетела твоя Конголиса.
Райтс, еб(ПИСК)ёнатъ.**

Кабы мы, по выражению Великого Сальвадора, не жили в эпоху пигмеев, и нам бы не было нужды спасать от них искусство.

(Пигмеи, на самом деле, ни в чем не виноваты, виноват кто угодно, но только не пигмеи, б(ПИСК)ля, пигмеи.)

однако я принял решение - срочно сменить нары, не смотря на то, что мы болтаемся который год по той орбите, которой, словно нашего неистребимого чёрного кота, нет, не было и не будет, даже если с похмелья себе придумываем, что нас давно с неё, с орбиты этой, не спросясь сорвали.

Сменил нары: почувствовал себя прекрасно - сны я перестал видеть вообще, ментально сообразив, что я и есть сон, который кому-то снился, призвав того же Хорхе Луиса, бывшего директора национальной библиотеки в Буэнос-Айресе который, а в свою очередь, тоже призывал на помощь кого-то еще, из наших «реалистов посередь пампасов».

«Каждый опытный игрок знает, что такое своенравность случая»,

**сказал Фёдор Михайлович, надиктовывая «Игрока»,
панически боясь не успеть сочинить его за неделю, - уходил контракт,**

**а что до нас с Борисом, то
вся эта, ниже приведённая, сочиненная, позже переведённая, и
возвращённая в лоно родного языка – в зад, обратно, та же «Лотерея в
Вавилоне»:**

**по Французской башне Галатеи ходит многократно упоминаемый
конфуцианский кот Муррз (которого нет), в его правый глаз
монтирована камера, кот летает под Луной (именно поэтому его так
часто зовут «лунный»),**

**и видит все наши святые лики – с кошачьими мордами, а все грешные
мысли наши – полосатыми, а заодно и смерть Гала: вот её сталкивает с
лестницы Великий Сальвадор, узнав, сколько денег она отдала этой
самой «суперстар», сыгравшую Иисуса, вот она ломает бедро, и вот
помирает, и Метр, спускаясь на её могилу, обо что-то спотыкается и
падает на правое колено.**

Отсюда и «ТРУБА», учитель, б(ПИСК)ля, учитель, б(ПИСК)ля, учитель.

Он молчалив и непреклонен, сажает мне беременных скорпионов на спину – они кусают меня, мешая твои пары драгоценным ядом, преследуя твою кровь прямо в венах – и вот это ты, твой образ, стало быть, догнали до мозга – прямо через сердце, ибо я тут не давно чуть не умер от любви – и эту смерть устроила мне ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана.

Поскольку закончить можно по всем статьям – и разом, и несколькими – одновременно, единым и неповторимым, как мгновение, внеплановым залпом всего стратегического, ядерного, нейтронного и водородного,

но чувства, которые ты мне внушаешь, в тысячу раз острее, нежели те, что обходятся без тебя; впрочем, как и страх, касаемый ваших боевых рядов (сортов), это вашего племени амазонок, которого хрен достанешь, даже семена.

И тот чучмек, что пытался как-то запрессовать меня на ринге своими тупыми мослами, но словил встречный, явно перепутал направление.

Братан! Везли тут одного попугая с завязанным клювом, что об не склевал семена твои,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

– так свихнулся, стервец, ибо, глядя на зерна твои, не мог не спеть соловьём – и это насторожило таможду.

Но ты со мной,

Моя Любовь,

потому что не было б тебя, пришлось бы расписаться под формулой «рождение в муках», мученики его придумали.

Несчастные! Искусство должно рождаться, в радостном кайфе, как в коконе ребёнок, иначе вы только усугубляете процесс умирания.

Я здесь – как в ожидании ГОДО, только ГОДО (додумался же Беккет Самуил) депрессирует, и он – не мой герой, потому что я могу вылиться в любой образ,

хоть радостный, хоть горестный, главное не переборщить ни с радостью ни с горем, но творить в депрессии – абсурд.

Все персонажи здесь - в поисках Автора – хорошие ребята, и у них светятся глаза – они втянуты процесс, и отнюдь не кафкианский – мне наплевать на кафкианский процесс, ибо там тебя нет,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

и поголовно все персонажи Кафки в тебе только и делают, что ни ху(ПИСК)я не понимают,
и всем, кто занят этим авторским поиском – пора бы тебя изыскать,

Моя Любовь,

но все они застыли в ожидании.

Вот он, злодейский смысл невысказанного дела, который Лион еб(ПИСК)ёна мать, Фейхтвангер назвал «Успех».

Двенадцатый стул вскрыт – там ни хрена нет, кроме, залётного чёрта, но у меня всегда есть тринадцатый - чистая интуиция - я бы тебя так назвал, любовь моя, и книжечку я видел с детства – на полке:

«УСПЕХ», «УСПЕХ» «УСПЕХ» -

книжку тогда не читал, а потом не стал: если бы его формула была настолько хороша, она не моя, а если и формулы нет – зачем её искать: но название хорошее, и я дарю его тебе,

Моя Любовь,

что б ты, выйдя в меня, на выдохе снизошла до воли посланца, и взошла к небесам в виде облака, беспрерывно меняющего облик.

Ты ткешь мне "ОБЕРЕГ", ты выводишь туда - куда тебя направишь, и поэтому я везу тебя Москву, где барыги взвинтили на тебя цены, впрочем, как и на всех, кто даёт за деньги.

Труба:

Стокгольм, в аэропорту шмон, и тебя вот-вот найдут - я засунул тебя в свежес подаренные трусы, да не те, девушка, - вон, в чемодане, но чисто интуитивно я провёл маневр: прямо на тебя положил те саамские ножи, что мне задарили

шведские чукчи – слышали таких, Борис? Ты ж в связи с предьявой губернатору Чукотки должен знать о северных народах всё, полярная этнография, вероятно, просто идея фикс у твоего прямого конкурента по бизнесу, Борис ты мой Абрамыч.

Рискуя разбить это стройное повествование на чистые, слышь, Борис, никому неизвестные символы, я выхожу на берег реки, и стреляю из хорошей полицейской рогатки, что приняли на вооружение еврейские легалы и нелегалы арабские, так что ежли Ясеру и ездили когда-то по чалме – то этим бесшумным оружием, тоже и наоборот, Борис, не обижайся.

Я нахожу своё, как я думал, безвозвратно потерянное, фамильное оружие, и что самое главное – наследный Георгиевский крест, спасибо тебе, Господи, значит я – на верном пути, и скоро я доберусь до этой самой – следующей роковой любви, жилы золотой, и попрёт, как говаривал Владимир Владимирович «и стихи, и дела», так что,

Любовь Моя,

Труба:

Ну, как же, городок «Ёк-Мок», как нет, на, конечно есть - взгляните на карту, ах, и там нет, ну так Луллия же есть, ну конечно – вот он, Ботнический залив, там-то я и утопил свою «Фортуну» – разумеется, по документам, чтоб потом слетать в Лас-Вегас, и проиграть страховку, слышь, Борис Абрамыч, это не ты там грабил «одноруких бандитов», году так в девяносто третьем?

Там тоже были какие-то проблемы, как сейчас, в аэропорте (я сочиняю, Борис, задумайся об этом),

я заговариваю тётке зубы, глядя на тебя,

Моя Любовь,

если она тебя найдёт, то ваше соперничество непременно попадёт на страницы жёлтой прессы, и тетка прославится тем, что вывела на чистую воду того, которого нет.

Так-то вот, Кондолиса!

- Эти ножи из мягкой стали, и ими в лучшем случае - можно мездрить оленьи шкуры, у меня нет сил,

Любовь Моя, но я пою тебя, пою тебя, пою тебя, и мужики говорят мне: Эверласт по сравнению с твоим воплем «Эй, нау!» - просто отдыхает (альтернатива,

говорят клерки от ШОУБИЗНЕСА), когда ты попадаешь в такт с тринадцатого раза, но всё равно - поёшь, как резаный, и кто-то на облаке сечёт: а этот, в красных трусах, которые давно уже не делают, неплохо держится!

Труба.

Я возвращаюсь на родную Волгу, ныряю на Крещение в полынью, - прямо, в обществе боевых корешей, не раз простреленных на вылет, и думаю – кончены странствования, я, наконец, в Итаке.

Да только мудрая Афина, когда с женихами было покончено, забыла приснять колдовства.

Пауза.

Сейчас, в другой шкуре, ренкарнации и т.д., рассевшись в классической английской качалке перед английским же камином, окруженный внуками и любимыми собачьими с кошачьими, а также куньими, «шипящими, кричащими, вопящими», листаю наш с тобой Борис Абрамы, космонавт ты мой исследователь, бортовой журнал, более того, я ж на нём периодически гадаю, вот: 15.11.11, продали «Жёлтый бриллиант» на Сотби, за двенадцать с половиной лимонесов, а стартовая цена была: два лимонеса чистой зелени, покупатель купил его по телефону, пожелал остаться неизвестным.

- Абрамович купил, сука, - сжав мохнатые кулаки, возопил Борис.

- Ага, - подливая маслица в огонь моего английского камина, восклицаю я, продвигаясь в невесомости нашего "МИРа". – Может, он и не хотел, но какая-нибудь б(ПИСК)лядь, совсем юная, висела ж на нём, и говорила, Абрамович, купи мне его, я у тебя от(ПИСК)сосу так, что ты этого никогда не забудешь, а забудешь ты – про все свои миллиарды, б(ПИСК)ля.
Представляешь, Борис, сидела на коленях у начальника Чукотки.

- Уволили его, - со злобным прищуром говорит Борис.

- Ну у экс начальника, и буквально до(ПИСК)ёбывала его, а могли бы купить его мы, будь у нас телефон, правда?

Так я вот что прочитал в нашем бортовом журнале конца прошлого столетия:

«Я дошёл до того, что попытался спрятаться от собственной тени в общественном клозете».

Это ты писал?

- Нет.

Точно. С тенью-то бьюсь я, ему-то на хера, он же не боксёр, и контракт с ТОЙ СТОРОНОЙ ЛУНЫ, где зацветает ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

такая, что Боги засылают крылатых жнецов, он не подписывал.

Задумались с Борисом, вспомнили, что МИРОм правит измена, всплакнули, вздремнули, глянули в бездну – там Одиссей в плену у Посейдона, вид у него: загулявшего индейца, интонация – мягкая, но внятная, да только нос – немного на бок, и ухо правое – пробито веслом в междоусобных боях – на этих самых берегах – гулянка на гулянку (лодки такие),

настроили бортовые окуляры: глянь, Борис, Найоми, в присутствии фотографов вяло мастурбирует, глядя на маленький реактивный самолёт, чертящий в небе сердце Фрэнка Синатры.

А чем он взял тебя, Найоми, этот американский италяшка де Ниро, а этот, русский, признайся, он же тебя просто купил, и разрешил выкидывать в окно в день по паре стриптизёров, любишь ты всё равно этого американского италяшку де Ниро, спроси меня о чём-нибудь, спаси меня своим вопросом, и тысячи душ спасутся вокруг нас.

- Спрашивай, - читаю по губам.

- Хотя что-то – про любовь, пожалуйста.

- Любовь? – говорит наш шоколадный сахар, защитница животных и меньшинств. - Не помню, что там было в конце: Звезда, (ПИСК)зда или беда».

Конечно же, беда.

Я бьюсь с тенью.

Раунд одиннадцатый

2 или 3 сентября какого-то года, этой стране как всегда п(ПИСК)дец. А у меня, б(ПИСК)ля, вдохновение. Я летаю по моей станции “МИР” с радиомаяком, зажатым в ладонях, как покойницей свечой, а вокруг меня порхают дрозодилы, мутировавшие бЭз гравитации в крылатых

мон(ПИСК)довошек - с собственной ел(ПИСК)дой, собственно, с целью исследовать влияние невесомости на экстерьер классической дрозофилы и был заслан английским филиалом лондонской конторы «Мас сад» Борис Абрамыч, космонавт – исследователь,

я слышу их, дрозофил, периодически срывающихся в невесомый штопор собственных надежд остаться мутантами, и съе(ПИСК)баться отсюда, и слышу их беседы на дрозофильем языке в наушниках - “Нирвана”, и это лишний раз увязывает наше причудливое единство - людей и животных.

Борис! Я бы мог написать эту книгу такой, какой ты её хочешь видеть, ты ведь уверен, что заслуживаешь того, чтоб я воспел тебя, с петлей на шее, и миллиарды раз твердил: Борис, Борис, Борис, ты лучший еврей на Земле, ты круче Абрамовича, потому что ты более загадочен, а значит, мафиози – бабы это любят, особенно девочки с окраин, которые выросли с бутылкой «Балтики» в руке, и с детства видели такое, что ты давно сумел забыть себе представить, но правда далеко не та, что хочется видеть, но нет, это было бы слишком просто, - заглянуть во время и расшевелить себе мозги.

Мы сочиняем (всем экипажем) новую, пусть не каноническую, инструкцию, потому что нагрянет тот самый год, и мы с грустью проводим друг друга в прекрасный полет (это было давно). Надо сочинить такую книгу. Чтобы как-то подготовить тех, кто не ведает, что творит.

Я летаю из отсека в отсек, вон у иллюминатора опять сидит этот юнга Боря, и занимается все тем же нехорошим и вовсе небожьим промыслом, - читает Зигмунда.

- Немедленно прекратить, - говорю ему я, просто плюю в невесомость, и, словно летающая мумия Тутанхамона (тысячелетнего юноши, с чисто царским форсом), двигаюсь ногами вперед дальше - в кухонный отсек, у меня там в верхней тумбочке специальная бромистая таблетка - съем я ее сейчас, и ни еться, ни, тем более, читать этого наркомана Зигмунда, мне даже в голову не придет, однако на пути полёта в манере Наташи Варлей в Гоголевском «Вице», что называется «под куполом» видится знакомое жерло той самой пушки, из «раструба» которой летал на ядре знаменитый Барон, меня тащит в водовороте твоих туманов, свежих, утренних, весенних,

Моя Любовь,

Моя Марихуана.

Я возвращаюсь, и мне кажется, что всё это – явный предел всего того, что обгоняет Свет: можно назвать всё это – скорость того мгновенья, которое, вечно, а значит – мысль о нём и есть – тот самый скоростной предел, что существует во Вселенной, но ни хрена подобного:

Учитель всегда караулит меня со своим карающим хоссу, у входа в трубу, как уже говорилось, в нашем внутреннем обиходе (здесь все свои) это называется – Колодец Нирваны,

у африканцев он зовётся – полосой Зебры, и она начинается всегда, когда её не ждёшь, ибо как говорил Отец Эрнст в своём «Празднике», который как был с ним, так с ним и остался: «забыл постучать по дереву».

У тех, кто решил сыграть в рулетку с одним «пистоном» на «семь», - это принцип шахмат – доска поделена, и путь скольжения – брюхом по этой искривлённой грани (это, как взбираться в пятилетнем возрасте вертикальному канату – вот-вот кончишь, а падать – высоко, и чем больше кайфа, тем быстрее лететь);

называют «путь воина», но лучше: «полёт боевого воробья», столь скользок, столь и не определён, и я бегу зигзагами – мечусь по рингу от собственной тени, чтоб перевести дыхание и расшнуровать заглашник с новыми финтами.

Ребята! - ору я тому, от кого не убежишь (вот тут какой-то чёрт подходит с вопросом, оказывается он друг, а значит, будущий враг), бойтесь равнодушных! И т.д.

Потом устремляю взгляд на сцену этого вселенского театра, где – режиссер, которого скоро убьют артисты, подбирается к моему пульта (примеряется), артисты просят с моей стороны давления, но мне не даешь этого сделать только ты,

Любовь Моя,

Моя Марихуана,

Не зря меня определили командиром «МИРА», вот если б я жрал водку, (любовь к этому напитку проходит со временем, и тут я понимаю – с твоей, разумеется, поддержкой, любовь моя), то меня б определили на станцию «ВОЙНА», что скоро, чувствую, случится.

Я раздвигаю занавес – из зрителей – один Борис Абрамыч, наш Театр – Вселенная, она устроена по принципу матрёшки, (на крайняк, см. «Люди в чёрном», сам финал, у сценариста явный признак твоего бесконечного присутствия,

Любовь Моя,

Моя Марихуана;

- и я управлюсь с каждым, кто покусится сказать, что наш с Абрамычем МИР хуже, чем тот, куда устремляют взгляды влюблённые, правда – звёзды те же, и за это мой поклон в том числе и тебе –

Моя Любовь,

ибо ты изменяла мне со всеми, но не изменяла мне никогда.

Так что на самом деле – это великое счастье знать, что над тобой – только Бог, а связывает нас великий Ангел самых верхних небес – Егорий Победоносец (так назвал этот орден Василий Макарыч), и он ездит ко мне на прямую, а единственный свидетель, на этом тайном свидании – та, с которой ты мне не нужна.

Моя Марихуана.

Вкушаю твоего бесконечно лона, вновь выхожу через трубу - прямо сюда, к тебе,

Моя Любовь,

внимаю упоительный покой (который - воля, при полном отсутствии счастья), и благодарю ангелов за мгновенный момент передышки.

Я не так давно уже залетал сюда, - посмотреть на нас со стороны, только, может быть, в другое время года.

Потому что в каком-то из своих давних снов, я был тем лебедем, что сгорел на огне Тенгиза, потому что мстила оскорблённая Земля, а в сне следующем, я был подругой того лебеда, что сгорел, не вынесла горя, да и упала – «за рекой, в тени деревьев», сражённая моей же пулей. Взял грех на душу. Её перья до сих пор стоят в моей чернильнице, что ж, может, запишу пером убиенной птицы молитву, прочту, и грех – то замолю, если только такой грех возможно замолить.

Труба –

мольберт, и подойти к нему нельзя, ибо сразу нарисует СЛОВО, так что я бросаюсь в неё сходу, минуя пинок Учителя, и мчу в «Путь к себе», как будто в магазине можно купить к себе путь – тут начинается путаница и лёгкий страх потерять бдительность – мужики мрут, как мухи, а я все как муха выздоравливаю, и только для того, чтобы повстречаться с Папой – он был у меня ровно семь лет тому назад, когда я приехал на свой Колдовской Остров его

дождаться – он рассказал мне почти всё, он был там, и я думаю – пора повстречаться снова, со мной тебя не было тогда,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

и не будет после – там, в этом волшебном месте, ты мне не нужна, но ты, к сведению тех, кто уже начал, и скоро, вероятно, кончит: приходишь и уходишь вовремя.

Я начинаю врубаться, на каком из моих собственных финтов меня нае(ПИСК)бёт моя тень, как конь Олега, выпустив из собственного черепа гадюку на сносях, на моём коронном номере: финте дракона.

Я не вспомнил этот финт ни в одном, из известных мне стилей кунг-фу, потому как срисовал его во время ритуального поединка варанов острова Комодо.

Когда-то, будучи пребываючи маленьким и очень чувствительным мальчиком, мечтающим завести кобелиный «смычок» догов, только догов, и ни одной собакой меньше, я увидел в детстве этого варана по телевизору, и едва не сошёл с ума, до того меня впечатлила первобытная сила этого невиданного зверя, я могу сравнить это только с последним интервью Любви Орловой в прямом эфире, когда дед Василевский открыл мне, сколько ей на самом деле лет, а позже выяснилось, что она вобще была его любовницей.

Полное покорение пространства и времени, это когда я, со своей тенью кончаю одновременно.

И если смириться с любой картой, что роздана с колоды (там не крикнешь: «на стол колоду, Господа, краплёная колода!»), это уж – после того занавеса, за которым всегда остаёшься только ты – из местных, тут процент выживших крайне невелик);

я скоро зайду на Время – пробуду ровно столько, чтобы присниться Создателю, и повстречаться с Папой – он где-то рядом, и для этого надо всего-навсего пару ГОНчих псов, остров, и чтоб вокруг вода, а на нём никого. И ангелы-актёры, собираются играть на гитарах, стучать в барабаны, сидя на стеблях, как трио Гигантских Орланов, (сейчас они сушат крылья, как весла после вопля Одиссея Хитрожоного, когда он услышал песни сирен).

Мои Ангелы только что стряхнули чертей, которые не успели, слава тебе, Создатель, протягвать (это не ГОН, это – чистая бряхня): Наше Время, и я уже почти услышал текст: сплошные ремейки.

Там знакомые, любимые образы рвали себе тельники, и просили у «старшины не уводить из весны» – по разным причинам, в том числе и по той, когда я носился тобой, как с писаной торбой,

Любовь Моя.

Моя Марихуана,

а ведь в молодости любил ((ПИСК)дюлей поднараздать, был грех.

Они ((ПИСК)дюли), отсылали меня к тем временам, когда я ни у кого ничего не просил, а судорожно соображал, как избежать «конкретного» скандала с государством, ибо охота пуще неволи, и я должен был успеть к тому сезону, где полно цикад.

Они поют на твоих стеблях,

Любовь Моя.

Они кайфуют. Ну и я – сушу крылья, вёсла, паруса – сейчас загудит сирена, и возможен минутный перерыв (в этот момент меня посетила стойкая догма, пусть она трижды реакционна: сколько бы я не проходил по старым текстам обновлённой рукой, всегда получалось тоже самое, может быть, в слегка иной формулировке и с оттягом: мы запрограммированы, дорогой Борис Абрамыч, до степени практически абсурдной, и все наши мысли о свободе: часть сна безмерного сна того, кто Создал, и Война не за горами, взгляни на табло, сегодня – 24.01.2012, мы можем потрянуть левыми ксивами и поклясться, - что на Книге, что на крови – своей – чужой – неважно,

Мы можем зафиксировать эту дату в боровой журнал нашего «МИРа», как начало Седьмой Войны на Востоке, предсказанной ещё при Александре, - Ирану предъявили за ядерную бомбу, которую они давно построили, но не придумали носитель;

братья – мусульмане замыслили перекрыть Аденский Залив, опять авианосец (этот корабль впечатляет), разумеется, ваш с америкосами, драгой Борис Абрамыч, а дальше – тишина.

Та самая, которая бывает перед возникновением примерно в кабельтове – Девятого Вала. Снуачала давящая пустота, потом – ты задираешь бошку, и видишь её вершину – вертикальная стена, Борис Абрамыч. Видел такую?

Потом расскажу.

Борис спит в невесомости. Он летает в какой-то не естественной для бывшего богатого еврея позе, и я возвращаю его к жизни единственным способом, который возводит эффект от концентрированного нашатыря в нежный нос беременеющей суки добермана пинчера: практически на нет.

Я подплываю к Абрамычу в безвоздушном пространстве и ору что есть мочи:

- А – бра – мо – виччч!!!!!!

Борис просыпается и падает, словно лунатик с единственного, спасительного провода под смертельным напряжением:

тут сразу откуда-то взялась гравитация, та самая, которой здесь, в «МИРе» нет, и быть не может, выходит, Борис Абрамыч меня всё это время наё(ПИСК)бывал, он – маг и волшебник, а говорил – скромный безработный космонавт.

Однако, мы уже давно перевалили за середину поединка с тенью, а посему пора бы с ней сыграть в неё саму – раз шаманим, так надо перестать бояться любого греха, что укладывается в лоно элементарной, бандитской морали, касаемый даже игры в собственные образы, и алиби здесь одно: с этим процессом бороться бесполезно, «хоть милицию там заводи», как говорил Евгений Евтушенко.

Так что, Борис, наше с тобой сочинение сейчас скакнёт в иное измерение, давай отбросим какие-то несчастные пару – тройку тысяч лет, и глянем, что с нами было еще до Александрова похода:

**Но и это были воспоминания – далёкие, как сон, ибо ныне
Нас несло по воле ветров без Одиссея (*) – Посейдон его похитил.**

**Из-под воды слышалось пение Марии Калос, и, вслед за пузырями по
синей воде – голос (*):**

- **Слышь, Посейдон! Как двигается мужик!**
- **Да это – не мужик, это – баба.**
- **Да нет, дирижёр! С красным плащом на плече.**
- **Да это ж язык. Давно уже дирижирует, а водичка – солёная. Солёная водичка!!!**

Что? Нет. Это правильно, что ты уже заломила самую высокую цену – Найоми – вон моя лодка, качается в волнах, которых уже нет, и на пятый раз она возродится из пепла – идея себя пока не изжила, паруса были и останутся парусами, - что в космосе, что в море.

Эх, Найоми (как по бабушке? Не помните своего отца? Он был священник? Ох(ПИСК)уеть не встать), во где были подпольные бои, так это в Нижнем

Новгороде, я был там гастролях – в стенах старого Кремля, в сухой закон, но со стаканом так называемой шалы.

- А что это такое – ша - ла? – спрашивает наша икона девяностых, сменившая по африканской сексапильности королеву Диско – Дону Самер.

- Определённая консистенция

Моей Любви,

Моей Марихуаны.

Выиграл на собственном здоровье как-то штучку баксов, - там биться надо было не с собственной неврастеничной тенью, а с реальной горой мяса, пошёл в кабак, там перед двумя девками целый час изображал глухонемого, а когда заговорил, они взяли, и обиделись.

Плюс летучий голландец – по матери, по Волге, с пьяными директорами провтехучилищ, в количестве двухсот, да в сухой закон, река – развращает, даже ет(ПИСК)ься забываешь – до того хорошо, с тех прошло больше десяти лет, моя шоколадка, да раздвинь ножки-то, ножки-то раздвинь, вот так,

о чём я?!

А! Про то, что какие-то опереточные демоны в комиссии книжного «Оскара» признали мою литературу излишне, ты слышишь, излишне!

Эротичной, что ж это за произвол такой!

А десять лет прошло с тех пор, когда мы кайфовали на то на боях, а то на сцене;

а теперь я целиком в уникальной специализации – убиваю из рогатки, обыкновенной гайкой, можно на восемь, но лучше – на двенадцать, она потяжелее, и всем (ПИСК)дарасам, пусть даже летающим, теперь не уйти, у них практически нет шансов.

И теперь, когда мы семья, я кидаю к твоим ногам всё то, чего у меня нет, но верь мне – всё это будет, потому что зовут меня – Одиссеей Хитрожопый, и не пристану я к берегу только потому, что в свое время послал Богов, а во времена соц. реализма «целовал неприступных красавиц», б(ПИСК)ля буду, мама.

Приди ко мне, моя Калипсо, ибо я тот человек, который ловил зайцев!

Что вы говорите?

- Каких таких зайцев? (Недоумевала Найоми, резкая, как стрела, а Фердинанд излучал нехорошее электричество);
- Лунных – я нахватал их, когда варил трубу 324 мм, называемую в бурении, куда я попал из дизбата, «кондуктор, гюсалгы тармаз ларга»;

И натуральных, это когда я на испытаниях русских пегих гончих в селе Ивановка Саратовской области, сел на пень подержаться за Фердинанда, и выжлецы мои, ныне покойные, Габойчик с Журайчиком, гоняли, гоняли (по Весне было дело, по «брызгам», значит);

и выгнали на меня изловленного в Пензенской области белячка (в саратовской белячка не водится, один русачок, ебё(ПИСК)нать (а я что говорил?!))

Пардон, мадам.

Да какая разница, беляк, русак, все едино, зайцы, они и в Африке зайцы, а вот если вы поднимаете взор и вспорхнёте ресницами, то увидите: самолёт скоро пролетит над Сердцем Мистера Фрэнка Синатры, единственного из певцов за всю историю Планеты, получивший имя «Голос», и мне придётся поднимать гребцов, - пора взять Посейдона за му(ПИСАК)де, а сыночку его, циклопу Полифену, выбить его паскудный глаз, знаешь он сколько вашей сестры эфи(ПИСК)опки пер(ПИСК)еёб? Со смертельным исходом, у него ж ел(ПИСК)да – с бурильный Уралмашесвкий станок, 52 метра.

Вижу ужас в её глазах.

- Вы – кто?

- Я – царь Итаки, что документы показать?

- Ну, покажи.

- Промокли. Я уже три тышшы лет, посчитай, как в плавании. Ладно я один – команда.

- Много народу?

- Один на вёслах, остальные полегли на дно морское. Зовут Борис Абрамыч. И, раз он судится с Абрамовичем, денег у него

До

ХУ(писк)Я.

- Вы говорили о каких-то зайцах.

- Ах, да знаешь, какими глазами на меня смотрели мои же выжлецы, когда увидели меня с Фердинандом в правой руке, которого я душил, как горло собственной песне, потому что я в розыске, не до песней мне!

Что? Ах, да – я, конечно же, делаю предложение.

Тут она и говорит:

- Иди (мол), в ванну, помойся, она у меня большая, там даже бидё есть.

На хрена мне биде, подруга, когда у меня собственный фолькбот, переделанный под одиночное плаванье по последнему слову корабельной техники, здесь всё – и классика, и современность, и если твои враги (теперь, конечно, наши), особенно из бывших друзей, начнут на нас порчу наводить, пусть немедленно обдрыщутся рубленкой – гвозди отдельно, шляпки отдельно. Или перемешаем?

А, ты решила полюбить меня на этом бесконечном лоне – со струёй? На яхте Аристотеля не было такой роскоши, называлась она, по моему, «Кристина» – на неё ещё возили старика Уинстна (о нём у нас не раз упоминалось).

А потом дон Сальвадор, глядя на Остров Мечты запечатлел Конец Света – в общем, он случился из за ваших же парней – Бивиса и Баттхета.

Гляжу, Борис Абрамыч у меня, совсем, б(ПИСК)ля, озверел, в натуре: видит реверс откуда-то взявшегося золотого шекеля (то есть, монета прокручивается вокруг оси на пятом обороте (напомним – эффект В. Дженибекова, он гостил у нас, правда, в другой какой-то станции, мы тоже не раз упоминали об этом, пессимисты бают, Земля от так же провернётся ровно через год, вот это будет зрелище),

теряет сознание, расплзается на члены, приходит в себя, вновь видит золотой шекель вновь падает, вновь приходит в себя, видит ангельский мой лик, с черно-белыми крылами, говорящий русским языком с баварским акцентом:

- Да, это я, Герман Греф, председатель сбербанка РФ, у меня справка с дурки есть, что я 30 минут могу находиться в аффектогенном состоянии, махать топором, ни хера не помнить, и мне за это ни х(ПИСК)уя не будет.

Чего ж ты, Борис Абрамыч, впечатлительный такой? Как тебе, наверное, трудно пребывать в нашем меняющемся «МИРе»?

Ладно вот, курни,

Моей Любви,

Моей Марихуаны.

Как говорил председатель колхоза в «Кубанских казаках»:

«сердце подаёт тревожные знаки»

(я сам, кстати, из кубаньских казаков – по бабушкиной линии, глядим в иллюминатор),

вон она, скачет, сопли утирает, в классики играет, я оставил её в момент, когда она была невинна, мне так спокойнее наблюдать весь этот психотриллер под названием

«Мы – то в «МИРе», то в «МИРу», и скоро – «После МИРа».

Однако, как говорят в народе «последняя слеза», и та, с которой ты мне не нужна,

Моя Любовь,

завела свою музыку: там, строго напротив друг друга, расположены магические кристаллы, сориентированные по концам света (на самом деле – их шесть);

На столе собственного производства стоит прибор, сочинённый для единого вдоха моего бесконечного счастья быть с тобой;

Моя Любовь,

Это - гениальная комбинация абсолютно в далианском стиле, напоминающая «Портрет Мей Уест»: пластмассовая пятилитровая бутылка с «форсированным жерлом», на которой написано:

«чистый глоток, источник свежих сил»;

в которую входит двухлитровая бутылка «Святой источник», как шар грустного осла Иа из волшебного горшочка Винни Пуха, где был когда-то мёд.

(как всем тут стало известно – это чисто американский бренд, а где ковбои, там евреи);

на резьбу «Святого источника» навёртывается хитрое приспособление, называемое «Булик»:

обыкновенная пробка «унисекс», в которую вапаян классический напёрсток (немецкое изобретение, имеется в виду – напёрсток);

пробитый насквозь в нескольких местах, в него насыпаешься ты,

Моя Любовь,

Моя Марихуана,

поджигашься,

бурбулируешься,

вдыхаешься,

кайфуешься.

В моём эстетском варианте «Булик» переименован в «Булька», и давно уже задыхается без финансовой поддержки клуб этих самых «13 булек», где самый продвинутый в мире бизнесмен должен посетить тринадцать моих ШОУ «ГОН», чтобы выкупить их всех с аукциона – цена реальная, булька – золотая, первым её купил шурин мой, знаменитый певец романтического русского кантри, Белый Орёл, зовут Лёня, теперь – самостоятельный певец, что-то они там все перехерачились.

Та же «Булька», как уже упоминалось, реформированная под портрет знаменитой голливудской артистки в стиле Сальвадора Дали Каменеч Куси Фаррсеа, откусывающая вдогонку огрызок сигары «Черчилль» - из чистого золота – попробуйте, пожалуйста, – присутствует на всех афишах, сколько людей на них смотрело, даже сведущих – ни хрена не догадались.